

СЕРГЕЙ СНЕГОВ

ДИКТАТОР

SERGEY SNEGOV
DICTATOR

Сергей Снегов

Диктатор

«СОЮЗ»

1987-1991

Снегов С. А.

Диктатор / С. А. Снегов — «СОЮЗ», 1987-1991

ISBN 978-5-6050124-0-5

Некая вымышленная планета, удивительно похожая на Землю, погружена в войну и политические дразги. Правитель одной из могущественных стран – полковник Алексей Гамов объявляет себя диктатором и ставит перед собой, казалось бы, невыполнимую задачу – объединить мир под своим руководством и добиться того, чтобы одно лишь упоминание о войне вызывало у людей ужас и отвращение. Для достижения поставленной цели он выбирает все доступные способы, в том числе и самые жестокие и неординарные, но все они подчинены одной благородной миссии – войне против войны.

ISBN 978-5-6050124-0-5

© Снегов С. А., 1987-1991

© СОЮЗ, 1987-1991

Содержание

Часть первая	6
1	6
2	15
3	18
4	23
5	28
6	36
7	42
8	49
9	56
10	63
Часть вторая	70
1	70
2	73
3	79
4	87
5	92
6	98
7	103
8	111
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Сергей Снегов Диктатор

© Т. С. Ленская
© Е. С. Ленский
© ИП Воробьёв В. А.
© ООО ИД «СОЮЗ»

* * *

Часть первая

Порыв к власти

1

Все гости входили пристойно: аккуратно открывали и прикрывали дверь в гостиную, сначала громко здоровались сразу со всеми, потом чинно обходили комнату, рукопожатствуя с каждым. Он не вошел – ворвался. И так хлопнул дверью, словно хотел с ней расправиться. И прямо с порога крикнул нам:

– Это безобразие! Спрашиваю: как это вам понравится?

В эту минуту я увидел его впервые. Впоследствии я научился отделять его внешность от характера, но тогда меня поразило, насколько облик ворвавшегося в комнату человека не координируется с его поведением. Сейчас портреты Гамова висят в миллионах квартир – никого не удивить подробным описанием его наружности. Но, повторяю, меня поразила не внешность Гамова, в общем вполне ординарная: невысок, широкоплеч, крупноголов, туловище плотное, ноги коротковаты, руки еще короче, – а именно то, что обыденнейший вид никак не сочетался с необыкновенной манерой вести себя.

– Алексей Гамов, по профессии – астрофизик, по душе – отпетый философ, по натуре – взбесившийся бык, – сказал Павел Прищепа, инженер моей лаборатории. Павел привел меня на «четверг» у Готлиба Бара, пообещав, что встречусь с интересными людьми и получу удовольствие от умных разговоров в смеси с безумными выходками. Не знаю, относил ли Павел красочное появление Гамова к обещанным «безумным выходкам», но Гамова он обрисовал точно, в этом сейчас не сомневаюсь.

Готлиб Бар, «хозяин четверга», знаток литературы, ироник и циник, один отозвался на громкое воззвание Гамова:

– Один мой приятель сработал пьеску и назвал ее: «Как вам это понравится?» Он подразумевал, что ни пьеса, ни зрители, которые будут ее хвалить, ему самому не по вкусу. У меня такое же отношение – не нравится. Удовлетворил мой ответ?

– Еще меньше, чем пьеса твоего приятеля! – Гамов плюхнулся в кресло, вытянул ноги и энергично хлопнул себя по коленям короткими, сильными руками – видимо, давал выход чувствам (потом я часто видел у него этот жест, когда он бесился). – Догадываешься – почему? Ты же не знаешь, о чем я спрашивал.

– Не знаю, – согласился Бар. – Но какое это имеет значение? Что бы ты ни имел в виду, ответ может быть только в двоичном коде: да или нет. Слово «нравится» мне нравится гораздо меньше, чем «не нравится». Ибо и в совершенстве есть изъяны, и на солнце есть пятна. «Нет» всегда обоснованней, чем «да». Вот почему отвечаю спокойно: нет!

Гамов вдруг стал очень серьезным. Он был мастер на внезапные переходы от возмущения к добродушию, от бешенства к спокойствию, от равнодушия к ярости. Мгновенные перемены настроений входили в систему приемов, которыми он сражал противников.

– Значит, не дошли последние сообщения, – сказал он. – Так вот: Артур Маруцян выступил с новой речью. Он обещает помощь Патине против Ламарии в их вековечном трагическом споре о каких-то трех вшивых пограничных деревеньках. Завтра начнется мировая война.

– Уж и война! Да еще мировая! Допускаю, пара стычек патрулей, трое раненых, один убитый... Большого споры патинов с ламарами и не стоят.

– Война! Мировая! Завтра! Не ухмыляйся. Говорю, не говорю – кричу: завтра война! И всем нам – крышка. Всему миру крышка!

Он, конечно, не кричал, но постарался, чтобы голос звучал выразительно. Он с вызовом оглядывал гостей Бара. Теперь я должен сказать и о них: многие сыграли роль в последующей драме. Кое-кого я знал и раньше, иных видел впервые. Среди незнакомых выделялся рослый, жилистый, длиннорукий, с аскетическим лицом Джон Вудворт, кортез, лет десять назад переселившийся в Латанию и объявивший, что наконец нашел родину по душе. Это не мешало ему, как я сам потом слышал, гневно ругать наши порядки и восхвалять Кортезию, которой он изменил. Правда, было известно, что на старой родине он не рассыпался в похвалах и ей. Он был из людей, которые видят хорошее лишь там, где их нет.

Второй незнакомец, Аркадий Гонсалес, преподаватель истории искусства, знаток древней живописи, казался сошедшим с одной из старых картин (он только сменил одежду на современную). Узколицый, остроносый, с кожей такой нежной, с талией такой тонкой, с кистями рук такими маленькими, что, переоденься он женщиной, никто бы не догадался, что перед ним фанатик жестокости и силач. Все это я узнал о нем после, а в тот вечер только любовался им – он был незаурядно красив.

Зато третий незнакомец, Николай Пустовойт, желания любоваться им отнюдь не вызывал. О таких, как он, говорят: «Отворотись – не насмотришься». Я не хочу сказать, что он был уродлив – фигура и лицо выглядели вполне нормально, но в целом складывалось впечатление, что он некрасив. Вероятно, это объяснялось несимметричностью: над крупным телом на длинной шее вздымалась маленькая голова, а на мелком лице торчал чрезмерный нос, мощно нависающий над столь же чрезмерным толстогубым ртом. Потом, когда его изображения стали часто передаваться по стерео и печататься в газетах, необычный облик постепенно перестал удивлять. Но в день знакомства я запомнил только огромный нос над широким – за щеки – красным ртом, все остальное на этом лице терялось. К тому же вы невольно ждали, что у крупнотелого и мощноротого Пустовойта и голос окажется громким и повелительным, во всяком случае – четким. А речь была тихой и невнятной, почти смиренной. Он был чутким и мягким, этот странный голос Николая Пустовойта, в тот момент – бухгалтера строительной конторы, а впоследствии – могущественного министра Милосердия (как много, как бесконечно много отчаявшихся людей протягивали к нему руки за помощью!) Сейчас я знаю, что только тихий, добрый голос Николая Пустовойта истинно отвечал его характеру.

Об остальных гостях Готлиба Бара говорить не буду, они сами расскажут о себе в назначенное время; но о «хозяине четверга» упомянуть нужно. Кстати, о забавном прозвище. Оно возникло из его литературных увлечений. Он рассказывал, что какой-то писатель – я его не читал – опубликовал роман под удивительным названием «Человек, который был четвергом». «Я, конечно, не четверг, – важно говорил о себе Бар, – но раз уж собираю вас у себя на четверговые встречи, значит, хозяин четверга – наименование точно отвечает моему значению в вашей компании». И хохотал, упоенный хлестким прозвищем. Любовь к позе была главным в нем, впоследствии моем друге и помощнике. И он искренне считал себя значительней всех нас, ибо умел о любом факте высказать два противоположных мнения – и оба убедительных. Но сразу же отмечу, что этот софист и ерник, в тот момент лишь главный инженер моторостроительного завода, Готлиб Бар глубже нас всех вникал в практические дела и куда лучше выискивал бездны возможностей в каждой безвыходной ситуации. По профессии инженер, он по глубинной сути своей был государственным организатором. И не подозревал об этом, пока его чуть ли не силой не сделали тем, кем он был от природы.

Жена Бара, безликая женщина, вкатила столик с чашками, самоваром и печеньем и тут же ушла. В тот вечер я не рассмотрел ее. И потом, хотя видел сотни раз, так и не запомнил ее внешности. Вероятно, просто нечего было запоминать. Она возникала, что-то делала и исчезала. Все остальное, кроме того, что она возникает и исчезает, не имело значения.

Николай Пустовойт налил себе чаю, схватил печенье – и, звонко хрустя им, заговорил: – Патины вечно ссорятся с ламарами, но почему обязательно война?

Гамов ответил с прежней энергией:

– Потому что ваш любимый вождь, ваш ошалелый дурак, ваше ничтожество Артур Маруцзян обещал сегодня помощь патинам в их пограничных спорах. А патины этим завтра воспользуются.

– Зачем ты так? – с обидой произнес Пустовойт. – Ты же знаешь: я не максималист. Трудно, очень трудно говорить с тобой!

Он отвернулся от Гамова. Эстафету спора перехватил Вудворт. Он не шутку возмущился.

– А я буду говорить! И не позволю так отзываться о Маруцзяне. Я максималист и высоко чту лидера моей партии. Я не знаю другого такого же...

– Дурака и ничтожества, – хладнокровно повторил Гамов. – К сожалению, иначе назвать вашего лидера не могу. Теперь у вас две возможности, Вудворт: вызвать меня на дуэль или написать на меня донос. Вызывать не советую: стреляю без промаха – сто раз проверено. В дуэли все шансы на моей стороне.

– Есть еще третья возможность, – гневно отрезал Вудворт. – Прекратить всякое знакомство с таким человеком, как вы, Гамов.

И он резко отвернулся.

Гостиная в трехкомнатной квартире Бара была просторная – на три кресла и шесть стульев. Вудворт прихватил кружечку чая и уселся в дальнем углу, демонстрируя равнодушие ко всему, что еще произойдет. Гамов проводил его насмешливым взглядом. На Гамова насел Бар.

– Все, что ты нам тут наговорил, – вздор! И я это докажу.

– Ты все можешь доказать: и что черное абсолютно бело, и что белое черным-черно.

– Ограничусь пока тем, что белое – бело. Отвечай: можно ли начать большую войну без подготовки? Без накопления материальных ресурсов, резервов оружия, без скрытой мобилизации?

– Невозможно. Ну и что?

– А то, что такой подготовки нет. Мы ее не видим, а ведь скрыть ее невозможно. Тебя это не убеждает?

– Убеждает в том, в чем я давно убежден: если Маруцзян и маршал Комлин начинают большую войну, предварительно к ней не подготовившись, то им нельзя управлять страной. Нас разобьют.

Бар обратился к молчаливому Казимиру Штупе, военному метеорологу – я с ним встречался в семье Павла Прищепы. Генерал Леонид Прищепка, отец Павла, по должности соприкасался с метеорологической службой, молодой ученый ему нравился. А Павел со Штупой дружил.

– Надеюсь, Казимир, вы не выдадите государственных секретов, если скажете, есть ли изменения в режиме метеорологических станций? Судя по тому, что небо безоблачно и ветра нет, больших нарушений погоды не ожидается? Я верно оцениваю обстановку?

Штупа пожал плечами. Погода может измениться ежечасно. Стоит говорить лишь о запланированной стабильности климата, но не о постоянстве ветра или дождя. Опасных нарушений метеобстановки пока нет. И особых мер по сохранению климата не предписано. Кстати, на ближайшие двое суток планируется отличная погода.

– Ты слышал, Гамов? – Бар любил побеждать в перепалках и умел это делать. – Нарушений климата не предвидится, а без этого крупная война невозможна. В старину обходились маршами пехоты и наступлениями бронетанковых армий. Современная добротная война – это прежде всего жестокая метеосхватка. Разве не так?

Гамов снова изменился – согнулся в кресле, криво усмехаясь. Он вдруг словно постарел на десяток лет. Такое нельзя было сыграть – его искренне терзали страшные предчувствия.

– Добротная война? – сказал он горько. – Бессмысленная, так правильной. Преступление перед человечеством, какого еще не бывало!

– Все войны по-своему преступны. Ибо приводят к гибели невинных и непричастных людей. Ты это хотел сказать?

– Бессмысленная война, – повторил он. – Много было войн в истории, в некоторых имелся свой смысл. А в той, что разразится, смысла нет. Она бесцельна и потому преступна.

До этой минуты я только молчал и слушал. У меня не было своего мнения. Я еще не думал, скоро ли война, будет ли она вообще. Великие события мира от меня не зависели. Но мысль о бессмысленности новой войны заинтересовала. Я попросил объяснения.

Гамов ответил лекцией. В ней уже были те идеи, с которыми он впоследствии обращался ко всему миру. Но в тот вечер я не был к ним готов. Я был пропитан традиционными воззрениями на войну как на продолжение государственной политики. Как-то в музее я видел старинную пушку, на ее дуле змеилось изречение: «Последний аргумент королей». Королей осталось мало. Но для председателей и президентов, сменивших венценосцев, этот «последний аргумент» был по-прежнему самым веским доводом. Много в речи Гамова показалось мне либо блажью, либо любовью к парадоксам. Зато пафос ее увлек.

После того вечера многие миллионы людей – и друзья, и враги – многократно слышали Гамова, и на всех действовало не только что, но и как он говорил. Он умел убеждать, потому что сам был безмерно убежден. От его голоса, от силы его слов надо было либо заранее готовиться защищаться, либо безвольно подчиняться их действию. Но я впервые слышал его речь, не реплики в споре, не игру в словесные парадоксы – и не подготовил защиты. Меня заполнила страсть, негодование и боль, возмущение и сострадание, не сопровождавшие рассказ о войнах, что уже были, и о войне, что готовилась, нет, повторяю, не сопровождавшие, а возникавшие как что-то неотделимое от мысли и слов. Я всем в себе резонировал на речь – так, наверное, горячая молитва верующего порождает в нем самом ответный словам поток столь же горячих чувств. Гамов потом говорил, что я не только верный его последователь, но и первый из учеников. Сомневаюсь, что в тот вечер у Бара я уже стал его последователем. Но что психологически готов был им стать, убежден абсолютно.

После речи Гамова стало неинтересно говорить о чем-либо другом. Чай был допит, печенье съедено. Вновь появилась призрачная жена Бара и убрала столик с пустым самоваром. Мы начали расходиться. Первыми ушли Павел Прищепа с Казимиром Штупой. Когда я оделся, только хмурый Джон Вудворт еще оставался в кресле. Я вышел вместе с Гамовым. Над землей сияла полнозвездная ночь.

– Нам по дороге, – сказал Гамов. – Почему вы так всматриваетесь в небо, Семипалов?

– Давно не видал яркого ночного света. Наверху устроили торжественный пленум звезд. Все светила на месте, ни одно не прикрыто облачком.

– Все светила на месте... – рассеянно повторил он.

На великолепно иллюминированном небе сверкала белая Вега, неподалеку тонко сияли Плеяды, летящая коляска Кассиопеи стремилась захватить сверкающих соседей, уже склонялась к горизонту горбатая Большая Медведица. И, расплескав могучие крылья, звездный Орел тремя ярчайшими светилами бурно мчался прямо на Вегу. Всем своим блеском небо безмолвно свидетельствовало о спокойствии.

Мне захотелось подразнить Гамова.

– Гамов, звездное небо доказывает безопасность. Не похоже, чтобы готовилась война.

Он вдруг остановился, с ним это случалось часто – внезапно замирать во время ходьбы.

– Красота этого неба свидетельствует не о безопасности, а о беспечности наших руководителей. Они не понимают, какую кашу заваривают. Уверен, что в эту минуту на всех метеогенераторных станциях Кортезии спешно форсируются режимы.

– У нас договор с ними о плановой эксплуатации циклонов.

– Плюют они на договоры! А если сегодня еще не плюнули, завтра обязательно это сделают! Вы главного не понимаете, Семипалов: кортезы – хищники, а мы – дураки! Они ждут лишь повода, чтобы напасть. В такой момент объявить о поддержке патинов!..

– Патины наши союзники...

– Союзники! А какая нам польза от союза? Добро бы они только укрывались за нашей широкой спиной... Но патины воинственны не по реальной силе! Вилькомир Торба, напыщенный индюк, втравит нас в драку с Кортезией ради своих крохотных интересов. Заставит нас воевать, а при первом поражении сразу изменит.

– Вы пессимист, Гамов. Такое неверие в союзников!

– Я реалист и не дурак.

Я потянул его за руку. Не терплю, когда ни с того ни с сего вдруг останавливаются на полушаге. Он очнулся. Теперь он шел так быстро, что я еле поспевал за ним.

– Куда вы торопитесь, Гамов?

Он не сбавил шага.

– Не могу идти медленно, когда думаю. И не люблю ночных улиц. Столько дряни выплескивается наружу. Каждую минуту ожидай бандитя. Стараюсь обходиться без поздних прогулок.

В городе и вправду становилось все больше хулиганов. Полиция поддерживала сносный порядок лишь на центральных проспектах, а Готлиб Бар жил на окраине.

Несколько минут мы шли молча. Потом увидели впереди двух женщин. Они обернулись, разглядели, что мы приближаемся, и ускорили шаг. Гамов засмеялся: его позабавило, что нас приняли за хулиганов. Он сбавил ход, расстояние между нами и женщинами стало увеличиваться. На новом повороте улицы мы перестали их видеть – и сейчас же услышали крики. Я оглянулся – нет ли поблизости полицейского или других прохожих. Гамов толкнул меня в плечо.

– Бегом! Не стойте как истукан!

Он так рванулся вперед, что я догнал его лишь за поворотом. Женщины пытались вырваться из кольца обступивших их пятерых парней. Двое зажимали одной из них рот и тащили с собой, вторая, не переставая кричать, отбивалась от остальных. Увидев нас, от группки отделился самый рослый – и схватился с Гамовым. Двое парней кинулись на меня, двое продолжали возиться с женщинами. Мои противники были из зверья, бравшего многолюдством стаи, но не умением драться. Одного я ударил ногой в пах, он завертелся, заверещал, сжимая живот, и выбыл из схватки. Второй был проворней и сильнее. Он парировал мой выпад, а от его удара в голову я еле устоял на ногах: здания, как живые, вдруг запрыгали перед глазами. Я прислонился спиной к стене. И в это мгновение услышал дикий вопль, потом звериный визг. Я ударил своего противника в плечо, он охнул и отшатнулся – и, на несколько секунд освобожденный, я увидел, что Гамов и его враг катаются по мостовой. Противник Гамова был на голову выше его, успел выхватить нож, но Гамов повалил его наземь и, выкручивая руку с ножом, зубами впился ему в подбородок. Даже в малярийном бреде не вообразить зрелища чудовищней: страшно выкаченные глаза обоих, нелепо вывернутая кисть нападавшего и залитый кровью рот Гамова, грызущего парня. Тот отчаянно старался свободной левой рукой оторвать от себя Гамова, но не мог – и визжал и выл звериным воем.

Парни, возившиеся с девушками, поняли, что драка пошла нешуточная, и поспешили на помощь своим. На меня опять навалились двое, третий, стараясь вызволить высокого балбеса, выдиравшегося из мертвой хватки Гамова, тоже выхватил нож, но все не мог пустить его в ход: два тела на земле дергались и взбрыкивали так, что он боялся попасть в своего. Пятый, выключенный ударом в пах, тяжело стонал и все не отрывал рук от живота.

Мои противника ножей не вытащили – одолевали силой. Но из-за поворота вдруг вырвался Джон Вудворт.

– Держитесь! Иду! – кричал он, набегая.

В следующий миг один из моих противников отлетел и ударился головой о стену. Второй согнулся под ударом тяжелого кулака Вудворта, и я его срубил его. Впрочем, оба тут же вскочили и удрали. Мы с Вудвортом бросились к Гамову. Парень, крутившийся вокруг двух катающихся тел, тоже пустился наутек. На месте остались два поверженных врага: мой первый противник, не отрывавший обеих рук от паха, и верзила, приподнявший голову и рукой ошупывавший окровавленное лицо. Он уже не визжал, а в голос плакал и твердил:

– Разве так можно драться? Разве так можно?..

Гамов, встав с нашей помощью на ноги, сразу успокоился. В ту первую встречу я еще не привык к мгновенным переменам его состояний – и меня поразило, как быстро он перешел от звериной ярости к почти безмятежному хладнокровию. Он аккуратно вытер залитое чужой кровью лицо, дико выкаченные еще минуту назад глаза глядели уже спокойно, почти весело. Он протянул руку Вудворту.

– Вы нас выручили. Благодарю.

Вудворт без охоты взял пожал руку Гамова. Он еще не забыл их резкий спор у Бара. Он был не из отходчивых.

– Что делать с подонками? – Он показал на парней.

– Сдадим в полицию, там дознаются и о сбежавших друзьях, – предложил я.

– Отпустим, – решил Гамов. – Что им полиция? Каждый не раз прохлаждался в полицейских камерах. Но я раньше поговорю с ними. Вставай! – приказал он, толкнув ногой лежащего.

Мой противник, еле держась на трясущихся ногах, уже не стонал и не прижимал руки к животу, но опухшее лицо и безумные глаза показывали, что боль от жестокого удара не проходит.

А верзила, дравшийся с Гамовым, выглядел еще хуже: лицо было залито кровью, правая рука повисла. И он все твердил, плача:

– Разве так дерутся? Руку выломал, рожу перекусал, как бешеная собака... Люди вы или не люди? Так же нельзя драться!

– Замри! – велел Гамов. – Не испускай скверных звуков. Слушайте меня, остолопы. Моя фамилия Гамов. Запомнили? И если когда-нибудь увидите меня издали – бледнейте, теряйте голос – и бегите! Понятно?

– Отпустите, в больницу надо! – простонал мой противник.

– Бледнеть, терять голос – и бежать! – повторил Гамов свой странный приказ. Ни я, ни Вудворт понятия не имели, какая грозная правда скрывается в его словах. Гамов опять стал впадать в бешенство. – Кому сказал: потерять голос? Не плакать и не охать! Всем в стае передать: иду на вас, бойтесь! Теперь – наутек!

Наутек оба парня не бросились, но и задерживаться не захотели. Гамов засмеялся, глядя, как они ковыляют. Мы с Вудвортом переглянулись, Вудворт пожал плечами.

– Нагнали на них страха! – с удовлетворением сказал Гамов. – Они будут бледнеть и неметь, услышав о нас.

– О вас, – холодно поправил Вудворт. – Вы назвали только свою фамилию. Впрочем, ваша ярость в схватке, а также умение нашего друга Андрея Семипалова драться, – он церемонно поклонился мне, – впечатлили этих бандитов гораздо больше, чем ваши театральные приказы.

Гамов возразил – и серьезней, чем следовало бы в этой ситуации:

– Вся наша жизнь, дорогой Вудворт, игра на подмостках истории. А в игре слова бьют сильнее обуха и ранят больней ножа. Слово есть дело – и грозное дело, доложу вам! – Он добавил с раздражением: – Председатель вашей партии сегодня произнес несколько слов – и потратил на них ровно столько усилий, сколько нужно, чтобы выдохнуть из легких немного скверного воздуха. А слова его станут грохотом машин, огнем и пеплом, смертями женщин и детей. Убийственным ураганом пронесутся они по несчастной земле.

– Вы уже говорили на эту тему у Готлиба Бара, правда, не столь выпендренно, как сейчас, – недружелюбно сказал Вудворт. – Разрешите мне уйти.

И, холодно кивнув, он направился к перекрестку, откуда выбежал на шум драки. Он не придавал значения ни разговору Гамова с двумя хулиганами, ни его мрачному восхвалению могущества слова. На меня яркие слова действуют сильнее, чем на Джона Вудворта, но и я даже отдаленно не представлял себе, что может реально стоять за сценой, разыгранной Гамовым. Не уверен, что он предугадывал, какие наказания обрушит впоследствии на тех, кого назвал «уличным бандитом», какую пропишет судьбу отребью общества. Но что он способен на такие действия, думаю, знал ясно. Я подобной проницательностью, равнозначной прозорливости, не обладал.

Зато меня потрясла (это сильное слово – единственно точное) драка Гамова с парнем, замахнувшимся на него ножом. Она не лезла ни в какие рамки. Бандит, рыдавший: «Так не дерутся!», был прав. Так в наше время никто не дрался, да и раньше тоже. Привычная, освященная обычаем драка протекает иначе: ну, обмениваются бранью и проклятьями, ну, наносят друг другу – сама фразеология чего стоит: друг другу, а не враг врагу – кулачные удары, ну – последний аргумент хулигана – втыкают друг в друга ножи. Все просто. Я снова и снова вспоминал: Гамов был в неистовстве, его палила дикая ярость, трясло вдохновение ненависти – такие эмоции несоразмерны с уличной дракой! Я вдруг вспомнил древнего полководца, перед решающей битвой наставлявшего своих солдат: «Бейте дротиком в лицо, а не в грудь и не в живот. Враги знают, что раны и смерть в бою возможны, заранее идут на это, но уродство для молодых вражеских всадников непереносимо, они будут отшатываться перед копьями, а не бросаться на них». Тот полководец, конечно, победил, но он сражался за владычество над миром, да к тому же у его врагов было вдвое больше войска, победа требовала хитрости. Но за что боролся Гамов? К чему бы такое исступление?

На следующем перекрестке Гамов остановился.

– Вам направо, мне налево. Мы провели нехороший вечер – и поспорили, и подрались, и можем спать в ожидании какого-то завтра.

– Вечер был нехорошим, вы правы, – сказал я. – Против спора ничего не имею, но драка меня не восхитила. До отличного завтра.

– Я не верю в хорошее будущее, – буркнул он и ушел.

Я медленно двигался по ярко освещенной пустой улице. Было еще не поздно: только перевалило за полночь, но город словно вымер. Волчьи стаи хулиганья владычествовали в ночные часы – жители рано запирались в квартирах. Я не опасался нового нападения: хулиганы поделили между собой городские районы, одна шайка не совалась во владения другой. Мы проучили пятерых местных, а других не ждать.

И я поднимал голову, любовался небом – звездный мир ликовал, вселенная предавалась какому-то величественному торжеству. Из-за крыш выдвинулся Орион, в нем красно калился Бетельгейзе, бело пылал Ригель. И ярчайшая звезда неба, великий Сириус, медленно приподнимался над зданиями. Меня охватил восторг – так прекрасен, так невыразимо прекрасен был мир, который мне сподобилось видеть!

Я не торопился. Дома меня никто не ждал. Жена уехала на лето к своему отцу. Я не был уверен, что она вообще вернется.

Перед отъездом она сказала, что лучше быть одинокой, чем иметь мужа, на самом деле его не имея. Я ответил: уж какой есть... Она может считать себя свободной и поступать как заблагорассудится. Она поблагодарила так зло, что эта благодарность была хуже пощечины. Вот так мы расстались с ней месяц назад.

И у входа в свой дом я еще постоял на улице, радуясь звездному торжеству. Шел второй час ночи. Я открыл дверь и замер. На диване – сидя – спала жена. Я придвинул стул, уселся и стал смотреть на нее. Она казалась усталой и похудевшей, темные полукружья очеркивали

сомкнутые глаза. Все это не имело значения. Она была прекрасна. Она была еще красивей, чем в тот день, двенадцать лет назад, когда я впервые ее увидел и когда, знакомя нас, Павел Прищепа шепнул: «Первая красавица института – учти!» Как часто я досадовал, что она так красива: для семейного спокойствия надо бы заводить жену не выше стандартной миловидности. И не я выбрал ее в жены, я не осмелился бы выбрать такое совершенство. Она назначила меня в свои мужья и потом злилась, что я сопротивлялся и даже уверял, что не та-де оправа для драгоценного камня.

С тех дней прошло двенадцать лет – в нас многое изменилось. Во всяком случае, я не ожидал, что она вернется так скоро.

Она открыла глаза и зевнула.

– Я заснула, Андрей, – сказала она сонно.

– Ты еще спишь, Елена.

– Сколько времени? Четыре ночи?

– Только два, Елена.

Она засмеялась.

– Елена, Елена!.. Как ты любишь повторять мое имя.

– Хорошее имя, Елена.

– А я хуже своего имени?

– Лучше!

Она покачала головой. Сейчас пойдут упреки, понял я.

– Я думала, тебе станет свободней в мое отсутствие. При мне ты редко приходил раньше трех. Но вот всего два, а ты уже дома. Без меня квартира приятней?

– В твое отсутствие я часто совсем не ночевал дома. Сегодня особый случай. Четверг.

– Да, помню: интеллектуальный бал у Бара. Скучное сборище скучных людей в тесной комнатке, где не пройти между стульями. Не понимаю, почему тебя тянет к Бару.

– Была бы сегодня у него, поняла бы. Собрались интересные люди: Джон Вудворт, Казимир Штупа, Николай Пустовойт, Алексей Гамов...

– Вудворта знаю. Кортес с лицом страстотерпца. И Штупу с Пустовойтом встречала. А кто такой Гамов?

Я рассказал о споре, помянул уличную драку. Елена испугалась.

– Ты не ранен? Ушибов нет? Повернись. Вся спина перепачкана. Вот здесь порвано. Ты не терся о кирпич?

– Прижимался к стене, когда насели двое. Если бы не Вудворт, ущерб был бы посущественней, чем разорванный пиджак.

– И брюки перепачканы! Снимай костюм. Утром вычищу.

Я осмелел настолько, что спросил:

– Елена, я боялся, что ты уезжаешь навсегда. Но ты вернулась. Как это понимать?

– Вот так и понимай – взяла и вернулась.

– Тогда разреши спросить...

– Не разрешаю! – она начала сердиться. На нее часто находило – и, бывало, без видимых причин. – И если честно, так сама у себя спрашиваю: почему вернулась?

– И не находишь ответа на слишком трудный вопрос?

– Если бы трудный! Примитивно простой. И ответ на него примитивно прост. – Она печально улыбнулась – себе, не мне. Она жалела себя – с чем-то не могла справиться. Она всегда хорошо улыбалась, Елена. Она так объяснялась и признавалась. И сразу хотелось сделать для нее что-то доброе. – Я просто окончательно поняла, что жить с тобой трудно, а без тебя невозможно. Первое я установила давно, а второе стало ясно, когда захотела превратить нашу временную разлуку в постоянную – и не смогла.

Я потянулся к ней. Она покачала головой.

– Отношения выясним завтра. Ужасно хочу спать.

Она ушла к себе. Я еще посидел на диване. Я и радовался, что она вернулась, и боялся завтрашнего объяснения. Как бы она опять не потребовала, чтобы я сломал всю свою жизнь. Я не был тем мужем, какого она заслуживала, не раз пытался им стать – но у меня ни разу не получалось. И уже не получится.

Устав от размышлений, я так и заснул на диване.

И проснулся от грохота снаружи. Я распахнул окно. В комнату ударил ветер, посуда в шкафу зазвенела, стулья тяжело зашевелились. По голове хлестнула портьера, лицо окатило дождем. Над городом бушевал ураган. Одна молния перебивала другую, грохот валился на грохот. В свете небесного пламени ошалело неслись тучи. Ни в каких метеосводках не планировались подобные безобразия, никакие аварии на метеостанциях не могли вызвать подобную бурю!

Я захлопнул окно и включил стерео. Диктор передавал сводку новостей. Патина, не стерпев пограничных провокаций ламаров, ответила сокрушительным ударом. Ее армия смяла вражеские заслоны и успешно продвигается к Ламе, столице Ламарии. Коварная Ламария запросила помощи у Кортезии и Родера. Кортезский Амин Аментола произнес угрожающую речь. В портах Кортезии объявлена тревога, заокеанские метеогенераторные станции переведены на усиленный режим. Флот вышел в океан.

– Перед лицом неслыханной провокации правящей клики Кортезии, – торжественно вещал диктор, – наша страна не останется безучастной. Председатель правительства Артур Маруцян подписал указ о мобилизации добровольцев на помощь беззащитной Патине, так долго и так безропотно сносившей издевательства наглых ламаров. В добровольцы принимаются мужчины от 18 до 55 лет. Запись начнется с восьми часов утра. Все метеогенераторные станции приступили...

Сильный раскат грома заглушил передачу. Электричество мигнуло. Экран стереовизора еще слабо светился, но диктора почти не было видно, и его голос звучал слишком тихо, чтобы можно было разобрать слова в оглушительном реве урагана.

Из спальни выскользнула перепуганная Елена.

– Андрей, что случилось?

– Война! Всеобщая война, та, которую несколько часов назад предрекал Гамов. А я ему не поверил!

2

Война шла плохо.

Вначале, конечно, мы побеждали. Патины разбили ламаров, захватили их столицу Ламу, пересекли границу Родера, главного союзника Кортезии. Родеры защищались упорно и умело: старая военная нация, неоднократно наводившая страх на соседей, и теперь, после последней проигранной ими большой войны, после трех десятилетий разоружения, показывала, что не потеряла ни воинской доблести, ни мужества. Патины еще продвигались, но было ясно, что без нашей помощи они скоро остановятся. Наша армия пока стояла на границах, но быстро сформированные дивизии добровольцев вступили в Патину и были готовы вторгнуться в Родер: Артур Маруцзян пока медлил с приказом. Зато Амин Аментола, президент Кортезии, не терял и часа. В портах Родера выгружались оружие и солдаты заокеанской республики. В отличие от осторожного Маруцзяна, бесцеремонный Аментола не камуфлировал хорошими словами нехорошие дела – его солдаты так и назывались солдатами, а не добровольцами, их соединениям присваивались армейские номера, а не воодушевляющие наименования, как у нас.

После первых успехов в Адан, нашу столицу, съехались главы дружественных держав – и победоносной Патины, и Нордага, и Великого Лепиня, и Собраны. Даже Торбаш, политический ублюдок без армии и промышленности, прислал своего главу – он именовался королем и носил наследственный номер: Кнурка Девятый. Я о нем еще поговорю, этот тщедушный мозгляк Кнурка имел в своей маленькой голове, как потом выяснилось, гораздо больше мозгов, чем все правители союзных государств вместе взятые. В Адане устраивались торжественные приемы. Утренние заседания сменялись вечерними банкетами. Артур Маруцзян произносил три речи в день. Речи были отличные – благородные принципы вселенского содружества государств и ужасные угрозы врагам, которым, естественно, обещалось полное поражение.

Конференция союзников закончилась, главы государств разъехались, враги на фронте перешли в контрнаступление. Их отбили, они снова насели. Заранее восславленная победа оборачивалась реальным поражением.

– Не понимаю, Андрей, – сказала как-то вечером Елена. – Где правда? По стерео передают о продвижениях патинов, а в продовольственных очередях твердят, что наши оставляют завоеванные города.

– Передачи врут, слухи преувеличивают. На фронте города переходят из рук в руки.

– Такая недостоверность! По-моему, надо говорить правду. Если наступаем – значит, наступаем, и можно успокаиваться. Если бежим – значит, бежим, и надо утруждать усилия.

– Ты не политик, Елена. Ты не умеешь врать. Для политиков правда – неэффективное оружие. Во всяком случае, так привыкли считать.

– Ты прав, я не политик и никогда политиком не буду. Ненавижу ложь!

Меньше всего мы оба, она и я, могли вообразить, что уже немного осталось до времени, когда мы станем политиками, и если бы кто сказал нам, в какие фигуры мы превратимся в недалеком будущем, мы назвали бы его безумным. Ни во мне, ни в ней не было ни черточки, ни атома того, что могло бы закономерно разрастись в раковую опухоль величия. Мы были средними людьми – и не собирались выплескиваться из обыденности. Все, что свершилось дальше, произошло независимо от нас – командовали обстоятельства, нам неподвластные.

Одно было хорошо для нас с Еленой в те первые месяцы войны. Я стал рано возвращаться домой. Если раньше разрешали засиживаться в лаборатории и я задерживался, насколько хватало сил (эксперименты шли трудно), то теперь вечером институт запирали, чтобы обезопасить его от проникновения диверсантов (ночью в здании оставались только несколько сотрудников – так нам объяснили). Я доказывал: во время войны нужно работать больше – а меня обрывали:

директива обсуждению не подлежит, извольте подчиняться. Я подчинялся, Елена радовалась: даже после свадьбы мы не проводили столько времени вместе!

– Что говорят в очередях? – спрашивал я.

– Очень многое! И не всегда врут. Две недели твердили, что уменьшат мясную норму. И что же? В этот месяц мяса вообще не будет: бояться, что второго метеонападения не отразят, и тогда урожая не ждать. Как ты думаешь, будет второе метеонападение?

– Генералы Аментолы не делятся с нами стратегическими планами. Вообще-то наши метеогенераторные станции – предприятия надежные.

Я говорил о надежности метеогенераторных станций, чтобы успокоить Елену.

Они работали хорошо лишь в спокойных условиях – мира, а не войны. Создание циклонов разработали неплохо, но управление ими относилось скорее к искусству, чем к технологии. Казимир Штупа еще до войны говорил мне, что пойманного в сети тигра гораздо легче подчинить своей воле, чем рукотворный циклон: «Веду его с океана на степи для умеренного напоя земли, а он над морем внезапно свивается в дикую бурю и три четверти своих водных запасов обрушивает на воду же. Для каждого циклона существует критическая масса и критический объем, сверх которых он становится неуправляемыми. Но каковы эти масса и объем, никто точно не знает. В трудной ситуации полагаемся на интуицию».

Во время первого – неожиданного – метеонападения метеорологам удалось отразить удар. Привычка к технологической бдительности – без этого можно потерять контроль над буйством воздушных масс – позволила нашим генераторам отогнать внезапно брошенный на нас циклон. Он слишком быстро мчался – это насторожило дальние посты контроля. Буря бушевала всего одну ночь. Уже к утру восстановилось чистое небо.

Зато на суше нас сильно теснили. Соединенная армия кортезов и родеров отогнала патинов и наших добровольцев от границ Родера, продвинулась в глубь Ламарии, отбила Ламу. Война переламывалась в пользу врагов.

Я получил призывную повестку. Мне предписывалось немедленно записаться в добровольцы.

– Иду воевать, – сказал я Елене. – Мне присвоен чин капитана-добровольца.

– Почему капитана? – Что я могу быть только добровольцем, она и сама понимала. Артур Маруцян тысячи раз говорил, что наша профессиональная армия большой быть не может: мы не воинственная страна. Не знаю, был ли в мире хоть один дурак, кого он мог обмануть таким нехитрым враньем.

– Потому капитана, что три года назад выслушал курс военных наук и прошел полевую подготовку, – напомнил я. – Без отрыва от лаборатории и по своему добровольному решению, предписанному специальным приказом. Разве ты забыла, что я в те дни почти не появлялся дома?

– Ты так часто забывал появляться дома, что я уже не помню причин: добровольная ли военная подготовка или вынужденная задержка у лабораторных механизмов. Между прочим, и я мобилизована. Буду синтезировать лекарства на фармацевтическом заводе в Адане. Завтра в десять утра должна быть на месте сбора.

– А я – в шесть утра. Даже поспать не дадут!

Утром на призывном пункте я повстречал моего помощника Павла Прищепу (его забрали от нас в начале войны).

– Андрей, беру тебя, – сказал он. – Я сформировал два добровольческих батальона, с третьим отправлюсь сам. И знаешь – куда? В дивизию «Стальной таран». А ею командует мой отец. Уясняешь ситуацию?

– Ситуация прекрасная. Твой отец профессиональный военный – все-таки гарантия от добровольческих ошибок и невежества. А в качестве кого вербуешь меня?

– По нашей специальности – в радиодиверсанты. Дивизия отца оснащена радиоимпульсаторами, резонансными орудиями и электроартиллерией. От Гамова на складах ничего важного не утаить.

– От Гамова?

– Да. Он теперь майор – зампотех командира. Прирожденный военный, говорит отец.

Этот вечер, проведенный с Еленой, был последним перед расставанием. Она уезжала в Адан на фабрику медицинских препаратов, я отправлялся на запад, в лесистые горы Патины. Я откинул штору и выглянул в окно – почудились тревожные крики. Забон лежал в темноте: чтобы даже случайно не вспыхнул где-нибудь свет, из уличных фонарей выкрутили лампы. Раньше в нашей квартире их было шестнадцать, сейчас нам оставили четыре – по числу помещений. Снаружи кричали мужчины: там дрались. Шум завершился призывом о помощи.

– Ночной грабеж, – сказал я. – Кого-то придушили или забили насмерть. Нет ночи без разбоя. Надеюсь, ты возвращаешься не одна?

– Мы собираемся по пять, по шесть женщин. Еще недавно нас развозили на служебных автобусах, но все автобусы объявили нашим добровольным пожертвованием фронту. И увезли вместе с водителями.

Мы сидели на диване. В распахнутое окно подмигивала красноватая Капелла, крупная, недобрая звезда. Елена положила голову мне на плечо, я обнял ее. Давно мы не чувствовали себя такими близкими.

– Завтра я уеду, и мы не скоро увидимся, – сказал я.

– Завтра ты уедешь, и мы не скоро увидимся, – повторила она.

3

Шел третий месяц моего пребывания в добровольной дивизии «Стальной таран».

Заканчивалось оборудование главного электробарьера на склонах двух лесистых холмов, нависавших над излучиной Барты – своенравной речки, разделившей нас и родеров. Еще на отходе к этой реке мне удалось отбиться огнем всех электроорудий от теснившего нас противника и занять эти господствующие над местностью высоты. Два месяца мы только отступали, но на новой позиции появился шанс задержать надолго – так я пообещал генералу Леониду Прищепе и его заместителю Гамову (три дня назад, перед боем на Барте, Гамов из зампотеха и майора был произведен в заместители командира и полковники). Перемены в его положении мы отпраздновали энергичным электроналетом на подвижные части противника. Враг перестал нас теснить. Это позволило нам всерьез заняться дивизионным электробарьером.

Все орудия были надежно замаскированы. Баллоны со сгущенной водой – главные наши энергоемкости – мы укрыли в котловане, в отдалении от батарей. Я позаботился о безопасности энергосклада: выход из строя одного баллона со сгущенной водой обесточивал всю батарею. В соседней добровольной дивизии «Золотые крылья» – она тогда занимала главную линию обороны в тридцати километрах впереди нас – месяц назад взорвался энергосклад. И только то, что в нем находилось всего два водобаллона, спасло «Крылья» от полного уничтожения. Мы с ужасом увидели, как впереди взвился чудовищный столб дыма и пара и в нем неистовствовали молнии. Вода, ставшая огнем и дымом, – страшное зрелище! Враги, конечно, использовали свою удачу. Не буду острить, что «Золотые крылья» неслись как на крыльях, хотя эта острота переходила из уст в уста. Но отступление «золотокрылых» после взрыва на энергоскладе иначе как паническим бегством не назвать. Они обнажили фронт – и на нас навалились гвардейцы Родера. Из дивизии второго эшелона мы внезапно стали передовой. И лишь то, что генералу Прищепе было не занимать ни храбрости, ни умения воевать, позволило нам удержать линию фронта. Мы отступали, фронт выгибался, но оставался непрерывным. А в самый трудный момент генерал получил телеграмму Комлина: Главнокомандующий приказывал немедленно отходить, чтобы не попасть в окружение.

– Как реагируем на приказ маршала? – спросил офицеров Леонид Прищепе.

– Бросим радиogramму в мусорную яму! – первым откликнулся Гамов. – А маршалу ответим, что после последнего метеоналета врага размыло все дороги назад. И потому нам легче отбросить родеров, чем отступать перед ними.

– Так и действуем! – одобрил генерал.

Вот так мы и действовали: отбивали натиск родеров, потом отодвигались на следующую подготовленную позицию.

Я поднялся на вершину холма. В стороне пролетел вражеский аэроразведчик. Ничто не показывало, что нашу позицию обнаружили. Утро было свежее и веселое. Внизу поблескивала Барта, до меня доносился тихий шелест быстрогобегающей воды, огибающей мысок между двумя холмами. Шла весна – нарядная и радостная. И веселость весны, и безоблачность неба, и беззаботный бег светлой Барты не радовали, а тревожили: было самое время для удара противника. Каждое утро начиналось с обстрела тяжелыми орудиями, с попыток сгустить в дождевые тучи все облачка, какие можно было собрать в окрестностях. Сегодня никакой активности и в помине не было. Это было грозное предзнаменование.

Ко мне подошел Павел Прищепе. Он все еще был в капитанском мундире, хотя нас с ним тоже повысили в званиях.

– Приветствую и поздравляю, майор! – сказал Павел.

– Приветствие принимаю, а поздравление – нет. Скорей приму соболезнование: дела наши плохи.

– Тогда послушай передачу из столицы.

Он протянул мне свой карманный приборчик с записью утренних новостей. Адан извещал страну, что на западном фронте положение ухудшилось: противник соединенными силами трех армий – Ламарии, Кортезии и Родера – потеснил нас из Ламарии. Наши дивизии героически сопротивляются, но натиск превосходящих сил врага не ослабевает.

– Ты поздравляешь с тем, что мы потеряли завоеванную Ламирию и скоро потеряем союзную Патину? Я верно понял?

Диктор сообщил, что в боях дивизия «Стальной таран» генерала Прищепы стала грозой противника. Ударные ее соединения под командованием полковника Гамова неоднократно срывали наступление врага. Добровольцы Прищепы и Гамова возвели неприступные бастионы на реке Барта. О них расшибают лбы гвардейские полки Родера. Командирам всех дивизий и полков надо взять в образец боевые действия старого генерала Прищепы и молодого полковника Гамова.

– Что за вздор, Павел! Неприступные бастионы, о которые гвардейцы Родера расшибают лбы... Они еще не атакуют, и пока неизвестно, кто кому расшибет лоб. Откуда в столице сведения о нашей дивизии?

– Я передал, – радостно сообщил Павел. – И по прямому запросу маршала Комлина. Он потребовал, чтобы я не поскупился на хорошие слова, лишь бы они не слишком расходились с истиной. Я офицер исполнительный, на хорошие донесения некуп. Информация о нашей стойкости явилась для маршала глотком кислорода в удушающей атмосфере.

– А восхваление Гамова? Нами командует твой отец, а не он.

– Отец потребовал, чтобы я особо выделил Гамова.

Павел любил иронизировать по любому поводу, даже издеваться. Чрезмерные похвалы Гамову давали отличный повод для насмешки.

Но Павел не позволил себе и слабой иронии. Генерал Прищепа стар, в недавнем бою его едва не вывели из строя. И он думает о будущем армии. Война выдвигает талантливых полководцев. Прищепа считает Гамова выдающимся офицером. Он верит, что такие люди способны спасти нас от поражения.

– Но Гамов не командует армией. Он заместитель командира одной дивизии.

– Он будет командовать армией, Андрей! И для этого сначала должен стать известным всей стране. Неужели тебе непонятно?

Нет, этого я не понимал. Я научился уважать Гамова, видел его военные способности (он стал душой нашей дивизии), ценил его умение успокаивать людей в опасной обстановке, воодушевлять в бою. Но военный руководитель страны? Нет, таким я его еще не представлял. Гамов потом назвал меня своим первым учеником и последователем. Павел Прищепа, командир разведки добровольной дивизии «Стальной таран», с бульшим правом мог носить звание первого ученика Гамова. Прищепа сразу поверил в него.

– Какие еще новости, Павел?

– Пока никаких. Аэроразведка не показала сосредоточения противника на нашем участке. Ты беспокоишься?

– Очень! Меня пугает безоблачность неба, тишина... Слышишь эти звуки, Павел?

– Птицы поют. Это плохо?

– Ужасно! Столько дней мы не слышали птиц! Когда запускают метеогенераторы, птицы немеют, звери замирают. Врагу самый раз напасть на нас, пока мы не укрепились на этом берегу. Так бы сделал любой грамотный военачальник. А они бездействуют!

– Известий об их действиях нет, – повторил Павел.

– На войне отсутствие новостей – очень неприятная новость, – сказал я со вздохом. – Пойдем в штаб.

Штаб разместился в небольшом особняке. В зале работали офицеры. Я прошел к генералу. Прищепка лежал на диване. Я присел рядом. В одном из недавних боев неподалеку от генерала разорвался резонансный снаряд. Прищепу трясло с такой силой, что сбежавшиеся санитары едва натянули на него тормозной жилет и еще минут пять возились, пока ввели жилет в противорезонанс. После такой вибрационной пытки обычно отправляют в госпиталь, но генерал не захотел оставлять дивизию. Он уверял, что чувствует себя неплохо. Леонид Прищепка принадлежал к здоровякам. Но что до выздоровления далеко, мы все понимали.

Он повернул ко мне темнощекое, темноглазое лицо, встопорщил седые усы. Он здоровался улыбкой – разумеется, только с близкими. Я принадлежал к самым близким из его подчиненных.

– Холодно, генерал? – спросил я. Все вытерпевшие сильную вибрацию долго страдают от недостатка тепла.

– Не холодно, а зябко. Что на позиции, Андрей?

– Полное спокойствие.

– Тебя это тревожит?

– А как иначе? Такая невозмутимость – загадка.

В комнату – как всегда, очень быстро – вошел Гамов. За ним показался Павел Прищепка. У Гамова зло сверкали глаза. Павел был бледен.

– Новая беда, полковник? – спросил Прищепка.

– Пусть скажет ваш сын!

Павел способен запоминать сводки и сообщения наизусть. Дар из кратковременных, на часы, в особо важных случаях – на сутки. В пределах этого времени он излагает известия, словно читая их. Внятно отчеркивая запятые и точки, он передал свежую радиограмму из Адана. Патина не вынесла удара соединенных армий и запросила сепаратного мира. Вилькомир Торба объявил, что не хочет подвергать военным разрушениям свою прекрасную страну. Он переоценил могущество Латании. Председатель Маруцзян обманул его, выставив не профессиональную, а добровольную армию. Надежды на победу нет. Великодушный президент Кортезии господин Аментола заверил его, что никто из сложивших оружие патинов не подвергнется репрессиям. Блюдя достоинство своего великого народа и полный высокого рвения остановить кровопролитие, президент Патины Вилькомир Торба приказывает своим войскам организованно прекратить борьбу.

– Измена! – сказал Прищепка. – Спровоцировали нас на войну за их интересы. И при первой же неудаче изменяют нам!

– Пока только предательство, а не измена, – мрачно поправил Гамов. – Они только отходят в сторону, оставляя нас один на один с врагами. Но скоро открыто перейдут на сторону Кортезии и повернут оружие против нас. Я говорил уже давно вам это говорил. Верить такому лицемеру, как Вилькомир Торба!

– Да, вы говорили, Гамов, что верить патинам нельзя. А я им верил, а вам не верил. Да что я! Как Маруцзян, столько лет стоявший в центре мировой политики, не раскусил его?

В глазах Гамова загорелась злая издевка.

– Вы спрашиваете, почему Маруцзян столь непроницателен? Все просто, генерал: Маруцзян – тупица. Хитрец всегда обведет дурака вокруг пальца. Именно это и произошло.

Прищепка с усилием приподнялся.

– Пойдемте к операторам. Боюсь, выход Патины из войны прояснит загадку спокойствия на нашем участке.

По дороге в операторскую я тихо сказал Гамову:

– Укоротите язык! Майор Альберт Пеано все-таки родной племянник Маруцзяна!

– И не подумаю! – резко бросил Гамов. – Пеано не просто племянник, а, как вы точно выразились, «все-таки племянник». Альберт – умнейший юноша и наблюдал Маруцзяна со

своего младенчества – это кое-что значит. Неужели вас не удивляет, что Пеано выслали в боевую дивизию? Если Альберт попадет у нас под резонансный удар, дядюшка вздохнет с облегчением. При Пеано можно говорить свободно.

В зале два оператора склонились над картой, расстеленной на длинном столе. Один, двадцатидвухлетний, невысокий, живой Альберт Пеано, был племянником главы правительства. Что он не в чести у своего дяди, мы слышали. Но я сам дважды присутствовал при его разговорах с Маруцзяном: и голоса, и слова, самые добрые, слухи о вражде не подтверждали. Второго оператора, Аркадия Гонсалеса, преподавателя университета, я уже видел на «четверге» у Бара и кое-что говорил о нем. Теперь скажу подробнее. Я уже упоминал, что он был высок, широкоплеч, очень красив, с женственным тонким лицом. Внешность обманывала. Все в нем было противоречиво. Он как-то на моих глазах ухватил за трос идущий мимо трактор и потащил его назад. Человек такой силы и такого роста мог стать светилом баскетбола, а он ненавидел спорт. К нему устремлялись тренеры знаменитых баскетбольных команд, но ни одному не удалось вытащить его в спортивный зал, а самого настойчивого он взял за шиворот, вынес из своей комнаты на четвертом этаже на университетский дворик и, в присутствии хохочущих зрителей обведя его размякшим телом с бессильно болтающимися ногами широкий круг, ласково сказал: «Будь здоров! Больше не приходи!»

Оба они, Пеано и Гонсалес, сами напросились в операторы. Но если Альберт с интересом вникал в военные дела и увлеченно планировал операции отхода с боями, то Гонсалес оставался равнодушным к тому, что делал. Он добросовестно выполнял приказания Прищепы и Гамова, но военной жилки в нем не было. Он никогда не просился в бой. Он не был трусом, но воинскую доблесть недолюбливал. В свободные минуты он читал исторические книги. Вначале мне казалось, что он приставлен к Пеано для тайного наблюдения и охраны. Потом я понял, что он ненавидел саму войну. Этот человек, Аркадий Гонсалес, сыгравший впоследствии такую грозную роль, воевал исправно – и внутренне презирал свое занятие.

– Плохи дела, генерал, – сказал Пеано, показав на исчерканную карандашами карту. – Родеры нас окружают.

– Пока еще нет. Но окружают, если патины сложат оружие.

– Вы в этом сомневаетесь, генерал? – Пеано усмехнулся. В его усмешке была какая-то отчаянная веселость. – По-моему, здравомыслящие люди никогда не верили в союзническую надежность патинов.

– Вы не говорили о своих сомнениях дяде, Альберт?

Улыбка Пеано стала шире. Он любил улыбаться. Я не верил ему. Улыбка была маскировкой.

– Моему дяде не говорят того, что ему не нравится.

Мы с Гамовым рассматривали карту. Позади и с боков нашей дивизии стояли патины: третий их корпус слева, четвертый и пятый – позади и справа. За пятым располагалась добровольная дивизия «Золотые крылья», потрепанная в недавних боях. На левом фланге, за третьим корпусом патинов, восстанавливалась сплошная линия наших войск. Здесь держали оборону профессиональные части, они прикрывали путь на Адан. Картина была удручающая.

– Если патины сложат оружие, мы в мышеловке, генерал, – резюмировал Гамов общее впечатление.

– Они могут прекратить сражение, но остаться на своих позициях. Положение и тогда незавидное, но хоть без окружения.

– Они уступят свои позиции родерам! Генерал, сколько еще мы будем предаваться иллюзиям?

Среди нас, принужденных стать добровольцами, только Леонид Прищепка был профессиональным военным. И он действовал по-военному.

– Приказываю организовать круговую оборону, майор, – сказал он мне. – Капитан Прищепа, задействуйте всех своих разведчиков – живых и автоматических. Через час жду донесения, что происходит на флангах и в тылу. Полковник, проводите меня в мою комнату.

Павел выскочил в дверь. Гамов ушел с генералом. Пеано посмотрел на меня. Я пожал плечами.

– Уже, Пеано. Плохой бы я был командир, если бы ограничился устройством одной передовой позиции. Солдаты сейчас усиливают защиту с тыла. Надо срочно создать подвижное соединение. Дивизии придется цепляться за землю, чтобы уцелеть до помощи извне. Но нам понадобятся люди, чтобы наносить внезапные удары в глубь неприятельских частей. Я выделю в диверсионный отряд своих лучших солдат. Прикажите другим полкам сделать то же. И поставьте отряд под мое командование.

– Отлично, майор. Сейчас мы с Гонсалесом подработаем техническую сторону и доложим генералу.

Я уже собрался уходить, но меня задержал обмен репликами между двумя операторами.

– Насчет помощи извне, о которой говорит майор Семипалов, – сказал Гонсалес. – Ты не хотел бы, Альберт, соединиться с дядей, чтобы лично обрисовать ему наше положение?

– Дядя хорошо знает положение на фронте.

– Он мог бы приказать маршалу двинуть на выручку свободные части.

– Маршал ответит, что свободных частей нет. И что славная дивизия «Стальной таран» отлично вооружена и командует ею испытанный генерал Прищепа – и потому она одна может противостоять целой армии врага.

– Я так понимаю, – медленно произнес Гонсалес, – что нас оставят на произвол капризной военной судьбы?

– Ты неправильно понял, – парировал Пеано. – Нам окажут великую помощь самыми высокими словами, какие найдутся в словарях. Как будет вещать стерео о нашей доблести! Какие покажут репортажи о нашей героической обороне! А под конец маршал вышлет два водолета, чтобы вывести в тыл тех, кто еще почему-то остался в живых. Разве тебя не устраивает такая перспектива, хмурый друг мой, выдающийся – в будущем, конечно – историк Аркадий Гонсалес?

– Не устраивает. История всегда была полна глупостей и подлостей.

– Верно! Еще ни одна эпоха не жаловалась на нехватку дураков и мерзавцев. В этом главная сущность истории. Ты хочешь чего-то другого?

– Я хочу повесить на одной всемирной виселице всех, кто устраивает войны.

– Тогда бы тебе пришлось начать с моего дядюшки, – сказал Пеано и улыбнулся еще радостней – и его улыбка выглядела слишком веселой, чтобы быть искренней.

Взгляд, какой бросил на него Гонсалес, я при всей нелюбви к выпренности должен назвать зловещим.

– Ты думаешь, это меня остановит, Альберт?

Как часто я потом вспоминал этот взгляд Гонсалеса и его слова!

Задолго до того, как он начал свою страшную работу, он объяснил ее суть в коротком разговоре со своим другом Пеано.

4

Аэроразведчики показали именно то, что мы ожидали: нас окружали родеры.

Патины оставляли позиции. Их места занимала армия главного союзника Кортезии. Все происходило как на парадных маневрах: одни мирно уходили, другие мирно появлялись. Родеры воевали умело. Ни один резонансный снаряд пока не разрывался над нашими позициями, ни одно облачко, насланное передвижными метеогенераторами, еще не омрачало неба. Нам давали отдохнуть и выспаться, пока удушающее кольцо не замкнется полностью.

Ранение генерала Прищепы оказалось серьезней, чем он уверял. Иногда он заходил в штаб, но долго высидеть там не мог. Гамов командовал, уже не согласовывая с генералом своих приказов.

Он вызвал меня в штаб, когда я лежал на молодой травке у электробатарей и размышлял, сколько времени нам отпустили до сражения. Был полдень, хороший, весенний полдень – радостная земля вокруг!

В операторской Гамов рассматривал фотографии аэроразведки. Гонсалес наносил данные на карту. Четвертый корпус патинов у нас в тылу еще не двигался, но третий и пятый уже очистили позиции на наших флангах.

– Двое суток дают, – оценил обстановку Гамов. – Можно позагорать, сегодня солнце довольно жаркое.

– Я это и делал, когда вы вызвали меня. Зачем я вам?

– Разведывательная группа подорвала в лесу вражескую машину. Водитель и солдат убиты, но офицер целехонек. Хочу, чтобы вы присутствовали при допросе.

Павел Прищепа сам привел пленника. Даже если бы на нем не было формы, можно было бы сразу признать в нем родера. Сама его внешность была типична для их военных: и прямая, словно трость проглотил, фигура, и крупноносое надменное лицо, и удлиненная – тыквой назад – голова. И он вышагивал между двух солдат охраны, словно они служили ему почетным эскортом.

– Садитесь! – сказал Гамов и показал на стул.

Пленный обвел нас презрительным взглядом, закинул ногу на ногу и поднял вверх голову. Теперь он уперся глазами во что-то на потолке. Если эта поза должна была изображать пренебрежение к нам, то исполнена она была убедительно.

– Имя, фамилия, звание? – начал Гамов допрос.

Пленный не говорил, а цедил сквозь зубы.

– Звание вы можете установить по мундиру. Фамилия Шток, имя – Биркер. В целом – Биркер Шток.

Гамов усмехнулся.

– Нет, настоящие имя и фамилия, господин капитан?

– Хватит и этих, – проворчал пленный и опять уставился в потолок.

– Вы, оказывается, трус, капитан, – сказал Гамов спокойно.

Пленный встrepенулcя и посмотрел на Гамова: обвинение в трусости в Родере относится к самым оскорбительным.

– Посмотрел бы я на вашу храбрость, если бы вашу машину взорвали, а на вас, выброшенного на землю, навалился отряд головорезов.

– Вы трус не потому, что попали в плен, а потому, что боитесь назвать свою настоящую фамилию. Ибо придется рассказать все известные вам военные тайны, капитан. И страшно, что ваши узнают, как вы – реальный, а не какой-то Шток – были разговорчивы на допросах.

Пленный вскочил и топнул ногой.

– Ничего не узнаете! Офицер Родера не выдает вверенные ему тайны!

– Выдадите. Есть много хороших методов развязывания языка.

– Плюю на ваши методы! – неистовствовал пленный. – Чем вы грозите? Расстрелом? Ха! На войне каждого подстерегает смерть. Часом раньше или часом позже – какая разница? Или пыткой? Тогда узнаете, какую боль способен вынести родер! Ваши пытки не страшней рваных ран, не мучительней резонанса. Ха, говорю вам! Мое тело трижды рвали пули, дважды скручивала вибрация. Вытерпел!

Он кричал и срывал с себя мундир, показывая, куда его ранило. Гамов повернулся к нему спиной.

– Гонсалес, – сказал он, не меняя спокойного тона. – Пройдите в хозяйственную роту и возьмите живую свинью, желательнее погрязней. Пусть фельдшер сделает ей обезволивающий укол, не обезболивающий, Гонсалес, а обезволивающий – чтобы не брыкалась. Доставьте ее сюда вместе с фельдшером. И пусть явится стереомеханик со своей аппаратурой.

– Будет исполнено, полковник! – Гонсалес светился от радости: он уже догадывался, какую сцену разыгрывает Гамов.

Пленный, выкричавшись, снова сел. Он был доволен собой – опять положил ногу на ногу, опять устался в невидимую точку на потолке.

Гамов подошел к нему вплотную. Я вдруг снова увидел его в той звериной ярости, что овладела им, когда он на улице пытался загрызть хулигана, напавшего на него с ножом.

– Слушай внимательно, дерьмо в мундире! – сказал он свистящим от бешенства голосом. – Я не буду тебя пытать. И расстреливать не стану. Тебе сделают обезволивающий укол. И ты потом будешь целовать свинью под хвост, а стереомеханик запечатлеет эту сцену. И миллионы людей у нас и в Родере будут любоваться, как истово, как благоговейно лобызает задницу свиньи благородный родер, назвавший себя капитаном Биркером Штоком. Вот что будет, если ты не заговоришь.

Пленный побелел. Широко распахнутыми глазами он посмотрел на дверь, будто там уже показалась затребованная свинья. Все же он нашел в себе силы засмеяться. Он еще не верил.

– Так не воют! – сказал он, вдруг охрипнув. – Латания военная нация, она знает науку благородной войны. Вы шутите, полковник!

– Наука благородной войны? – с ненавистью переспросил Гамов. – Высокого убийства женщин и стариков? Разорванный на глазах матери ребенок – это благородная война? Сожженные библиотеки, испепеленные статуи, великие картины, превращенные в пепел? Этого благородства ты ждешь от меня, подонок? Не жди! Я воюю так, чтобы вызвать отвращение к войне. Только такое отвращение будет истинно благородным!

Не знаю, понял ли пленник значение всего, что говорил Гамов, но сила исступленного голоса до него дошла. Пленный все повторял:

– Так не воют! Полковник, так же нельзя воевать!

Я вспомнил хулигана, который, плача твердил: «Так не дерутся! Так же нельзя драться!»

Не думаю, впрочем, чтобы я, даже вспомнив, что не так давно уже видел подобное нарушение священных правил драки, понял, что Гамов реально, а не только на словах создает свои собственные методы войны. Там, где командовала концепция, я видел только вспышки бешенства.

В зад ввалилась толпа: впереди – радостный Гонсалес, за ним – солдат со свиньей на веревке, за ними – фельдшер с аптечкой, стереомеханик с аппаратурой и вооруженные солдаты.

Свинья была крупная и невообразимо грязная. Уверен, что Гонсалес приказал довести ее до «нужной формы». В нужную форму привел ее и фельдшер – свинья безвольно тащилась, куда ее тянула веревка.

– Даю минуту на колебания, капитан. И ни секундой больше! – непреклонно сказал Гамов.

Фельдшер вытащил шприц. Трое солдат встали с боков и позади пленного. Оттолкнув солдат, он метнулся к стене. Там он со стоном блевал и корчился, потом вытерся платком. Ни кровинки не было в его внезапно осунувшемся лице.

– Спрашивайте, полковник, – сказал он хрипло.

– Ваши настоящие имя и фамилия, капитан?

– Биркер Шток, – ответил пленный. – Вы назвали меня трусом и подонком, полковник. Но я не такой трус, чтобы бояться своего имени. И не такой подонок, чтобы прятать свои грехи под чужой фамилией.

– Первый вопрос, Шток. Почему четвертый корпус патинов у нас в тылу не двигается с места, а третий и пятый обнажают наши фланги?

Гамов задавал ясные вопросы, получал четкие ответы. Два корпуса патинов на наших флангах уже начали сдавать оружие родерам и теряют боеспособность. Но четвертый оружия не сдал и не сдаст. Готовится второе соглашение: патины обещают выступить против своей недавней союзницы Латании, но выторговывают выгоды. Когда завершится торг, четвертый корпус патинов навалится с тыла на обе дивизии – «Стальной таран» и «Золотые крылья». Вот почему ему разрешают сохранять боеспособность. Разоруженным патином потом тоже возвратят оружие, но эта операция нескоро. И чтобы защитить их от фланговых ударов добровольных и профессиональных полков Латании, их и отводят с такой поспешностью в тыл.

– Какие новости на Центральном фронте?

На Центральном фронте идет позиционная борьба между главными силами Кортезии и главными силами Латании. Две профессиональные армии латанов сдерживают натиск кортезов. Прибывающие из-за океана подкрепления направляются сюда. Центральный фронт скоро прорвут, и тогда откроется дорога на Адан. С падением столицы война завершится.

– Ваше мнение об оперативном руководстве наших войск?

– Из рук вон плохое, – не задумываясь, отозвался Шток. – С такими силами, что были у вас в начале войны, и не завоевать разоруженного Родера! Вы тащились по нашим дорогам, как паралитики. И когда к нам поступило оружие из Кортезии, мы сразу вас остановили. А если бы мы были вооружены еще до войны?

– Тогда война вообще не началась бы – по крайней мере, с нашей стороны. Что вы скажете о нашем стратегическом руководстве, Шток?

– В Родере и генералы не занимаются стратегией, а я капитан.

– Тогда расскажите, куда вы так торопились на своей машине. И почему не приняли надежных мер охраны?

Об этом пленный рассказывал подробно. В третий корпус патинов пришел на двух машинах специальный груз из Адана – триста миллионов калонов. Огромные эти деньги адресованы правительству Патины для оплаты закупок у населения. Их захватили как военный трофей и направили в Родер под охраной полка Питера Парпа. Биркер Шток, заместитель подполковника Парпа, задержавшийся в третьем корпусе для уточнения мест и времени сдачи оружия, догонял свой полк. Он ехал по территории, освобожденной от латанов и патинов, и не опасался нападения.

– Поскорей увезти деньги было важнее, чем завладеть всем оружием патинов?

– Естественно, полковник. На деньги можно достать любое оружие. А отобранное у патинов снаряжение придется им же и возвращать, когда они объявят вам войну. Но денег они уже не получают.

– Покажите по карте маршрут вашего полка.

Гвардейский полк Питера Парпа двигался по шоссе, огибающему с запада нашу дивизию. От наших позиций до него было не меньше тридцати километров. Электроорудия на такое расстояние не били.

– Допрос окончен, капитан Шток, – сказал Гамов. – Если у вас есть какие-либо пожелания – высказывайте.

Шток вытянулся. Отвечал на вопросы он довольно спокойно. Но сейчас опять стал волноваться.

– Один вопрос и одна просьба, полковник.

– Слушаю вопрос.

– Вы пригрозили мне немыслимым унижением, которое опозорило бы не только меня, но и вас – как офицера. Я не выдержал... Но ведь если бы вы... фельдшер держал шприц... Показания отравленного – те же, но снимают обвинение в измене, ибо совершаются в состоянии...

– Нет, не те же, Шток, – резко оборвал его Гамов. – В состоянии полубессознательном вы многое могли не припомнить. Слушаю просьбу.

Шток вытянулся еще сильнее.

– Прикажете расстрелять меня, полковник.

Гамов не скрыл, что поражен.

– Аргументируйте свою странную просьбу, капитан.

– Что же странного?.. Я нарушил присягу, выдал военные тайны. Среди своих я пустил бы себе пулю в сердце. Среди врагов я не могу разрешить себе такого малодушия, да и оружия нет. Но умереть от пули противника не бесчестье, а воинская судьба. Хочу своей кровью смыть хоть часть вины...

– Вы будете жить, капитан Шток. Вы еще понадобится мне.

Конвой увел пленного. Гамов рассматривал карту.

– Ваше мнение, друзья? Окружение, удар вчерашнего союзника нам в тыл... И триста миллионов калон, бездарно врученные врагу.

– Окружение предотвратить вряд ли сможем, – сказал я. – А если бы и сумели прорваться, то поставили бы под удар «Золотые крылья», а они и так потрепаны. Деньги надо отбить.

– Надо. Как и когда?

– Сначала когда. Сегодня ночью, чтобы Парп не успел далеко уйти. Он движется по своей территории, вряд ли торопится. Теперь – как. Силами нашего диверсионного отряда. Поведу его я. Имеете возражения?

– Только дополнение. С вами пойду и я.

– И еще капитан Прищепа, – сказал я. – Без его разведчиков мы не сумеем незаметно подобраться к Питеру Парпу.

– Альберт, свяжитесь с дядей, – сказал Гамов. – И попросите, чтобы центральное стереовидение сделало передачу такого примерно содержания: добровольная дивизия «Стальной таран» генерала Прищепы и полковника Гамова, – Гамов подчеркнул голосом свою фамилию, – попала в полное окружение. На выстроенные ей укрепления накатываются неприятельские полки, и здесь находят свою гибель. Стойкая оборона дивизии цементирует наш западный фронт, сильно заколебавшийся после подлой измены патинов.

Пеано засветился самой яркой из своих улыбок.

– Не преувеличиваете, полковник Гамов? Окружение пока еще не состоялось, атаки врага пока еще ни одной не отбивали...

– Это не преувеличение, а предвосхищение, Пеано. И особо объясните дяде, что такая передача нужна для воодушевления солдат. Он не может не понимать, что наша успешная оборона существенно ослабит бездарность общего положения на фронте. Не согласны?

– Мое согласие или несогласие не имеет значения, полковник. Я передам дяде все, что вы требуете.

Я, кажется, уже говорил, что в любом споре Гамов рассчитывал по крайней мере на ход дальше противника. Сейчас был именно такой случай. Даже умница Альберт Пеано, мастерски

камуфлирующий свой ум глуповато-радостной улыбкой, – даже он не понимал, на что уже замахивается полковник добровольной дивизии «Стальной таран» Алексей Гамов.

5

Мы ждали темноты, чтобы переправиться через реку. На вражеском берегу пока было пусто. Очевидно, родеры держались подальше, чтобы не попасть под обстрел наших орудий.

Я сосредоточил диверсионный отряд на левом фланге дивизии: здесь и переправы были легче, и до шоссе ближе – по нему сейчас двигался полк Питера Парпа. Все солдаты были в поплавковых костюмах, но пока их не надували. Я ждал Гамова и Прищепу. В тускнеющей вышине проступали звезды. Ни облачка не затеняло неба. В отдалении, справа, на недавних позициях сложившего оружие пятого корпуса патинов, вспыхивали зарницы: «Золотые крылья» уже вступили в бой со сменявшимися патинов родерами. На наших флангах все было тихо: враг накапливал силы, не ввязываясь в дело, пока не получит перевеса.

Я прилег на нагретую за день траву, впитывал телом теплоту земли, слушал прерывистый шелест Барты: на откосы высокого берега набегали мелкие волны. И меня попеременно охватывали радость и отчаяние. Радость от тишины, от красоты неба и земли, реки и леса за рекой, от всего того, что было так удивительно, так проникновенно прекрасно. И отчаяние от того, что я сам, тысячи, нет, миллионы таких, как я, должны уничтожить эту красоту. Через несколько часов я брошу свой отряд в бой – и не будет уже ни тишины, ни радости, а будет грохот резонансных бомб, свист пуль, вопли раненых, стоны умирающих... Я числился в хороших офицерах, я и был таким, никто не смог бы бросить мне упрек, что я забываю свой воинский долг. Но в тот прекрасный вечер, последний тихий вечер в нашей дивизии, я испытывал отнюдь не солдатские чувства, думал отнюдь не солдатскими мыслями. И ненавидел судьбу, предписавшую мне быть солдатом!

Гамов и Прищепа появились одновременно. Гамов показал на север, где полыхали беззвучные молнии.

– Сообщение от генерала Коркина, командира «Золотых крыльев». Родеры обстреливают его с фронта и с тыла. Он энергично отвечает. Он уверен, что удержит свои позиции. Наш генерал считает, что Коркин, как всегда, преувеличивает свои возможности. Он шлет победные реляции, даже когда терпит поражение. Маршал передал приказ: стоять, не покидая Барты. Генерал Прищепа считает, что такой приказ сковывает наши действия – и мы не сумеем в нужный момент прийти на помощь «золотокрылым». Ваше мнение?

– Не мнение, а возмущение! – сказал я. – Сколько глупых приказов мы еще получим? Маршал не понимает реальной обстановки.

– Глупые приказы можно и не выполнять. Генерал ответил, что будет действовать по обстановке.

Гамов впервые надевал поплавковый костюм – я помог ему влезть в него, отрегулировал надув. Костюм был усовершенствованной конструкции, в нем можно передвигаться и отвесно, и с любым наклоном – вперед, назад и в стороны. Я посоветовал Гамову плыть отвесно: передвижение помедленней, чем с наклоном, зато туловище погружается лишь по грудь. Разумеется, при обстреле надо уходить поглубже, но обстрела с противоположного берега мы не ожидали.

Павел принес приборчик с экраном. На экране засветились линии, возникли цифры. Павел показал направление – не прямо на запад, как мы намечали, а чуть южнее.

– Парп движется медленней, чем мы ожидали. И если пойдем на запад, то перехватим его полк не на рассвете, а в полдень. Время для диверсии неудобное. К тому же Парп скоро остановит солдат на ночной отдых.

– И это все показывает твой карманный экран? – я указал на приборчик. – Как он называется?

– ВПМ – видеоскоп полевой малый.

- А принцип его работы, Павел?
- Об этом поговорим в другое время.

Я понял, что ВПМ относится к секретным приборам. В разведывательном хозяйстве Павла Прищепы было много устройств, о которых мы знали только то, что ничего не должны о них знать.

Переправа через Барту заняла даже меньше времени, чем планировалось. На берегу вражеских постов не было. Командиры отделений доложили, что у них все на месте. Поплавковые костюмы и укрыли в густом кустарнике у берега. Туда же спрятали и поплавокные лодки, перевозившие резонаторы. Павел назначил дозорных, и мы двинулись по бездорожью. Лес был сосновый, насаженный и ухоженный, двигаться по такому лесу нетрудно. Часа в три ночи Павел сообщил, что полк Парпа расположился на отдых километрах в восьми от нас. Я скомандовал привал.

Мы с Гамовым укрылись в старом сосняке. Я вытянулся на прошлогодней хвое и смотрел в небо. Гамов прилег рядом: он что-то обдумывал. Большая Медведица уже поворачивалась вокруг Полярной звезды на запад. Ночь шла к концу. Гамов вдруг сказал:

- Страшная сила заключена в радио и стерео!
- Почему вы думаете о радио и стерео?

– Когда вы готовили отряд к рейду, центральное стерео передало то сообщение, какое я продиктовал Пеано. И диктор кое-что добавил от себя. Хорошее, разумеется. Мы становимся известными, Семипалов.

- Я не честолюбив.

– Дело не в честолюбии, хотя оно – генератор жизненной энергии. Популярность – добавочная степень свободы. Маршал даже на нашего генерала кричал, как на мальчишку, я сам слышал. После таких передач он не посмеет третировать Прищепу – да и нас с вами!

К нам подобрался Павел. Впереди у Парпа – батальон прорыва с двумя электроорудиями и пулеметами. В центре – машины с деньгами в окружении батальона охраны. Охранники вооружены импульсаторами, у некоторых есть ручные резонаторы. Позади – батальон арьергардной защиты, обычное стрелковое соединение со штатным вооружением, транспорт – грузовые машины и мотоциклы. Полк растянулся на километр. В районе нашей встречи уже побывали разведчики Парпа и доложили, что там никого нет. Теперь можно подбираться вплотную к шоссе.

Я разделил отряд на три группы. Одна нападет на первый батальон с востока и с севера и заставит его вести бой в полуокружении. Вторая с востока отсечет арьергард от батальона охраны денег. А третья, затаившаяся по обе стороны шоссе, вступит в бой с востока и запада одновременно, когда передовой и задний батальоны уже будут атакованы. Задача группы захвата – захватить машины с деньгами. Если же первый и третий батальоны дадут деру, мешать не надо, пусть бегут.

- Хочу принять командование группой захвата, – сказал Гамов.

– Принимайте. Передовой группой будет командовать Павел, я возглавлю третью. Теперь поднимаемся. Нам нужно к шоссе на час раньше Парпа, чтобы выбрать позиции для электроорудий.

Моя группа подошла к шоссе, когда небо позади побледнело. Впереди, на западе, еще стояла ночь. Гамов радировал, что занял обе стороны шоссе. Павел сообщил, что установил электроорудия на хорошей позиции. У меня тоже было все подготовлено. Я приказал прекратить радиопереговоры: полк Парпа приближался.

Вскоре на шоссе показалась передовая колонна. Небо посветлело и на западе, у нас за спиной разгоралась заря. Грохот машин опережал колонну четко шагающих солдат: родеры даже в походном строю держатся как на параде. Укрывшись в подлеске, мы наблюдали стройное шествие гвардейцев передового батальона.

За первым прошествовал второй. Проехали две закрытых черных машины с деньгами. Солдаты второго батальона вели себя свободней, чем передовые. Мы слышали смех, громкие выкрики, кто-то заунывно напевал.

Когда появился арьергард, я дал сигнал к атаке. Шоссе покрылось скачущими искорками резонансной шрапнели. Вражеские солдаты метались, падали, крутились, терзаемые вибрацией. Я увидел офицера, пораженного несколькими резонансными пулями. Он, еще стоя, качался и размахивал трясущимися руками, потом упал, продолжая содрогаться и на земле. Артиллеристы пытались установить на боевую позицию электроорудие, но оно, осыпанное резонансной картечью, само завибрировало. Часть солдат бросилась в лес по другую сторону шоссе. Встающее солнце осветило отвратительное зрелище: всюду корчились люди, всюду кричали и просили о помощи.

О помощи всем не могло быть и речи. Но одному я все-таки приказал помочь. Молодой солдат, почти мальчик, стоял, схватившись рукой за колесо грузовика, его выворачивало, он, прикусив нижнюю губу, отчаянно пересиливал вибрацию. На него набросили тормозной жилет, быстро установили антирезонанс, он затих и, освобожденный от боли, потерял сознание.

Павел передал, что передовой батальон после кратковременной стычки бежит в лес по другую сторону шоссе, – он, Прищепа, не мешает родерам, а спешит на подмогу Гамову: у того бой в разгаре. В центре дело шло хуже, чем у нас. Электроорудия были только у Павла и у меня, а нашим ручным резонаторам родеры Парпа противопоставили свои. Засверкали и синие молнии импульсаторов. Передовой и арьергардный батальоны Парпа были вооружены лучше центрального, зато охранять деньги он поручил самым стойким своим солдатам. Я отрядил половину своей группы наводить порядок на шоссе: сводить пленных, собирать оружие, оказывать помощь раненым. Со оставшимися поторопился к Гамову. Гамов встретил нас у двух огромных машин – около них уже стояла наша охрана. На железных фургонах висели массивные замки – их ломали. Я спросил Гамова, не лучше ли отвести машины в дивизию нетронутыми. Он весело ответил, что надо убедиться, что все на месте, и у него давно зреет мысль найти хорошим деньгам хорошее применение. Я не стал расспрашивать, что за особое применение нашел Гамов деньгам и почему называет их хорошими: деньги как деньги, обыкновенные банковские билеты.

Первый фургон открыли. Он был заполнен доверху пакетами, перевязанными стальными лентами, на каждом виднелась надпись: «200 000 калонов». Гамов сбил одну ленту, вынул несколько пачек. Деньги были новенькие, остро пахли какими-то эссенциями. Гамов вертел пачки в руках, нюхал и всматривался в них. Странное выражение было на его лице, не то восхищенное, не то умиленное, – так бывает, когда человек не только искренне рад, но и по-настоящему доволен. В общем – лицо Гамова мне не понравилось. Я иронически поинтересовался:

– Какое же хорошее применение вы собираетесь найти этим хорошим деньгам, Гамов?

– Сейчас сами увидите.

Подошедший Прищепа доложил, что отряд готов к возвращению. Раненые размещены в машинах. Гамов спросил, можно ли задержать отряд на полчаса для митинга. Хотя на час, ответил Павел.

– Тогда соберите всех, кто не охраняет пленных. Пусть впереди встанут командиры.

Солдаты не шли, а бежали на митинг. Всех тревожило, что мы задерживаемся на шоссе, где на нас могут напасть так же неожиданно, как мы сами напали на полк Питера Парпа. Один Павел оставался невозмутимым: он знал, что нападения не будет.

Гамов взобрался на зарядный ящик. У его ног лежали раскрытые пакеты с деньгами, двое солдат охраняли их. Он был очень взволнован – такого волнения я у него еще не видел. Он бывал беспокоен по-всякому: гневен, язвителен, резок, груб, яростен. Сейчас он говорил

от души. Это было не просто душевное волнение – душа может волноваться по-разному. Он говорил именно от души.

– Солдаты, друзья, братья мои! – сказал он. – Не буду благодарить вас за победу: мы просто выполнили в бою свой воинский долг. И нам досталась огромная добыча: деньги, принадлежащие нашему народу, ему же возвращены. Мы с вами тоже часть народа – и передовая, боевая часть. Мы заслужили толику этих денег, заранее оплатив их своей кровью. Я знаю, что действую против всех инструкций, и вы это знаете. Но я решил часть добычи выдать вам – за вашу смелость. И готов нести всю ответственность за такое решение.

В толпе солдат пронесся и затих гул.

– Поймите меня правильно, – продолжал Гамов. – Я хочу вознаградить вас за боевые заслуги, а не растаскивать народное имущество. Поэтому устанавливаю временную оценку каждого успешного действия. Пусть ваши командиры принимают от меня пачки с деньгами, а потом распределят их между своими солдатами. Слушайте и запоминайте. Убито 65 родеров. За каждого убитого назначаю награду в 200 калонов – итого 13 тысяч. Взято в плен 350 человек. Каждого пленного оценим в тысячу калонов – итого 350 тысяч. Принимайте плату за убитых и пленных.

Солдаты вынимали из пакетов пачки денег, Гамов швырял их командирам отделений. Все это так противоречило воинскому уставу, так нарушало все обычаи войны, что я растерялся. Надо было остановить Гамова, приказать отряду разойтись. Но я чувствовал, что, если попытаюсь вмешаться, дисциплина, сдерживающая солдат, рухнет. Все понимали, что поступком своим Гамов вызовет гнев начальства. Но толпа гудела все сильнее и радостней. Я поглядел на Павла. Прищепка ухмылялся: он поддерживал Гамова. Я стиснул зубы, давая негодование.

– Слушайте дальше, – продолжал Гамов. – Нами захвачено 200 ручных резонаторов, 30 импульсаторов – каждый оцениваю в 5 тысяч калонов. Получайте 1 миллион 150 тысяч. – Солдаты передали командирам несколько пакетов. – За электроорудия по 100 тысяч – всего 200. Эти деньги – за резонаторы и орудия – только тем, кто их захватывал. Не возражаете? – Новый взрыв одобрительного шума утвердил решение Гамова. – И последнее. Каждому раненому выдается 2 тысячи калонов, а семьям убитых – по 10 тысяч. Теперь строиться и в путь. Плату командиры выдадут на привале.

Солдаты снова не шли, а бежали на построение. Если на митинг их гнал страх неожиданного нападения, то теперь подстегивала жажда поскорей добраться до привала и получить свою долю.

Мы с Павлом подошли к Гамову.

– Не одобряете, вижу, – сказал он. – Итак, ваши возражения?

– Тысячи, – сказал я, – и все серьезные.

– Павел, у вас тоже возражения – и тоже только серьезные?

– Полковник, я всегда с вами! – горячо ответил Павел. – Все, что вы делаете, – правильно!

Я снова утверждаю, что именно Павел Прищепка, а не я, был первым последователем Гамова. В тот день, после боя с родерами, я меньше всего мог сказать Гамову: «Я всегда с вами, все, что вы делаете, – правильно!» Нет, я был не с ним. И если бы пришлось действовать, я действовал бы против него. Реально получилось по-другому, но тут сыграли роль внешние обстоятельства, а не убеждение.

– Итак, я слушаю возражения, – сказал он, когда отряд углубился в лес. – У вас их тысяча – и все серьезные, так вы сказали. Для начала выберите пару самых веских.

– Поступим по-другому, Гамов. Сперва вы объясните, почему нарушили обычаи войны и приказы командования, а уж потом выскажусь я.

Он ждал этих слов. Он задумал раздачу калонов в тот момент, когда понял, что ими можно овладеть. Деньги, говорил он мне и Павлу (мы втроем шагали по прошлогодней хвое соснового леса), – величайший двигатель экономики. Но война тоже питается деньгами. Да,

конечно, главное на войне – смелость солдат, мастерство полководцев, мощь промышленности, крепость духа. Но без денег не провести ни одной крупной операции. И он хочет, чтобы наша добыча послужила нашей победе. Он намерен катализировать калонами энергию нашей обороны. Что произойдет, если нас разгромят? Враг снова захватит деньги, они пойдут на его усиление. А если наши солдаты получают эти разноцветные бумажки, так нужные каждому – ему и его детям, жене и родителям? Разве они не заслужили такой награды куда больше разных маршалов, осыпаемых деньгами в тылу? Разве солдат, зная, что, прорвавшись сквозь вражеское окружение, он не только обретет свободу, но и передаст своим близким бесконечно нужный им дар, кипу кредиток, – разве он не умножит своих усилий, чтобы отбросить противника? Повторяю, деньги не заменят ни любви к родине, ни верности воинскому долгу, ни личного мужества. Но они усилят все эти великие факторы. Кредитки будут воевать рядом с резонаторами и электроорудиями. Я просто не могу отказаться от дополнительного вооружения, когда предстоят тяжелые, может быть – даже гибельные бои! Слушаю теперь ваши возражения.

Он говорил с такой убежденностью, с такой страстью, что у меня вдруг смешались мысли. И я ухватился за первое высветившееся в мозгу возражение – и тут же сообразил, что именно так кричал Гамову искусанный хулиган, именно на это напирал Биркер Шток.

– Но ведь так не воюют, Гамов! Так никогда не воевали!

– Верно! Так никогда не воевали. Ну и что? Ну и что, спрашиваю? Придумали тысячи форм и обычаев войны, но ни одна из этих форм, ни один из этих обычаев не направлены против нее самой. Вдумайтесь в этот страшный парадокс! Войны стали если не повседневностью человеческой жизни, то буднями истории – каждый год где-нибудь льется кровь и корчатся искалеченные дети. Как это вытерпеть? Как с этим примириться?

– Вы хотите вообще уничтожить войны?

– Хочу! Навечно их ликвидировать! Старыми средствами этого не сделать – они дают только победу в отдельной войне, но не победу над всеми войнами. Дети, на которых с неба падают бомбы... Все могу понять, хоть и не все прощаю. Но убийства детей, но их покалеченных тел, их слез, их отчаяния – нет, никогда не пойму, никому не прощу! Меня корчит от ненависти, Семипалов! Если бы был один конкретный виновник войны, хоть сказочный великан, как я бросился бы на него, с какой радостью ломал его руки, грыз его горло!

Он уже не говорил, а кричал. Он впал в такое же иступление, как в тот вечер, когда его ярость смяла напавшего на него верзилу с ножом. Выкричавшись, он замолчал. Некоторое время мы двигались молча, потом я заговорил:

– Война отвратительна, согласен. И военными средствами с ней не справиться. Но что другое вы можете предложить?

– Только одно – вести с ней войну, но не по правилам, а против них. Точнее – придумать такие правила, чтобы лишить войну героики и благородства... Унизить ее, чтобы при каждом упоминании этого слова мутило и выворачивало кишки.

– И вы уже придумали правила войны, уничтожающей всякие войны?

– Ищу, – ответил он.

Еще некоторое время мы шагали молча.

– Хорошо, ищите средства, не облагораживающие, а унижающие войну, – снова заговорил я. – Вернемся к деньгам, которые вы раздали солдатам. Они ведь не унижают войну, а делают выгодным участие в ней. Бой на коммерческой основе. В старину разбойники и пираты, бандиты и флибустьеры...

Он прервал меня:

– Не согласен! Наш солдат, получив деньги за свою храбрость, разбойником не станет. Он не грабит, его премируют – разница! И еще замечу вам: пираты и разбойники были отчаянными воинами, сражались самозабвенно. Хочу, чтобы дух самозабвения, порыв отчаянной

храбрости проник и в наши ряды – хотя бы благодаря раздаче раскрашенных бумажек. Еще возражения?

Я пообещал представить тысячу серьезных возражений, но смог выдать из себя только одно:

– Вы представляете себе, какой вызовет гнев в Адане, когда там узнают о вашем самоуправстве! Особенно если таким же способом распорядитесь остальными деньгами.

– Плевать на гнев и на кары! Я постараюсь сполна высвободить динамизм, скрытый в этих бумажках. А что до Артура Маруцзяна, которого вы так же уважаете, как и я, и особенно до маршала Комлина, невежеством и глупостью которого вы сами так часто возмущаетесь, то с ними можно и поспорить. Победа над врагом, если она станет известна всей стране... И наша с вами сплоченность...

– Нет! Не рассчитывайте в этом смысле на меня, Гамов. Открыто выступать против вас не буду. Но и не поддержу.

На этом наше объяснение закончилось. Павел, не дождавшись, ушел к разведчикам. Я убедился, что всем раненым – и нашим, и вражеским – оказали неотложную помощь. Затем был привал. Отряд разделился на группки, в каждой делили деньги. Я опасался, что пойдут споры, но дележ совершался под шутки и смех. Офицеры записывали, кому, за что и сколько выдают. Я снова прошел мимо раненых в открытых машинах. Один поднял голову над бортом.

– Спасибо, командир, за награду! Так по-человечески с нами...

– Что будете делать с деньгами? – спросил я. – Повеселитесь?

– Не до веселья, майор. В первом же городке, где есть почта, отошлю домой. У жены двое детей.

В разговор вступил другой раненый:

– А в дивизии деньги не отберут? Хорошо бы знать заранее.

– Не знаю, – сказал я. – Разрешения выдавать колонны не было. Как посмотрит начальство...

– Не отдам! – злобно сказал раненый. – Разорву, но не отдам! Теперь это мое, ясно? Мне эта награда сильнее лекарства, вроде и кости поменьше болят, а ведь весь вибрировал.

– Но почему вы не надели антирезонансного жилета? Мы ведь их достаточно взяли.

– Бой же! Заранее жилет надеть, он тяжелый. Мы бросились на их оружие, грудь на грудь, нож на нож... И тут меня прорезонировали по ногам и по животу... Очнулся уже в лесу.

Он показал несколько пачек денег и добавил:

– Не одна общая награда, еще и за оружие. Отметили ребята, что я первый к нему кинулся. Спасибо полковнику – по правде оценил!

Снова заговорил первый раненый:

– Майор, вы уж не отступайте... Мы понимаем, полковник самовольничал. Пусть разговаривают с нами, если что... Мы скажем свое слово.

– Снимут полковника – разве поможет ваше слово? – не выдержал я. – Скажут: нарушение воинской дисциплины. И – все!

– Не отдам! – еще злей повторил второй раненый. – При всех в костер брошу. И заколю, если кто бросится вытаскивать.

Я ушел. На пригорочке Гамов и Павел уписывали консервы. Моя банка лежала на траве открытая. Я погрузил в нее ложку.

– Как настроение солдат? – спросил Гамов.

– Боятся, что деньги отберут. И за вас боятся. Предвидят, что начальство вас накажет. Грозят, что колонны не отдадут, а уничтожат. Смятение в душах, Гамов!

Он засмеялся.

– Это хорошо – смятение в солдатских душах. Непринятый, даже запрещенный метод ведения войны.

К нам подошли два офицера с денежным пакетом.

– Остаток. Все раздали по заслугам, лишнее возвращаем.

Поздно вечером мы добрались до Барты. Поплавковые костюмы и плоты были там же, где мы их укрыли. Переправа продолжалась еще с час. Я обошел электробарьер дивизии: все орудия стояли на местах, обслуга несла вахту. Я пошел в штаб. В комнате Леонида Прищепы собрались офицеры. Генерал хмуро поздоровался со мной. Гамов предварил мой вопрос:

– Майор, я уже доложил генералу о результатах боя и о раздаче солдатам захваченных денег. Генерал не одобрил, но и не отменил наших решений.

– Ваших, а не наших, – поправил я. – Генерал, почему вы так странно оценили события: не одобряете, но и не отменяете? В таком важном деле нужна определенность.

– Послушайте раньше сводку, – сказал Прищеп, – потом вернемся к вопросу о деньгах. Альберт, прошу.

Пеано (видимо, вторично – для меня) прочитал последние донесения.

Вторая армия Родера, заняв позиции разоруженного и отступившего пятого корпуса Патины, с юга и востока атакует дивизию «Золотые крылья». Командующие дивизией генерал Филипп Коркин сообщает, что практически окружен, только на тыловые отряды, прижатые к морю, еще не напали – вражеских кораблей пока не видно. Бои очень тяжелые. «Мои геройские солдаты, массами уничтожая врагов огнем и вибрацией, отошли на вторую позицию, но она тоже подверглась нападению», – доносил Коркин. Генерал просил срочной помощи, у него нет уверенности, что без нее удержит последнюю линию обороны.

– Ваше мнение, майор? – обратился ко мне генерал Прищеп.

– Всей дивизией на выручку «Крылышек»! – воскликнул я.

– Тогда послушайте приказ маршала Комлина.

Пеано торжественно прочитал депешу из ставки:

«Командующему добровольной дивизией “Стальной таран” генералу Прищепе. На фронте дивизии “Золотые крылья” сложилась тяжелая обстановка. Дивизия разорвана на сражающиеся группы. Единое командование утрачено. Донесения командира недопустимо приукрашивают реальность. Есть опасение, что сопротивление “Золотых крыльев” скоро будет сломлено. Приказываю укрепить оборону своей дивизии. Разделавшись с Коркиным, враг обрушится на вас. Уверен, что вы продемонстрируете невиданное героичество в обороне созданной вами крепости на Барте. Командующий Западным фронтом маршал Антон Комлин».

Пеано язвительно добавил:

– Итак, показать невиданное! Очень выразительно, хотя не совсем типично для военного приказа.

– И ни слова о помощи «Крылышкам»? – спросил я. Генерал Прищеп горестно покачал головой.

– Ни единого слова! Дивизия Коркина, похоже, списана. Я послал запрос о помощи «Золотым крыльям». Жду ответа.

– Но ведь это преступление – не помочь товарищу в беде!

– Жду ответа от маршала, – сухо повторил генерал. Я с негодованием посмотрел на Гамова. Гамов сказал:

– Майор, генерал разрешает подготовку к рейду. Если маршала убедят наши запросы, немедленно выступим на помощь «Крылышкам». Подготовьте срочный демонтаж электробарьера, а я продиктую донесение для центрального стерео.

И он громко продиктовал – Пеано записывал:

«Сегодня на рассвете диверсионная группа дивизии “Стальной таран” под командованием полковника Гамова и майора Семипалова после скрытого ночного рейда в тылу про-

тивника атаковала гвардейский полк родеров, двигавшийся по шоссе. Противник разгромлен. Часть гвардейцев в панике бежала, бросив оружие. Наши трофеи: 350 пленных, 2 передвижных электроорудия с большим запасом боеприпасов, 200 ручных резонаторов, импульсаторы и прочая техника и материалы. Отбиты 300 миллионов калонов, оказавшихся в руках изменников патинов и преступно переданных ими армии Родера. Наши потери незначительны. Слава воинам и офицерам генерала Прищепы, с такой отвагой и умением громящим врага в его тылу!»

Я поморщился.

– Гамов, зачем такая выпренность?

– Для впечатления, – спокойно ответил он.

– Вы уверены, что маршал пропустит подобный текст?

– Конечно! Надо же ему чем-то похвастаться. В неудачных войнах, когда теряют армии, хвалятся подвигами отдельных солдат. После измены патинов, после гибели «Золотых крыльев» он на всю страну раззвонит об успехе нашего диверсионного отряда.

– На свою голову раззвонит! – зловеще произнес Пеано. И сопровождал грозное предсказание самой сияющей и радостной из своих улыбок. Удивительно, как смысл слов не совпадал с выражением его лица!

Я пошел готовить электробарьер к демонтажу.

6

К утру все изменилось.

Дивизия «Золотые крылья» сложила оружие – об этом нас известил в очередной депеше маршал Комлин.

– Ваше мнение? – спросил, вызвав нас в штаб, генерал Прищепа.

Первым ответил Гамов:

– Родеры формируют из пленных колонны, чтобы отвести их в свой тыл. Они не будут атаковать нас с севера, имея за спиной латанов, пусть и сдавшихся. «Крылышки», даже обезоруженные, осложнят бой с нами. А когда наших уже не будет, они ударят и с севера, и с юга, а с востока к ним присоединится четвертый корпус патинов, который пока сохраняет удивительную неподвижность. Думаю, его бросят на нас – и это будет первый акт войны Патины с Латанией.

– Вы сказали – атака родеров с севера и юга, а если поддержат патины, то и с востока. Почему не упоминаете атаку с запада? Фронт нашей дивизии обращен туда.

– Именно потому, генерал, что наш фронт обращен на запад, там безопасней всего. Только идиоты ринутся через такую реку, как Барта, в лоб на электробатарей, когда появилась возможность атаковать нас с флангов и тыла.

– Что скажете, майор? – спросил генерал меня.

Я рассматривал карту с обстановкой. Карта открывала неожиданные возможности. Но надо было хорошенько их продумать. Я ответил:

– Согласен с полковником.

В комнату вошел дежурный по штабу и доложил, что вокруг машин с калонами собралась толпа солдат и требует, чтобы деньги выдали всем, а не только диверсионной группе. Они просят командира дивизии. Генерал сердито посмотрел на Гамова.

– Полковник, эту странную раздачу кредиток начали вы. Теперь сами наводите порядок.

– Порядок будет, – заверил Гамов, вставая.

Я вышел с ним. Машины с деньгами стояли на площадке за обратными скатами двух опорных холмов электробатарей.

Вокруг них скопилось сотни две галдящих солдат. Охрана машин – с десяток рядовых вместе с сержантом – держала наготове ручные резонаторы. Я быстро прикинул, что вооруженного отпора разрешать нельзя: на таком расстоянии первый же залп превратит напирających солдат в толпу обезумевших бестий, от боли способных на все.

Нас с Гамовым встретили криками:

– Где генерал? Мы просили генерала! Пусть придет генерал!

Гамов влез на ступеньку машины и сделал знак, что будет говорить. В толпе медленно затихла.

– Генерал Прищепа ранен, – начал Гамов. – Ему трудно ходить, еще трудней толковать с неорганизованной толпой. Он привык командовать солдатами, а не оравой. Буду говорить я.

Взрыв негодующих голосов покрыл его слова. Гамов спокойно ждал, пока шум снова утихнет. Толпа умножалась. Среди бегущих к машинам я увидел и солдат диверсионного отряда, после рейда получивших в лесу денежные выдачи. Почти все они были с лучевыми импульсаторами. Я не труслив, но меня охватил страх. Конечно, я понимал, что они собираются защищать машины от грабежа, а не участвовать в нем. Но если они применяют оружие, площадку усеют трупы.

– Раздачу награды я предпринял на свой риск, – продолжал Гамов. – И поэтому вы должны объясняться со мной, а не с генералом. Но я не умею орать, и мои два уха не вместят тысячи ваших криков. Выделите одного представителя, и пусть все слышат наш разговор.

Из толпы кого-то выталкивали, несколько голосов уговаривали: «Иди, Семен, да иди же! Доказывай полковнику! Валяй, пока по шее не схлопотал!» Из толпы выбрался высокий солдат, белобрысый, краснощекий, усатый.

– Ну, я буду! – выдал он из себя.

– Докладывай по форме! – приказал Гамов.

Солдат оглянулся, толпа поддержала его криками.

– Рядовой второго батальона Семен Сербин. Что-нибудь еще?

– Еще – то самое, ради чего сюда явился. Доложи претензии.

Сербин опять оглянулся на толпу – в толпе опять одобрительно зашумели. Теперь он говорил свободней. Претензия одна – обидели солдат. Такую гору денег раздобыли, а раздали только двум сотням. Для кого остальные? Для себя? Берите и себе, только нас не обделяйте. Надо по совести – военную добычу всем поровну. Все воюем – всех и награждать.

Снова заговорил Гамов:

– Все верно, Семен Сербин. Все воюем, и всех надо награждать. Но ведь воюем неодинаково, один смелей и удачливей, другой осторожней и боязливей. Почему же давать поровну? Диверсионный отряд вчера воевал, кое-кто погиб, многие ранены. А ты в эту ночь спокойно стоял в карауле или дрых в палатке. За что же тебя награждать? Вот отличишься в сражении, получишь калоны.

– А если в бою меня прихлопнут, на хрена мне тогда деньги? – зло крикнул солдат. – Мне сейчас нужно, за окопы, за перестрелки, за ночные переходы... Мертвым не повеселишься. Кончай уговоры, открывай машины! – Он повернулся к толпе. – Верно говорю, братцы?

В ответном шуме я не услышал единодушия. Кто-то заорал:

– Полковник, а в других боях награждать будут?

– Будут! Сами же видите: денег гора. Она принадлежит вам, но за реальные заслуги, а не потому, что стоите рядом с этими машинами. Я не позволю, чтобы раненный в бою получил то же, что и прячущийся за спины товарищей.

Теперь из толпы слышалось: «Верно! Правильно говорит полковник!» Но большинство еще поддерживало Сербина. Один из солдат диверсионного отряда протиснулся вперед и крикнул:

– Семен, ты меня знаешь: я Варелла! Что можно шлепнуться в любом бою – точно, можно. А ведь не шлепнулись пока. А ты и не ранен. Все в твоём отделении с ранами, а ты, вот же счастье, – нет!

Сербин понял, что настроение в толпе меняется.

– За мной! – заорал он. – Кто не трусит, выходи!

Из толпы стали протискиваться недовольные. Один за другим они выбирались наружу, кучка вокруг Сербина густела. Сержант охраны приказал своим солдатам поднять резонаторы. Взмахом руки я запретил ему стрелять. Солдаты опустили оружие. Жестом я подозвал поближе солдат из диверсионного отряда и вынул свой импульсатор. Если дойдет до схватки, сам уложу Сербина, решил я, а остальных одолеют мои диверсанты. Гамов стоял невозмутимо, он только повернулся ко мне и кивком поблагодарил.

– С дороги! – крикнул Сербин. – С дороги, полковник! Поперек не становись!

Гамов поднял руку, показывая, что хочет говорить.

– Не слушайте! – надрывался Сербин. – Нужна мне награда, когда я, мертвый, буду валяться в дерьме! Я сыт им по горло! Прочь с дороги!

– Взять его! – крикнул Гамов.

В диверсионный отряд подбирались не только смелые, но и сильные. Сербин отчаянно забился в дюжих руках. Он попытался что-то крикнуть, но удар Вареллы умирил его. Охрана машин снова взметнула резонаторы. С десятков диверсантов, став между ней и толпой, стали теснить недовольных назад. Солдаты под дулами резонаторов, сдерживаемые стенкой схва-

тившихся за руки людей, недобро молчали. Любое неосторожное слово могло вызвать новый взрыв. Я боялся, что Гамов не сдержится. Но и тени гнева не было на его лице.

– Семен Сербин, по закону военного времени я должен расстрелять тебя перед строем за попытку поднять бунт, – сказал Гамов так громко, что его услышали даже тугоухие. – Но я не буду этого делать. Я верю в тебя, Сербин. Ты человек смелый, к тому же ни разу не ранен, не ослаб – значит, будешь страшен врагу. Убежден, что ты еще проявишь себя в бою – и я пожму тебе руку и вручу ценную награду. Но за сегодняшнее буйство тебя тоже надо наградить. Ты сказал, что сыт по горло дерьмом. Нет, Сербин, ты еще не пробовал настоящего дерьма. А сейчас испробуешь – и точно досыта! – И Гамов властно приказал: – Бросить его в отхожий ров!

На склоне холма, позади электроорудий, был вырыт отхожий ров с наклоном в быструющую Барту. Несколько диверсантов потащили туда отчаянно забившегося Сербина. Толпа, не сразу разобрав, что произошло, зашевелилась, загомонилась, стала распадаться. Прошла минута или две – и все бросились к отхожему рву. Вокруг машин осталась охрана и мы с Гамовым.

– Посмотрим, – хмуро сказал Гамов. – Это противно, но надо видеть, что делаем.

Надо рвом взметнулось тело Сербина. Его вопль потонул в разноголосом реве толпы. Все теперь теснились к обрыву, чуть не валясь в ров. Сербин упал в зловонное месиво, вскочил, поскользнулся, опять упал, опять вскочил. Он дико ругался, а ему отвечали хохотом: очень уж смешон был человек, стирающий грязными руками грязь с лица и одежды и что-то со слезами орущий сквозь коричневую маску, облепившую всю голову. Вероятно, были и осуждающие голоса, но их заглушал безжалостный хохот развеселившейся толпы.

Гамов подозвал одного солдата.

– Разыщи командира его отделения. Пусть проследит, чтобы Сербин отмылся в Барте и выстирал свою одежду. И пусть передаст Сербину, чтобы до первого боя даже случайно не попадался мне на глаза.

Мы вернулись к машинам. Гамов был мрачен и подавлен. Перед лицом бушевавшей толпы он выглядел куда спокойней, чем после так своеобразно ликвидированного буйства. Я подумал, что его мучает стыд за унижительную расправу с солдатом, и сказал:

– Я ждал, что вы прибегнете к военной классике и расстреляете Сербина. Но вы применили неклассический метод усмирения.

– А что толку его расстреливать? Многие кинулись бы его защищать. И разве это отбило бы у солдат желание попользоваться колонами? Угроза бунта осталась бы. А на выручку барахтающемуся в дерьме никто не придет, еще посмеются. И никто не захочет оказаться там же. Теперь нападения на машины не будет.

– Почему же вы так мрачны, если недовольство подавлено?

– Я давно уже не думаю о нем. Эта трагедия «Золотых крыльев»... Скоро и нам драться в окружении! Маршал не пришлет нам настоящей помощи. И не по причине военной своей бездарности, а в соответствии с реальными обстоятельствами. К нам не пробиться ни с востока, ни с юга.

– Гамов, у меня есть план спасения, – сказал я. – Идемте в штаб.

В штабе я попросил у Пеано карту с последними данными и доложил свой план. Какая сложилась обстановка? С востока – четвертый корпус патинов, с юга – дивизии Родера, на севере родеры поспешно уводят пленных «крылышек». Эта эвакуация создает непредвиденные возможности. Посмотрите на дороги севернее нас. Они идут в обход наших позиций на Барте. В определенный момент колонны пленных будут проходить всего в полусотне километров от нас. Почему бы нам не рвануться наперерез и не освободить своих? Конечно, к тому времени родеры займут позиции на противоположном берегу Барты, но вряд ли большими силами. Дороги на север, на юг и на восток если и не вовсе закрыты, то чрезвычайно опасны. А на запад прорваться легче. Конечно, прорыв на запад равносильен тому, чтобы поглубже засунуть голову

в пасть врага. Но сейчас там движутся разоруженные «Крылья». Освободив их, мы удвоим свои силы. Став корпусом из дивизии, мы повернем обратно и пробьем себе выход на восток, к своим армиям.

Гамов воскликнул:

– Великолепный план! Я – за!

Пеано, Гонсалес, Павел Прищепа и другие офицеры тоже высказались за операцию. Но генерал задумался.

– Генерал, неужели вы против? – удивился Гамов.

Генерал медленно проговорил:

– Против не я, а маршал Комлин. Он предписывает нам насмерть стоять на нашей позиции.

– Генерал, снова спрашиваю: вы против?

Прищепа грустно улыбнулся.

– Трудный вопрос вы задаете, Гамов, своему дисциплинированному начальнику. Я всю жизнь приучал себя исполнять приказы. Вот мой ответ: я за прорыв на запад. Капитан, – обратился он к сыну, – успех операции зависит от вашей разведки. Если вы ошибетесь, неверно определив скорость движения колонны пленных и степень их концентрации, поход дивизии будет равносителен удару кулаком в воздух.

– Можете положиться на разведку, генерал, – сказал Павел.

– Пойду отдохнуть. – Генерал выглядел измученным. Мы догадывались, что причина не в слабости после ранения, а в том, что обстоятельства заставили его идти против приказа командования. – А вы подработайте операцию.

– Предлагаю отложить детальную разработку до получения данных об эвакуации пленных, – сказал Гамов после ухода генерала. – Есть другой срочный вопрос – захваченные деньги. Солдат волнует судьба бумажек.

– Вы обещали им, что награждение будет продолжено, – напомнил я.

– Но вы на это согласны? Нужна точность.

Я бы жестоко соврал, если бы сказал, что мне безразлично, как распорядятся калонами. Всей душой я восставал против того, чтобы разбрасывать деньги, принадлежащие всей стране, а не одной нашей дивизии. Но отмена обещаний Гамова вызвала бы возмущение среди солдат и перед рискованным походом в тыл врага уменьшила бы нашу боеготовность.

– Снимаю возражения, – сказал я.

– Тогда разработаем ценник, – сказал Гамов. – Я раздавал деньги по наитию. Теперь надо установить, чего объективно стоит каждый успех в бою. А завтра развесим список денежных выплат во всех полках, чтобы каждый знал, на что рассчитывать.

– Прейскурант на героизм, – невесело пошутил я. Это была моя последняя попытка поиронизировать над включением банковских кредиток в штатное вооружение дивизии.

– Меня ценники не интересуют, пойду организовывать разведку, – объявил Павел.

Вместе с ним ушли в свои подразделения и другие офицеры. Остались Гамов, Пеано, Гонсалес и я. Гамов вписывал в лист бумаги наименование подвига и объявлял цену. Он уже заранее продумал каждую цифру. Мы сразу согласились, что за трофейную машину, уничтоженную или сильно поврежденную, надо платить в два раза меньше, чем за целую или требующую небольшого ремонта. То же и для всех видов ручного и стационарного вооружения. Но когда перешли к живой силе, разволновался Аркадий Гонсалес. Я уже говорил, что этот долговязый майор, наш второй оператор, добросовестно работал с картами, но был непостижимо равнодушен к сути своих разработок. Он признавался, что ненавидит войну. Такое отношение к своей службе – а его службой было планирование военных операций – не могло способствовать ее успеху. Между тем у нас не было нареканий на уровень его боевых планов. Но если

можно было не высказывать своего мнения на советах, он неизменно молчал. А сейчас разбушевался.

– Вы предлагаете платить за убитого врага в пять раз меньше, чем за пленного? Никогда не соглашусь! – кричал он. – Убитый больше не встанет. Его смерть – облегчение для нас. Древние говорили: убитый враг хорошо пахнет. А пленный? Это же обуза! Корми, лечи, охраняй... И он потенциально опасен, потому что может вырваться и опять пойти против нас. А вы хотите платить за потенциального убийцу наших солдат впятеро больше, чем за того, кто уже не причинит нам никакого вреда? Это же абсурд!

Гамов возразил:

– Враги такие же люди, как и мы. Большинство из них насильно погнали воевать, они не ответственны за войну, хоть и страшны для нас, когда воюют. Я повышаю плату солдату, берущему врага в плен, за то, что он сохранил человеческую жизнь. Вывел из строя врага, но спас человека. Гонсалес, вы часто говорите, что ненавидите все формы войны. Убийство войны не ликвидирует: за убитого будут мстить. За пленного не мстят. Наоборот: за то, что сохраните ему жизнь, вам будут благодарны. Если враг знает, что мы только убиваем, он и в безвыходной ситуации станет отчаянно сопротивляться, неся нам смерть. А если узнает, что нашим солдатам за сохранение жизни мы платим больше, чем за убийство, то разве тогда ему, попавшему в трудное положение, не захочется самому пойти к нам с поднятыми руками, чтобы разделаться с опостылевшей войной? Это же логика, Гонсалес! Не только простая человеческая, но и военная! Как же вы этого не понимаете?

Мы с Пеано поддержали Гамова. Гамов прочел вслух преискуронт на подвиги.

1. *Захват водолета – 2 000 000 калонов*
2. *Уничтожение водолета – 1 000 000*
3. *Захват электроорудия – 200 000*
4. *Уничтожение электроорудия – 100 000*
5. *Захват ручного резонатора – 10 000*
6. *Уничтожение ручного резонатора – 5000*
7. *Захват автомашины – 20 000*
8. *Уничтожение автомашины – 10 000*
9. *Захват метеогенератора – 4 000 000*
10. *Уничтожение метеогенератора – 2 000 000*
11. *Захват в плен генерала – 500 000*
12. *Уничтожение генерала – 100 000*
13. *Захват в плен офицера – 50 000*
14. *Уничтожение офицера – 10 000*
15. *Захват в плен солдата – 1000*
16. *Уничтожение солдата – 200*
17. *Раненому за ранение – 2000*
18. *Наследникам убитого – 10 000*

Захват и уничтожение остального боевого снаряжения и материалов, не упомянутых в настоящем списке, оценивается каждый раз особо – с учетом важности его для успеха в бою.

– Вот и перешли к неклассическим методам войны, – сказал я. И на этот раз не иронизировал.

– Это только начало нашей войны против войны, – отозвался Гамов.

Все мы – и я, и Пеано, и Гонсалес, а до нас еще Павел Прищепа – уже искренно поддерживали то новое, что вносил Гамов в методы войны. Он мог уже и тогда назвать нас своими учениками.

Но ни один из нас и отдаленно не догадывался, до каких границ продумал он эти «неклассические методы», какие исполинские цели перед собой поставил и с какой опаляющей энергией будет их добиваться.

7

Трудно передать возбуждение, охватившее всю дивизию, когда расклеили «Ценник на подвиги».

И первым, кто заволновался, был наш старый генерал Леонид Прищепа. Он ждал, что наутро мы представим ему диспозицию похода на север, в тыл противника. А ему положили на стол роспись выплат за воинские успехи. Он промолчал, когда Гамов роздал солдатам малую толику захваченных денег: чего на войне не бывает, опытный военный умеет на многое закрывать глаза. Но превратить маленькое вынужденное исключение в новый метод ведения войны? Скрепить этот неслыханный способ своей подписью? Вы белены объелись? Да никогда, говорю вам!

И как мы ни убеждали, он не поддался.

– Приказ о наградах за подвиги подпишу я, – сказал Гамов. – Ведь это моя идея, буду за нее отвечать.

Люди толпились перед вывешенными ценниками. Одни читали вслух, другие переписывали цифры. В палатках толковали только о выплатах. К начальнику охраны машин с деньгами подошли несколько солдат – возможно из тех, кто недавно пытался захватить их силой, – и сказали:

– Ребята, в случае чего – кричите нас на подмогу. А то шантрапа разграбит, и после боя будет нечего получать.

А на электробарьере два солдата, сидя на баллонах со сгущенной водой, делились мечтами – я стоял неподалеку:

– Приобрету домик, – сказал один. – Теперь на войне заработать можно, не прежнее – голову сложи либо в госпиталь... Вышлю домой награду, пусть подыскивают дом.

– А если голову сложишь до награды? – поинтересовался второй.

– И за смерть мою получают не один только похоронный листок.

Не только я прислушивался к солдатским разговорам. Все командиры докладывали, что люди уже сердятся: чего медлим, почему теряем драгоценное время в обороне? Генерал Прищепа приказал распустить слух, что к нам на выручку идет армия. В слух поверили. Меня спрашивали: скоро ли рванем навстречу?

Я отговаривался, что определенно не скажу, но скоро соединимся со своими – это была не та правда, в какую верили солдаты, но все же правда. Открыто лгать было стыдно.

Между тем противник методично окружал дивизию. На другом берегу Барты неприятельские части занимали оборону, готовили засады. Враг вел себя нагло и беззаботно: родеры заводили веселую музыку, ночами лезли купаться. Нас провоцировали на беспцельный обстрел. Но мы не тратили снаряды на уничтожение декораций. Неприятель не собирался штурмовать нас с запада. Он не знал, что мы сами намерены устремиться туда, откуда недавно с тяжелыми боями брали Барту. Родеры – отличные воины, но пленники заранее разработанных планов – и на этом всегда можно сыграть.

Разоруженная дивизия двигалась тремя отрядами. Аэроразведчики показывали, что тяжелого вооружения у неприятельской охраны нет – ни одного электроорудия, не говоря уже о метеогенераторах. Серьезно сопротивляться удару всей нашей дивизии родеры были не в состоянии. Зато враг мог увести колонны пленных назад, под защиту основных сил, готовящихся с фланга атаковать наши позиции на Барте, либо прорваться дальше нас в свой тыл. Ни того, ни другого нельзя было допустить.

Пеано предложил разделить нашу дивизию на два полка, правый и левый, с мобильным оружием и группу уничтожения с тяжелым снаряжением. Полки прорыва форсируют Барту и, не ввязываясь в затяжные бои, устремляются вперед. Задача левого – закрыть неприятелю

путь в свой тыл. Задача правого – преградить дорогу обратно. Сила полков прорыва неодинакова. Родеры, встретив препятствие впереди, не бросятся сразу назад: поспешное бегство не в их характере. Они попытаются выбить неожиданную затычку. Бои левого полка наверняка будут ожесточенными и долгими. Задачу правого можно выполнить меньшими силами – бегство назад возможно лишь после разгрома, когда неприятель будет сильно ослаблен. Основную задачу – разгром неприятеля и спасение пленных – выполняет группа уничтожения.

Командование левым полком прорыва, продолжал Пеано, возлагается на майора Семипалова, правым полком будет командовать капитан Прищепа со своей разведывательной группой. Отряд уничтожения возглавит полковник Гамов. Генерал Прищепа будет координировать боевые действия всех отрядов.

– Возражений нет? Замечаний? – спросил генерал. – Капитан Прищепа, доложите, как отводят в тыл пленных.

«Крылышки» делают по тридцать лиг в сутки. Через два дня дивизия подойдет на самое близкое к нам расстояние, потом станет удаляться. После прорыва обороны врага на противоположном берегу Барты левому полку полные сутки хода до этого ближайшего пункта. Выступать нужно завтра к ночи или послезавтра утром.

– Завтра к ночи, – сказал я. – В темноте легче проскользнуть в тыл.

– Солдатам надо сказать, что цель сражения не та, о какой ходили слухи. И что они идут спасать своих братьев, а не просто выручают себя, – объявил Гамов. – Только ясное понимание цели способно мобилизовать все духовные силы. Сегодня обращаюсь к ним сам.

Когда Прищепа распустил военный совет, я сказал его сыну:

– Павел, удели мне парочку своих ребят с их инструментарием. В такой операции, да еще ночью, тыкаться вслепую...

– Во всех отрядах будут мои разведчики. А тебе, Андрей, передаю дубликат моего личного приемопередатчика. То, что я скажу, сможешь услышать лишь ты. И я один буду слышать тебя. Перехват наших переговоров исключен.

– Всем бы командирам вручить такие передатчики, – сказал я, принимая металлическую коробку, похожую на портсигар. На крышке стояло число 77.

– Будут, – ответил Павел, – но пока нет. Новое изобретение.

Обращение Гамова к солдатам я услышал, примостившись на склоне электробарьера. Обслуга орудия сгустилась у репродуктора на сосне. Гамов начал с того, о чем уже все знали: добровольная дивизия «Золотые крылья» не вынесла удара неприятельских сил. Сейчас всю ее, обезоруженную, гонят во вражеский тыл мимо наших позиций. Слухи о том, что на помощь к нам идет целая армия, не подтвердились. В этих условиях командование дивизии «Стальной таран» решило прорываться туда, где нас никто не ждет и где оборона врага всего слабей – во вражеский тыл, чтобы освободить пленных братьев. Соединившись с ними, мы станем много сильнее и сможем нанести новый удар в любом месте, где враг не оборудовал прочной обороны, чтобы там выйти к своим. И Гамов закончил:

– Мы уверены, что каждый исполнит свой воинский долг!

Солдаты, не стесняясь моего присутствия, комментировали новости – высшему командованию досталось не на шутку:

– Покинули нас! – крикнул один солдат. – Списали в расход. Предатели, не лучше патинов! «Крылышек» предали, теперь нас!

Другой поддержал:

– Ребята, вернемся – неужели смолчим? Полжизни бы отдал, чтобы выложить маршалам и министрам, что о них думаю!

Но были и другие разговоры.

– Правильно – выручим своих! Отобьем – и станем сильнее.

– Есть, есть у наших командиров мозги! – восхищался солдат с громким голосом, перекрывающим все другие голоса. – Нас хотели прихлопнуть на Барте, а мы – нате вам – пошли куролесить в их тылах. И своих отобьем! Толковые командиры, вот мое мнение!

К вечеру мой полк прорыва скрытно сконцентрировался на обратных скатах электробарьера.

Пришел Гамов – командовать отсюда выходом в тыл врага группы уничтожения. Стемнело около восьми вечера. В восемь пятнадцать ударили все орудия электробарьера. Что противник будет захвачен врасплох, мы не сомневались. Но что ему, как мы узнали потом, сразу будет нанесен огромный ущерб, и надеяться не могли. Прошло минут десять, прежде чем неприятель наладил противобатарейный ответ. Он бил по хорошо защищенным орудиям, а не по заросшему кустарником склону, куда уже перебазировался полк прорыва. Гамов вначале сконцентрировал обстрел на узком участке другого берега – проложил свободную полосу среди вражеского окружения. Такую же полосу Гамов проделал и на другом участке – для Павла Прищепы, а когда мы уже переправились, рассредоточил обстрел.

В девять часов я начал переправу, в половине одиннадцатого весь полк сосредоточился на другом берегу. И мы начали марш в глубину. Но еще до того, как последний солдат высидился на неприятельский берег, я заметил то, что меня не на шутку изумило. Ветра в тот вечер не было, а лес качался, как в бурю. Я обхватил молодую сосенку – она дрожала и вырывалась из рук, как живая. Она вся вибрировала, тонко звеня вершиной. Я видел, как метались люди, пораженные вибрацией, как они кричали и гибли от резонанса, если на них не набрасывали защитную одежду. Но что и дерево, пораженное виброосколками, способно так же мучиться, так же болезненно трястись, выдавая свою боль лишь тихим звоном кроны, и не подозревал. Я постоял около сосны и отошел к солдатам. Я не мог ей помочь – противорезонансных жилетов для деревьев еще не создали. Потом я часто думал, удалось ли той сосенке выжить после жестокой вибрации, или насильственный резонанс погубил ее так же верно, как губил человека. Я до сих пор этого не знаю.

Дорога во вражеский тыл была свободна. К полночи полк уже был в десяти лигах от Барты, сделали первый привал. Позади грохотали орудия электробарьера, им отвечала подоспевшая вражеская артиллерия.

К рассвету полк осилил полдороги. Я колебался: объявить ли дневку, или продолжать поход. Нигде не было и следов противника. Зато мы заметили три водолета, пролетевших в стороне и, по всему, не подозревавших о нашем существовании.

Я засмотрелся на красиво плывущие в воздухе машины. Мы знали, что Кортезия приступила к массовому их производству, и у нас готовились их выпускать, но над полями сражения они пока появлялись редко.

Я вызвал Павла по врученному мне приборчику. Голос Прищепы звучал так чисто, словно он стоял рядом. Я сказал, что если продолжить поход без остановки, то к вечеру подойдем к дороге, по которой конвоируют пленных. Но я боюсь открыто двигаться при свете дня.

– Можешь идти спокойно, – сказал Павел. – В окрестности твоего полка население давно эвакуировано, а вражеских частей и в помине нет.

– Где ты находишься?

– На рассвете форсировал Барту. К шоссе подойду завтра.

– Гамов переправился?

– Он ведет бой уже с трех сторон. Он не торопится прорываться, чтобы дать возможность нам укрепиться. Когда Гамов решит, что пора действовать, он легко опрокинет противника впереди и еще легче оторвется от тех, кто насаждает на флангах. Между прочим, охрана пленных не догадывается, что мы готовимся блокировать их колонны. Они шествуют неторопливо, с песнями и музыкой.

– Меня тревожит беспечность родеров.

– Радуйся их беспечности!

Я дал команду двигаться и днем.

К ночи мы подошли к шоссе, где шла пленная дивизия. Солдаты валились с ног. Я снова связался с Павлом. Он считал, что до следующего полудня встречи не ожидать: первая колонна на расстоянии дневного перехода от меня. Гамов начинает переправу, сказал Павел. Вражеская оборона на Барте сметена, на флангах идут бои. Противник еще не верит, что мы идем в его тыл, а не на восток, к своим. И укрепляет свою оборону не там, где мы реально прорываемся. Неподвижный до того четвертый корпус патинов отодвигается, освобождая родерам территорию с востока, чтобы те смогли нас окружить.

– Пока все идет на пользу нашему плану, – закончил Павел.

Я разрешил солдатам глубокий ночной отдых. Сам я спал плохо. Сон прерывался трубными сигналами тревоги. Я вскакивал, готовый скомандовать атаку, но сигналы грохотали лишь в моем мозгу. На заре я проверил, как расположился полк.

Позиция была удачная. Дорога петляла по холмистой местности. Среди возвышенностей теснилась покинутая жителями деревенька – в ней я расположил часть солдат, остальные заняли холмы вдоль дороги – любая колонна на ней попадала под наш обстрел. Была одна проблема, я все ломал над ней голову: если бы конвой, впав в панику, смешался с пленными, пришлось бы прекратить обстрел, чтобы не погубить своих. Оставалась рукопашная, но бросаться с ручными резонаторами или лучевыми импульсаторами на врага, вооруженного таким же оружием, по-моему, не столько образец героизма, сколько акт отчаяния. Я решил, что рукопашной не допущу, но не представлял, чем смогу ее заменить.

Родеры не торопились. Прошло утро, миновал полдень – они не появлялись. Разведка показывала, что они двигаются тремя колоннами, в каждой несколько тысяч пленных и несколько сотен конвоя. Только к вечеру показалась их передовая группа – впрочем, сначала мы услышали гул машин и военную музыку, и только потом увидели родеров. Расположение было таким, на какое мы рассчитывали: сильный отряд впереди, за ним пленные с конвоирами по бокам, за ними – снова сильный отряд. Если бы наши противники подозревали, что на них могут напасть, они построились бы иначе. При таком расположении можно было применить и орудия. Но орудий у нас не было: артиллерия осталась у Гамова.

И когда передовые машины углубились в приготовленную им ловушку, мы ударили из ручного оружия. Ошеломленные, родеры вначале пытались прорваться мимо бьющих с обеих сторон резонаторов и импульсаторов. Но впереди был завал, устроенный нами еще вчера. Родеры, запоздало исправляя свою оплошность, отступили, сгустили колонну пленных в толпу, а передовой отряд навязал нам бой по уставу. Темнеющий воздух озарили синие молнии импульсаторов. Соскочив с машин, родеры ползком пробирались между холмами, заходя во фланг и пытаясь вытащить нас из укрытий и заставить принять открытый бой. В одном месте им это удалось. Группка наших солдат, выскочив наружу, ринулась наседавших врагов. Я послал им приказ немедленно уходить в укрытие, но в горячке боя они не послушались.

Впрочем, родеры благоразумно отошли, обстреливая наших издали.

Когда стемнело, бой прекратился. Я обошел наши позиции: ни с одной нас не сбросили. Я связался с Павлом. Он уже перекрыл неприятелю обратную дорогу, но в бой пока не вступал – не с кем было.

– Если родеры не появятся утром, пойду на сближение с тобой, – сказал Павел. – Все же самое умное для них – повернуть назад. А не повернут, нажму на них с тыла.

Для врага это действительно было самым умным – броситься назад, под укрытие основных сил. Слабый полк Павла не выдержал бы концентрированного удара всего конвоя. Павел повторил, что возвращения родеров не ожидает: они настолько уверились в своем превосходстве, что ищут не самых умных, а самых скорых решений.

– Завтра родеры всей массой обрушатся на тебя, Андрей! Гамов форсировал Барту, но с тяжелым вооружением движется медленно. От твоей стойкости зависит спасение пленных.

Павел не хуже меня понимал, что любая стойкость имеет пределы. Я прикидывал, удастся ли неприятелю за ночь подтянуть к нашим позициям основные силы. Во вражеских колоннах слышался шум машин, разведка фиксировала передвижение людей. С рассветом надо было ожидать жестокого удара.

Удар был не только жестоким, но и очень продуманным. Родеры действовали в лучших своих боевых традициях, отнюдь не утраченных за тридцать лет разоружения после последней войны. Они и не думали наваливаться на нашу оборону, заставляя нас беспорядочно сражаться по всей линии. Они обрушивались десятикратным превосходством на крайние точки сопротивления и, подавив их, продвигались дальше. Они умели сражаться, эти молодые потомки воинственных отцов, некогда наводивших страх на весь мир, – они не просто дрались, демонстрируя бесстрашие, а разыгрывали бой, как шахматную партию. У нас не хватало сил противостоять такому умению. Разумеется, я мог поднять свой полк на открытый бой и на какой-то срок отогнать врага. Но конечный результат мог быть только один: наше поражение. И мы это понимали, и враг это понимал.

И, сдавая одну позицию за другой, я прикидывал, сможем ли продержаться до темноты. Некогда колдун-военачальник остановил на часок солнце, чтобы одержать победу при свете. Я отдал бы половину жизни, чтобы заполучить в свой полк колдуна, способного ускорить величавое шествие солнца по небосклону. Но солнце не торопилось: подошло к полудню, прошло сквозь него – а ожесточенный бой все не стихал. И тут мы услышали далекую трескотню резонаторов, над лесом позади нас взлетели синие искорки импульсов.

– Напал на вражеский арьергард, – сообщил Павел. – Огрызаются свирепо, но мы их тесним. Надеюсь, это облегчит твое положение.

Облегчение было лишь в том, что дрогнувшие были мои солдаты несколько воспряли духом. Но командование родеров и не подумало перемещать хотя бы толику своих сил к арьергарду. Оно с тем же упорством разметывало преградившие дорогу заслоны. Но если и раньше мы сопротивлялись ожесточенно, то сейчас сопротивление было больше чем ожесточенным – яростным. Продвижение врага замедлилось. Я периодически смотрел на небо: появилась надежда, что до захода мы продержимся.

А когда солнце стало склоняться к земле, над холмами пронесся тяжкий грохот. Большие электроорудия начали свою партию. Полки Гамова подошли в район сражения. Всего полчаса понадобилось командованию родеров, чтобы понять, что дальнейшее сопротивление равнозначно полной гибели. Громкоговорители разнесли приказ: всем солдатам и офицерам сдавать оружие.

Я поспешил к Гамову.

– Отлично сражались, Андрей! – он впервые назвал меня по имени. – Как я тревожился, что конвой прорвет наши заслоны! Теперь идемте смотреть освобожденных пленных.

По дороге к нам присоединился Прищепа.

– Идиоты! – весело сказал он о родерах. – Больше трети своих сил в самый разгар боя оставили сторожить пленных, когда каждый солдат был так нужен. Правда, солдаты «Крылышек» заволновались и, если бы их не держали под дулами импульсаторов, кинулись бы в драку. – Он протянул руку. – Давай, Андрей.

– Что давать? – не понял я.

– То самое, что я тебе вручил по случаю чрезвычайных событий. Тебе не только не положено знать, что это такое, но и запрещено хранить у себя, если в этом нет особой надобности.

Я возвратил передатчик.

А затем была встреча с освобожденными пленными. Я устал отвечать на приветствия, жать руки и обнимать, а еще больше устал от того, что обнимали и целовали меня. Гамов сказал Павлу:

– Проверьте состояние освобожденных. Здоровые поступают под команду своих офицеров, больных – к врачам. Мы с майором едем к вашему отцу.

В палатке генерала Прищепы, кроме наших, собрались офицеры «Золотых крыльев». Я увидел командира дивизии – Филиппа Коркина, массивного генерала с желтым лицом: он жестоко пострадал от вибрации, правая рука висела, ноги тоже не слушались, он охал при каждом шаге. Коркин рассказывал, как посылал в ставку радиогамму за радиогаммой и на все просьбы о помощи маршал Комлин отвечал одно: «Помощи в ближайшее время оказать не можем. Берите пример с героев “Стального тарана”, мужественно отбивающих на Барте непрерывные атаки врага!»

– Вранье! – не выдержал Леонид Прищеп. Его нужно было сильно разозлить, чтобы он изменил своей невозмутимости. – Не было у нас боев на Барте, да еще непрерывных. Оборону создали крепкую, но ушли еще до сражений.

Командир «Крылышек» опять пустился в воспоминания, Гамов прервал его:

– Генерал, о прошлом говорить не время, поговорим о будущем, – и, игнорируя Коркина, обратился к Прищепе: – Реальные потери «Крылышек» не столь уж велики. Если судить по количеству солдат, это по-прежнему полноценная дивизия. Две наших дивизии – это корпус. Нужен командир корпуса. Примите командование над нашими объединенными силами.

Прищеп покачал головой.

– Нет, полковник, командовать корпусом мне трудно. – Он посмотрел на Коркина, перевел взгляд на Гамова и сказал как о чем-то заранее решенном: – Командиром будете вы, Гамов. А вашу должность примет... – Он снова обернулся к генералу Коркину. – Пойдете ко мне в заместители? Немного подлечитесь, восстановите силы...

Коркин побагровел от унижения. Но если он был плохим командиром дивизии, в уме ему все-таки нельзя было отказать.

– Понимаю, генерал Прищеп. Мне нельзя командовать моей дивизией, я потерял авторитет... Извещу командование, что сам предложил заменить меня... А кого просить на свою должность?

Прищеп показал на меня.

– Майор Семипалов безукоризненно командовал полком, сумеет и дивизию возглавить.

В палатку вошли Альберт Пеано и Аркадий Гонсалес – если было можно, они всюду ходили вдвоем, – а за ними и Павел Прищеп. Павел доложил, что освобожденные «крылышки» распределены по старым полкам, утром им дадут оружие. Родеры взяты под охрану своими бывшими пленными. Враги обнаружили, что мы ушли из крепости на Барте. Два вражеских корпуса перестраиваются. Тот, что разгромил «Золотые крылья», начал движение с востока, а корпус, атаковавший нас с юга, форсирует Барту. Соединившись, они бросятся на нас.

– Мы атакуем их раньше! – сказал Гамов. – С востока идут победители «Крылышек»? Мы воздадим им за победу! Разгромившие будут разгромлены. Завтрашний день отведем на организацию корпуса, а послезавтра начнем обратный поход к своим.

Павел с удивлением посмотрел на отца.

– Генерал, это ваш приказ?

Генерал Прищеп широко улыбнулся.

– Выше, капитан, – приказ нового командира нового добровольного корпуса полковника Гамова. Я по-прежнему буду командовать моей дивизией.

Только уважение к двум генералам, добровольно подчинившимся полковнику, помешало Пеано, Гонсалесу и, конечно, Павлу встретить сообщение радостными криками. Леонид Прищепа продолжал:

– Командовать возрожденной дивизией «Золотые крылья» мы предложили майору Семипалову.

– Поздравлений пока не принимаю, – сказал я, – самовольные назначения высшее командование может не утвердить. У нас с Гамовым нет гарантий, что мы удержимся на своих новых постах.

Гамов весело возразил:

– Вы правы, неутвержденное назначение еще не назначение. Но мы сделаем так, чтобы высшее командование побоялось отказать нам в утверждении. Майор Пеано, запишите новую сводку для стерео.

И он продиктовал, что нами завершена операция освобождения добровольной дивизии «Золотые крылья», попавшей в плен из-за того, что в тяжелейших боях ей не была оказана помощь со стороны командования фронта. В новом корпусе, объединившем две дивизии, новое руководство – командир корпуса полковник Гамов и командир «Золотых крыльев» майор Семипалов. Воинам «Стального тарана», вызволившим из плена товарищей, за их смелость, мужество и в соответствии с индивидуальными подвигами каждого выдано щедрое вознаграждение – из денег, ранее отбитых у врага. Корпус под командованием полковника Гамова, генерала Прищепы и майора Семипалова готов к новым сражениям в тылу врага с его превосходящими силами. Солдаты и офицеры уверены, что высшее командование на этот раз преодолеет свою инертность и бросит крупные силы на помощь корпусу, прорывающему вражеское окружение.

– Да такая передача – война! – с удивлением сказал генерал Прищепа. – Гамов, вы объявляете войну нашему высшему командованию!

– Пока еще нет, генерал. Но предупреждаю, что мы не позволим оставить себя на произвол судьбы, как они оставили «Золотые крылья». Либо прекратить преступное бездействие на фронте, либо держать ответ перед всем народом – вот перед такой дилеммой я хочу поставить нашего дорогого маршала Комлина.

Пеано, сбросив с лица неизменную веселую улыбку, задумчиво смотрел на Гамова. Он уже понимал, что Гамов объявляет войну не только командованию, а всему высшему руководству страны. И в первую очередь – его главе, лидеру максималистов, дяде Альберта Пеано, председателю Совета Министров Латании Артуру Маруцзяну. Хотел бы я знать, какие мысли роились тогда в красивой голове молчаливого Пеано – возмущение против Гамова или то полное с ним согласие, какое Альберт так преданно демонстрировал впоследствии.

Но более всех был поражен неудачливый бывший командир «Крылышек» генерал Коркин. Выпучив глаза, он ошалело переводил их с одного на другого. В его мозгу не вмещалась мысль, что можно пойти на такое нарушение воинского устава, как раздача казенных денег солдатам, да еще дерзко угрожать высшему командованию.

Он, конечно, не понимал, что Гамов сознательно отверг классические методы ведения войны.

8

Раздача наград началась на рассвете и завершилась к обеду. Одна из денежных машин была на две трети опустошена.

Два события ознаменовали тот день. Первое показалось мне поначалу малосущественным, но потом из него проистекли огромные последствия. Второе же потрясло своей значительностью, но вскоре выяснилось, что оно куда менее важно, чем то, что произошло сразу за ним.

Первое событие случилось после торжественного смотра корпуса.

Солдаты выстроились на поле. Генерал Прищепа поздравил дивизию с победой, а недавних пленников – с освобождением, объявил о создании корпуса и назвал имя его командира. Затем Гамов объявил о новом походе. От нас одних зависит, сказал он, прорвем ли мы вражескую оборону, выйдем ли к своим. Будем надеяться на помощь извне, но наше командование неповоротливо. До сих пор мы сами выручали себя, так покажем же еще раз, чего стоим.

В нормальных условиях такую речь стоило бы отнести к пораженческим, а не победным: Гамов открыто предупреждал, что помощи от своих не ждать. Но его слова вызвали такой радостный гул, такие крики, словно он поделился не сомнениями, а счастливым известием.

Однако не эта реакция солдат явилась первым удивительным событием дня, а то, что произошло сразу после смотра.

Мы еще стояли на дощатом помосте – с него говорили Прищепа и Гамов, – когда к нам стала протискиваться группка солдат. Они кого-то тащили, кто-то упирался, на него кричали: «Да иди же! Смелее, говорят тебе!» У помоста из группки вытолкнули Семена Сербина. Сербин остановился перед удивленным Гамовым и протянул вперед обе руки. В его кулаках были зажаты несколько пачек денег.

– Вот! – голос его дрожал, и руки дрожали. – Награда... Два резонатора, офицер... И ранен...

Какую-то секунду Гамов колебался, а потом порывисто шагнул к солдату и обнял его. Сербин выронил деньги, припал головой к плечу Гамова и громко заплакал. Наверное, с минуту тянулась эта сцена – Гамов смеялся, обнимал Сербина, хлопал его по спине, а солдат все так же рыдал, не отрывая залитого слезами лица от груди командира корпуса. А из толпы, напавшей на помост, неся восторженный рев, она надрывалась в сотни голосов, махала над головами сотнями рук. Все умножающееся ликование как цунами мчалось по обширному полю.

Гамов, по-прежнему обнимая Сербина, пошел в толпу, двое товарищей Сербина подняли оброненные деньги и высоко подняли их над головой. Солдаты расступались и ликовали все исступленней. Над толпой взлетали шапки и даже пачки недавно полученных калонов – их бросали вверх и ловили, вопя от восторга...

Конечно, Гамов обладал незаурядным личным обаянием, его власть над людьми была почти магической. И в том событии после смотра, быть может, впервые в его государственной карьере открылась сила его воздействия: солдаты просто раньше других, не разумом – сердцем осознали, какой необыкновенный человек командует ими. Все это я могу понять. Другого не понимаю: Сербин, несомненно, был авторитетен среди своих – недаром его сделали ходатаем, когда требовали немедленного раздела денег. И допускаю, что дружки Сербина подняли бы мятеж, если бы Гамов велел расстрелять его. Но Гамов поступил с Сербиным хуже, чем просто расстрелял. И те же люди, что готовы были грудью защищать своего вожака, радостно гоготали и издевались над ним, так зло униженным. Почему же сейчас они так радовались примирению командира с непокорным солдатом? Или увидели в этом прощение самих себя, своего

недостойного хохота при виде униженного по их же вине товарища – отпущение собственного предательства?

Повторяю: я так и не понял истинного значения диковинного события, совершившегося у меня на глазах. И если я, пораженный, еще в какой-то степени сообразил, что отныне Гамов приобрел над душами солдат власть, какая и не мечталась нашим военным и государственным руководителям, то о влиянии, которое, пока еще неосязаемое, вручалось в этот момент прощенному солдату, и отдаленно не догадывался. Еще много времени должно было пройти, чтобы я (первый!) понял, как страшно простерлась над нами тень этого человека, так драматично брошенного в грязь и так непредвиденно из нее вытащенного!

Это было первое и самое важное событие этого дня.

О втором мы узнали в штабе корпуса – так теперь назывался наш бывший дивизионный штаб.

Начальник его, все тот же майор Альберт Пеано все с той же неизменной улыбочкой весело информировал нас с Гамовым:

– Ликуйте! Нас осчастливляет появлением эmissар моего дорогого дяди, он же личный представитель не менее дорогого маршала. В наше расположение прилетает на водолете сам Данило Мордасов.

– У нас уже появились боевые водолеты? – удивился Гамов.

– У кого «у нас», полковник? Это генерал Мордасов без водолета не способен к передвижению. Итак, подготовимся вечером предстать пред его светлые, невыразительные очи. Он предупредил, что раньше отдохнет и пообедает, а после призовет к себе.

– Пред его светлые, невыразительные очи? – задумчиво переспросил Гамов. – Вы хотите сказать, что государственный советник Мордасов – дурак? Ненавижу дураков! Особенно если они занимают высокий пост.

– Хуже, чем просто дурак, полковник. Умный дурак. Циник и ловкач. Из тех, кого в старину называли царедворцами.

– Вы его недолюбливаете, Пеано?

Пеано осветился доброжелательной улыбкой.

– Восхищаюсь им. Нет такой щели, куда бы он ни пролез, если нужно.

– Значит, вечером встреча? Тогда передайте ему, что «призовет к себе» отменяется. Пусть явится в штаб к восьми часам и не опаздывает: у нас подготовка к походу.

Прозвучало это внушительно.

Вечером Мордасов не вошел, а вкатился в штаб. Невысокий, толстенький, кругленький – средних размеров бочонок на двух ногах – он двигался с быстротой, вызывающей удивление. И, войдя, приветственно – сразу всем – замахал ручкой.

– Салют! Поздравляю с победой! – у него был тонкий, режущий голос. Таким голо- сом, если постараться, можно пилить дрова. На круглощекое лицо сияла улыбка. Он безошибочно выделил Гамова и обратился к нему, игнорируя двух присутствующих генералов. – Наш общий друг Альберт Пеано передал мне ваше категорическое... скажем так – пожелание... или просьбу?... чтобы явился сюда к восьми и не опаздывал. – Он взглянул на часы и радостно закончил: – Не опоздал, не опоздал... Ненавижу опоздания, когда так настоятельно... просят.

Гамов смутился редко – но Мордасов его смутил. Гамов покраснел и не нашел ответа. Одной из самых крупных жизненных ошибок этого ловкого человека, Данилы Мордасова, было то, что он заставил Гамова растеряться. Он и отдаленно не догадывался, с кем имеет дело.

Поставив на место зазнавшегося полковника, Мордасов поздоровался с генералами, потом и нам пожал руки и оживленно заговорил:

– Знаю, знаю: у вас ко мне много вопросов, тысячи, верно? С вопросами немного повременю. Ваши вопросы, так сказать, не главный вопрос повестки дня. Главный же – восхищение! Спешу разъяснить: восхищение вами! Восхищение вашей доблестью, вашим воинским

искусством, вашим... в общем – вами! Вы сегодня самая яркая, самая радостная искра удачи в сумраке нашего безрадостного военного бытия. Самые известные, самые популярные люди в стране! Подразумеваю генерала Прищепу, полковника Гамова, майора Семипалова, капитана Прищепу, ну, и... штабистов Пеано и Гонсалеса! – Он сделал многозначительную остановку, прежде чем произнес фамилию Пеано. – Передачи о ваших подвигах повторяются четырежды в день, об удивительной диверсии в тылу врага против гвардейского полка Питера Парпа рассказывали даже восемь раз. Разбудите сегодня малыша в детском саду и спросите, кого он лучше всего знает. И он пропищит: «Полковника Гамова!» Короче, мне поручили передать вам благодарность за ваше воинское мастерство и восхищение вашими удачами. Почетное поручение, вы меня понимаете? Теперь задавайте вопросы, отвечу на любые – мы ведь здесь все свои!

Первым отозвался генерал Прищепу.

– Мы знаем только то, что доносит до нас радио и стерео: непрерывные отступления профессиональных и добровольных соединений, измена патинов... Но каков истинный размер неудач? Насколько невосполнимы наши реальные потери? Нельзя ли полней осветить этот вопрос?

Мордасов «освещал вопрос» с такой охотой и полнотой, словно живописал грандиозные успехи, а не трагические провалы.

– Вы правы, генерал, вы абсолютно правы: неудачи, неудачи и снова неудачи! На Западном фронте удалось стабилизировать оборону лишь с помощью самого противника, не сумевшего использовать собственный успех. Вы знаете нашего уважаемого командующего Западным фронтом. Великую ложь произнесет тот, кто припишет маршалу военные дарования. Как командир полка он еще так-сяк, но командовать фронтом!.. К сожалению, наш великий лидер, ваш дядя, – он неодобрительно поклонился Пеано, неодобрительность, мы поняли, относилась не к тому, что у майора Пеано такой знаменитый и влиятельный дядя, а только к тому, что у знаменитого и влиятельного дяди такой незначительный и невыдающийся племянник, – ваш дядя, повторяю, чрезмерно доверяет маршалу – печально, конечно, но не нам осуждать непонятные привязанности великих людей, мы на проникательное понимание их поступков никем не уполномочены. Так вот, наши потери на Западном фронте составляют двести тысяч человек пленными.

– Двести тысяч? – ужаснулись мы все разом.

– Двести! – с воодушевлением повторил Мордасов. – Всех усилий теперь только и хватает, чтобы хоть временно сохранять стабильность фронта!

– Временно? – переспросил Гамов. – Вы, кажется, предвещаете нам поражение, генерал Мордасов?

– Не генерал, нет, только государственный советник, – быстро откликнулся Мордасов. – А раз не военный, то не вправе высказывать категорические суждения о стратегии. Поймите меня правильно... Если бы не ваши великолепные боевые успехи... Они как маяк в ночи, как звездочка в густых тучах! Десяток бы таких частей, как ваша дивизия, таких командиров... У кого бы тогда могла прозвучать пессимистическая нотка, кто бы тогда осмелился?

Мы молчали, подавленные. Что могли значить наши крохотные удачи перед трагедией на фронте? Снова заговорил Гамов:

– Ну, хорошо – хорошего на фронте нет. А в тылу? Настроение народа?

Мордасов описывал тыловые трудности так же бодро и красноречиво, как и военные неудачи.

– Нелегко в тылу, вот точная формула. А конкретно две вещи. Первая – снабжение. Все забрали в резерв, армейские склады пока полны. Союзники тоже требуют: то дай, другое, без этого не поддержат. А кортезы перехватывают циклоны, их метеогенераторные станции куда мощней наших... Хлеба пожгло, овощи не уродились. Настроение – соответствующее. Да ведь

трудно не только со снабжением. В конце концов – война, все подтягиваем животы. Внутренний враг оживился!

– Измена? Восстания?

– Не измена, нет. И о восстаниях не слышал. Хулиганство! Бандитизм! Все границы перешли... Молодежь дезертирует. Прячутся, заработков нет – сколачиваются в шайки, достают оружие. Даже поезда, если с продовольствием, без сильной охраны на линии не выпускаем. Ночью в Адане в одиночку на улицу выйти – самоубийство! Разденут, избыют, а сопротивляешься – прикончат.

– Куда же смотрит полиция? – вдруг закричал Гонсалес. – Хватать и расстреливать подлецов!

– Хватаем и расстреливаем. А толку? Одного расстреляем, двое добавляются. Пока нет победы на фронте, бандитизма не одолеть.

– А победа на фронте не светит, судя по вашим словам, – хмуро сказал Гамов. – Теперь вопрос: зачем вы прилетели к нам?

– Как зачем? Передать, что командование восхищено вашими военными удачами, услышать ваш ответ.

– Восхищение вы уже передали. Наш ответ естествен: благодарны за добрые слова. Но для хороших слов хватило бы и радио, а послали водолет. Итак, ваше особое задание, Мордасов?

Мордасов, по всему, не ожидал, что Гамов так властно и открыто потребует расшифровки визита. Он еще колебался, изложить ли суть дела без обиняков – или идти к ней извилистой тропкой. Строгий взгляд Гамова отсекал все боковые ходы.

– Видите ли, друзья... Буду откровенен, мой девиз – только правда. В общем, восхищенное вами командование кое в чем и не согласно... Не все ваши поступки находят одобрение.

– Не мямлите, Мордасов! Прямо и точно: чего вам надо? Забрать деньги, которые мы еще не успели раздать?

– Да, в общем – это... Но не только остаток... Командование недовольно, что разбазарили государственную казну. Приказано изъять у солдат все, что им незаконно выдано.

Гамов недобро улыбнулся.

– Вы уверены, что можно отобрать у солдат их награды? Подскажите: как это сделать?

– Вам видней. Не имею права вмешиваться в ваши распоряжения, Гамов, хотя замечу в скобках, что вы еще не утверждены в должности командира корпуса и ваши приказы... ну, не совсем законны, чтобы вас не обижать. Но если вы вернете неправильные выплаты... Короче, можете тогда рассчитывать...

Гамовым овладел один из тех приступов ярости, с которыми он временами не мог справиться. Он подошел к Мордасову вплотную, вперил в него бешеные глаза. Я испугался, что Гамов влепит эmissару пощечину, но от пощечины Гамов удержался.

– Ты, пивная бочка на склеротических ногах! – прошипел он. – Расстраивался, что всем приходится затягивать потуже пояса, а твой живот не ужмет даже стальной обруч. Да ты разбойник хуже тех, что бесчинствуют на ночных улицах!

Мордасов выкарабкался из кресла и отскочил в сторону. Он был возмущен и испуган – уж не знаю, что больше.

– Ответьте мне на один вопрос, Мордасов, только честно! – приказал Гамов, с усилием подавляя гнев. – Нам предстоит прорываться сквозь вражеское окружение, будут тяжелейшие бои. Согласны ли вы, что изъятие наград и отказ от дальнейших выдач сильно ослабит боевой дух корпуса? Да не дергайтесь, я задаю элементарный вопрос.

– Допускаю, что в смысле появления некоторого недовольства... – пробормотал Мордасов.

– Вот-вот, появится недовольство... И оно ослабит боевой дух и уменьшит наши шансы победить в бою и вырваться к своим, так? Отвечайте, Мордасов!

Показное спокойствие Гамова после вспышки ярости обмануло Мордасова. Он вдруг перешел на крик:

– Да что вы пристааете? Боевой дух, прорыв из окружения!.. Есть законные и незаконные методы ведения войны. Не требуйте привилегий, которых лишены все армии мира! Солдат сражается во имя любви к родине, а не ради разбойничьей наживы. Воюйте как все!

– То есть погибайте в неравном бою, попадайте в плен, ждите в отчаянную минуту помощи, которая не придет. Ваша позиция ясна, Мордасов. Ее точное название – предательство!

– Вы не смеете, полковник Гамов!..

– Смею! Последний вопрос – и бог вас упаси ответить лживо. Кто требует отвоеванные нами деньги? На какие нужды?

– На государственные нужды, вот на что!

– А разве спасение целого корпуса, разгром противника не является важнейшей государственной задачей?

– Не путайте божий дар с яичницей! Незаконное обогащение солдат – и высшие цели страны! Маршал Комлин приказал мне: умри, но без денег не возвращайся!

– Сам маршал?.. Дилемма ясна: вы либо умираете, либо возвращаетесь с деньгами. Ваш ответ меня удовлетворяет.

– А меня нет! – вдруг вмешался в спор Пеано. Он стал страшен, убрав с лица неизменную улыбку – впервые он выглядел воистину тем, кем был, а не кем пытался казаться. – Я скажу, на что пойдут отобранные у нас деньги. Они давно уже списаны в государственный убыток. И сейчас, бесконтрольные, умножат богатство достойных людей. У жены маршала великолепный набор изумрудов, она говорит, что если его немного пополнить, то будет лучшая в мире коллекция. А моя дорогая тетка, жена моего дорогого...

– Не смейте! – закричал Мордасов. – Я не позволю!.. Нет, тысячекратно прав ваш дядя – ах, как он вас знает! Он предупреждал...

– Предупреждал? Очень интересно! А о чем?

– О вас! О вашей злобе! О вашей непокорности! О вашем двоедушии! «Альберт ненадежен, помните об этом, и, если он попытается сопротивляться, арестуйте его и доставьте ко мне» – вот так он высказался о вас. И если вы произнесете еще хоть одно слово, я вас арестую, Пеано!

– Одно слово, два слова, три слова! – издевательски пропел Пеано на какой-то знакомый мотив. – Сколько еще надо слов, глупец?

– Под стражу его, полковник! – Мордасов простер руку к Пеано. – Я приказываю именем маршала.

– С выполнением приказа подождем, – холодно ответил Гамов. – Надо раньше разделиться с мучительной дилеммой: деньги или ваша жизнь.

– Никакой дилеммы! Мой водолет готов принять все, что осталось нерозданным. Я сегодня же привезу деньги маршалу. Остальные вы отберете у солдат и доставите сами.

– Вы не поняли, Мордасов. Денег вы не получите.

До Мордасова не доходил смысл происходящего.

– Вы шутите? Как вас понимать?

– Очень просто. Дилемму: ваша смерть или ограбление солдат я решаю в пользу вашей смерти. Приговариваю вас к казни за предательство армии. Гонсалес, отведите осужденного на расстрел.

Мордасов только сейчас понял, какую крутую кашу заварил. Гонсалес, вытащив импульсатор, пошел на него. Мордасов завизжал и выхватил ручной резонатор. Если два одинаково быстрых противника вооружены по-разному (у одного – резонатор, а у другого – импульсатор), исход предсказуем: резонатор способен поражать мучительной вибрацией сразу многих,

импульсатор убивает одного, зато наповал – без судорог и боли. К тому же Гонсалес, тощий и высокий, был проворней коротенького, кругленького Мордасова. В комнате сверкнула синяя молния, наискосок перечеркнувшая государственного советника. Мордасов зашатался и стал падать, уже мертвый.

Гонсалес вызвал охрану штаба. Убитого унесли.

– Интересная ситуация, – спокойно сказал генерал Прищепа.

И только сейчас мы осознали, что с нами находятся два генерала, не проронившие ни одного слова во время спора Гамова и Мордасова. Что до Коркина, то, раненый и подавленный своими несчастьями старик мало что соображал. Но Прищепа, когда совершалась казнь Мордасова, только вдумчиво наблюдал за ней, не одобряя и не запрещая расправы.

Гамов резко повернулся к Прищепе.

– Слушаю, генерал. Что вы скажете?

Генерал Прищепа ответил с тем же спокойствием:

– Я скажу после того, как вы отдадите все свои распоряжения. Ведь вы еще не закончили, полковник?

Гамов помолчал, потом обратился сразу ко всем:

– Не удивляйтесь тому, что сейчас скажу. Имею в виду форму, а не содержание. Содержание ясно: мы вступили в борьбу с правительством. Нам не простят самоуправства с деньгами и казни Мордасова. Вокруг главы правительства концентрируются десятки мордасовых, все они обрушатся на нас. Единственная наша защита – поддержка народа. Мы должны усилить эту поддержку. Но сделать это хочу осторожно, иначе спохватятся, что слишком вольно ведем себя в передачах по стерео, и закроют эту единственную возможность рассказать людям правду. Пеано, записывайте.

И Гамов начал диктовать – как всегда, неторопливо и ясно:

«В то время, как наш добровольный корпус ведет в тылу врага тяжкую борьбу, некоторые безответственные элементы, тайно пробравшиеся в правительственные круги, саботируют усилия народа и власти. Некий Мордасов прилетел в расположение нашего корпуса и, назвавшись эмиссаром правительства, попытался лишить наших солдат выданной им награды за героические успехи в недавних боях. Целью его преступных действий было понизить боевой дух в корпусе и тем предопределить его поражение в предстоящих боях. Получив отпор, изменник Мордасов оклеветал наших верховных руководителей, утверждая, что наш испытанный боевой начальник маршал Комлин по своим военным способностям не годится даже в командиры полка. И что он издает глупые приказы, а глава правительства, наш любимый лидер партии максималистов Артур Маруцян, из личной привязанности к маршалу, поддерживает все его бездарные распоряжения. Запись чудовищных высказываний преступника Мордасова будет предъявлена для проверки любой следственной комиссии. Я, полковник Гамов, командир окруженного врагами добровольного корпуса, приказал казнить Мордасова за попытку понизить боевой дух солдат перед боем и за клевету на наших верховных руководителей. Торжественно заверяю народ и правительство, что корпус готов к решительным боям с врагом и будет выполнять все приказы командования, ведущие к победе».

На лице успокоившегося Пеано опять засветилась так хорошо известная нам дружелюбная улыбка, правда чуть больше обычного сдобренная иронией. Он поставил точку и сказал:

– Метко и коварно. После такой передачи ни маршалу, ни моему дядюшке не обойтись без сердечных пилюль.

– Надеюсь на это! – Гамов повернулся к Павлу. – Капитан Прищепа, я не спросил вас: записана ли на пленку беседа с Мордасовым?

Павел засмеялся.

– Полковник, мне кажется, я свои обязанности знаю.

Гамов повернулся к Леониду Прищепе.

- Слушаю вас, генерал, Вы хотели что-то сказать, когда я закончу.
- Генерал Прищепа протянул ему руку.
- Хочу сказать, что я с вами, Гамов. Во всем и до конца!

9

Вся следующая неделя сохранилась в моей памяти как что-то тяжелое и сумбурное.

Это было одно гигантское сражение, протянувшееся во времени на несколько сотен часов, а в пространстве – на несколько десятков лиг.

Мы шли, оттесняя вражеские части, умножая число раненых, теряя убитых, накапливая пленных. И когда наступил последний день этой недели и вокруг перестали греметь электроорудия, шипеть резонансные пули и шрапнель, вспыхивать синие пламена импульсаторов, мы как-то не сразу сообразили, что последний заслон врага опрокинут и окружение прорвано – мы вышли к своим!

Затем был отдых и раздача наград. Обе денежные машины полностью опустели. Появились офицеры из Главного штаба. Нам приказали двигаться к Забону – на пополнение и переформирование. Лучшего приказа и быть не могло: мы шли в родной город, где в начале войны собрались, вооружились и откуда начали свой поход на запад.

Перед новым походом (уже по своей территории) в штаб явилась группа солдат – человек тридцать, среди них я заметил и Семена Сербина, и лихого сержанта Серова, чуть не застрелившего его во время бунта, – и попросились на секретный разговор. Гамов высоко поднял брови.

– Какие у нас с вами могут быть секреты, друзья?

– Так мы решили между собой, чтобы секретно, полковник, – ответил Григорий Варелла. Лихой парень, он отличился в рейде против Питера Парпа, потом при подавлении денежного бунта, затем стал героем последующих сражений. Но его открытое, веселое лицо так не вязалось со словом «секретность», что я не удержался от улыбки. Впрочем, то, что он сказал дальше, даже в анархическом обществе числилось бы совершенно секретной информацией, а мы все же были дисциплинированные военные в централизованном государстве.

– Объявляйте свои секреты, – разрешил Гамов.

Варелла сказал, что солдаты обсуждают, что будет на родине. Общее мнение – по головке не погладят. Командир корпуса самоуправствовал с казной. Генерала, явившегося ее отбирать, казнили. До сих пор не утверждены новые командиры в созданном ими корпусе. И никого не повысили в званиях, а разве это дело, когда корпусом командует полковник, а дивизией – майор? В общем, хорошего не ждать.

– Интересный анализ обстановки! И какой вывод?

– Арестуют вас заслушание! А у нас отберут награды. И наше решение: награды не вернем, а вас в обиду не дадим. И если попробуют разоружить, будем сопротивляться.

– Это пахнет бунтом! Приказы командования надо исполнять.

– Против государства мы не бунтуем. Отдавали кровь за него и еще отдавать будем. А захотят расправиться с вами, мигом встанем.

– Мне кажется, вы слишком мрачно рисуете обстановку. Не думаю, чтобы осмелились вас грабить, – Гамов голосом подчеркнул словечко «грабить». – Что же до ареста командиров... Не за победы же нас наказывать? За победы хвалят.

– Все может быть, – убежденно сказал Варелла. – Такое время – и за победы иной раз карают. Но мы за вас. Помните об этом.

– Идите в свои полки, – сказал Гамов. – Буду помнить, что вы сказали.

Когда солдаты ушли, Гамов упрекнул Павла Прищепу:

– Капитан, вы хвалитесь своей разведкой. А пропустили, что у солдат панические мысли о том, что их ждет в тылу, и что они настраивают себя на неповиновение... Плохая работа, капитан Прищеп!

– Отличная работа, полковник! Замечу в скобках, что в делегации солдат три моих разведчика и что их оратор Григорий Варелла тоже мой человек, к тому же из самых боевых. А если солдаты хорошо знакомы с положением в стране, так ведь не из сводок нашего маршала. И что нас ожидают неприятности, особенно – вас, тоже не из пальца высосали. Люди понимают свои задачи.

– Бестия вы, капитан! – не удержался Гамов от своеобразной похвалы. – Сами все задумали, сами осуществляли!

– Коллективная работа, полковник. Спорили, вырабатывали решения...

Гамов посмотрел на меня. Я отрицательно покачал головой. Я понятия не имел, что среди моих солдат проводится тайная работа. Гамов обернулся к Пеано. Пеано ослепительно заулыбался.

– Мы! Мы! И я – больше всех. Я ведь хорошо знаю маршала. И характер дядюшки тоже не первый год изучаю. Мы стали опасны для них. Почему бы нам их не переиграть? Настроение солдат в такой игре – карта козырная. Вот так мы решили.

– Маршал не осмелится отбирать у солдат награды! Он все же не отпетый дурак, – задумчиво сказал Гамов.

– Не осмелится, верно. И дядюшка не осмелится – единственная воинская часть, вернувшаяся с победой, а не разбитая! Но почему не разоружить наш корпус под видом его пополнения, переформирования, оздоровления?.. Хорошие словечки для плохого дела всегда найдутся. Нам надо сохранить оружие – мы исполняем ваше решение.

– Я не говорил об этом, – Гамов пристально глядывался в Пеано. Тот сбросил свою маскирующую улыбку и снова, как в схватке с Мордасовым, стал истинным – злым и решительным.

– Вы об этом думали, полковник. Все ваши передачи били в одну точку. Пора от стереопередач перейти к действиям поактивней.

– Вы говорили с генералами, Пеано?

– Нет, конечно. С Коркиным говорить бесполезно, он распался. А Леонид Прищепа и сам понимает, что вы задумали и на что решились.

– Задумал, решился!.. Вы уверены, что разбираетесь в моих невысказанных намерениях?

– Уверены! – в один голос отозвались Прищепа, Пеано и Гонсалес.

– Что ж, подождем завтрашнего дня, – сказал Гамов.

«Завтрашний день» растянулся на десять суток. День за днем по своей территории мы двигались радостным маршем к Забону. Каждодневно возобновлялась одна и та же картина: тысячи встречающих на сельских дорогах и в городах, цветы, подарки – и речи, речи, речи! Конечно, мы знали, что на фоне постоянных неудач наши победы должны производить впечатление. Были в курсе, что стереопередачи чрезвычайно усиливают нашу известность, но даже Гамов, диктовавший тексты, не подозревал, что так быстро превратился из неизвестного полковника во всенародного героя.

До города Парку мы двигались по шоссе – а из Парку в Забон и Адан шли железные дороги. Здесь корпус должен был погрузиться в поезда: пустые составы уже стояли на всех путях. На вокзале ко мне кинулась жена. Ее сопровождал Джон Вудворт. Елена, плача, обняла меня, прижалась лицом к груди. Я целовал ее щеки и глаза и не мог насмотреться. Она похудела и посерела, но была еще красивей, чем раньше, – так мне показалось. Допускаю, впрочем, что если бы она и подурнела, я бы этого не заметил: она всегда была для меня лучше всех женщин.

– Ты жив! Ты жив! – твердила она, не переставая плакать. – Я так боялась! Такие сражения!..

– Жив, даже не ранен! – Я протянул руку Вудворту. – Рад видеть вас, Джон. Вас не попросили под конвоем в добровольцы?

До Вудворта шутки решительно не доходили.

– Я сам попросился в добровольцы. Но мне отказали. Я теперь референт Маруцзяна по международным делам.

– Если бы не Джон, я бы не пробралась в Парку, – объяснила Елена. – Сюда гражданских не пропускают. А я не могла дожидаться тебя в Забоне. Джон выдал мне пропуск сюда.

– Я начальник эшелона, в котором вы поедете, – сказал Вудворт. – Вам с Еленой выделили отдельное купе. Вот ваш поезд. В салоне, наверное, уже собрались ваши офицеры. Когда поезд тронется, я тоже приду к вам.

Он чопорно поклонился и отошел. Мне не понравилось, что он назвал Елену так приятно – по имени.

– Ты подружилась с Джоном, Елена? И, кажется, увлеклась?

– Глупый! Я увлеклась в своей жизни однажды – и, боюсь, навсегда. Тобой увлеклась, дружище! Тобой одним. Ты и он – разве вас можно сравнивать?

– А что? Высокий, умный, красивый...

– Некрасивый! Аскет. И по внешности, и по натуре. Перестань ревновать, а то я рассержусь.

– Уже перестал. Не сердись. Идем в вагон.

В салоне сидели генерал Прищепа, Гамов, Павел, Пеано и Гонсалес. Я представил им Елену. Все поздоровались, а Гамов взгляделся, словно старался открыть в ее лице что-то тайное (она покраснела от бесцеремонного взгляда), а потом сказал чересчур вежливо сказал:

– Очень рад познакомиться, Елена. Ваш муж никогда не говорил, что вы такая красивая.

– Он не замечает моей красоты. Мой муж реалист и никогда не видит того, чего нет.

– Отличное свойство! Но только в военном деле. Не дай бог видеть на поле боя то, чего там нет. Но женщине нужна психологическая фантастика. Если ей говорят, что она красива, она сразу становится красивой.

– А сами вы часто так говорите своей жене, полковник Гамов?

– Я не женат, Елена. Семья – нечто для меня недоступное.

В салон вошел Вудворт. Поезд погромыхивал на стыках рельс. За окном открывался унылый пейзаж: окрестности Парку никогда не были живописными. Меня удивило, что мы едем очень медленно, я сказал об этом Вудворту. Он ответил громко, чтобы слышали все:

– Вы плохо представляете себе положение, Семипалов. Главное горячее – сгущенная вода давно не поступает на транспорт. Локомотивы переоборудуются на старинное топливо – уголь и нефть.

– Кто вы сейчас, Вудворт? – со сдержанным недоброжелательством поинтересовался Гамов – он не забыл их резкого спора на «четверге» у Готлиба Бара.

– Я уже объяснил Семипалову мое положение. Я референт главы правительства по международным отношениям. В данный момент – командир эшелона, везущего вас с одним батальоном ваших войск в Забон. Остальными поездами командуют назначенные мной люди. А пришел я к вам, чтобы сделать важное заявление. Но прежде попрошу посторонних лиц удалиться из салона.

Такое распоряжение могло относиться лишь к Елене, других посторонних лиц не было. Она сказала, что отдохнет в купе, и вышла.

– Полковник Гамов, я должен перед вами извиниться, – начал Вудворт в своей церемонной манере. – На вечере у нашего друга Готлиба Бара вы очень грубо отозвались о моем нынешнем шефе, лидере максималистов Артуре Маруцзяне. Я столь же грубо возражал вам. Ныне я работаю под его непосредственным началом и убедился, что вы были правы в своих негативных оценках.

Вудворт промолчал, чтобы дать нам справиться с изумлением. Пеано, по обыкновению, улыбался – только не радостно, а насмешливо. Он один не удивился, что Вудворт, начав рабо-

тать с Маруцзяном, так круто изменил свое мнение о нем. Худое лицо Вудворта стало решительным и твердым. Он продолжил:

– Понимаю, вы поражены, многие не верят. Ничего – поверят после дальнейших объяснений. Начну с информации о некоторых фактах. Мне было приказано посадить в ваш эшелон только больных и раненых, а в остальных поездах перемешать солдат дивизий «Стальной таран» и «Золотые крылья». Я не сделал ни того, ни другого. Раненым выделен отдельный эшелон. В этом поезде находится тот батальон, который совершил диверсионный рейд в тыл родеров и отбил машины с деньгами. Солдаты этого батальона сейчас в вашем поезде и под вашим командованием.

– О том, как ведут себя отдельные подразделения, вы узнали из наших сводок и стереопередач? – поинтересовался Гамов.

– Не только из них. В моих руках и та информация, которую капитан Прищепа передавал своим доверенным людям.

Павел вздрогнул, приподнялся и снова сел. Его глаза, обычно серые, вдруг потемнели.

– Нас хотят арестовать? – спросил Гамов.

– Охотно арестовали бы, но при вашей нынешней популярности это опасно. План такой: повисить вас в званиях и разъединить. Генералов Гамова и Семипалова пошлют формировать новые части, полковников Пеано, Гонсалеса и Прищепу распределят по военным школам и комендатурам, Леонида Прищепу пошлют на лечение, а Филиппа Коркина разжалуют.

Называя наши будущие звания, Вудворт с вежливой издевкой кланялся каждому. Гамов спросил:

– Правительство нас боится? Почему?

– Положение сложней, полковник. Оно и радуется вам, и боится вас. Радует, ибо ваш рейд – единственный военный успех, которым можно похвастаться. И хвастается во весь голос! Боится потому, что вы добились успеха, проигнорировав приказы командования. Расправа с Мордасовым ужаснула. Не говорю уже о чувствительных личных потерях для иных членов правительства.

– Если бы дурак Мордасов не был так агрессивен...

– Бросьте, полковник! Неплохая разведка не только у капитана Прищепы. И мы уже на следующий день знали, что Мордасов, выйдя из водолета, отправился в офицерскую столовую один, а его охрану пригласили пообедать в другое место, заперли там, поставили стражу и пригрозили, что если кто-нибудь подаст голос, его тут же проимпульсируют. Все это происходило до вашей беседы с Мордасовым – значит, вы заранее вынесли ему приговор. Я правильно говорю, капитан Прищепа?

– Абсолютно правильно! – спокойно подтвердил Павел. – При известии о прилете Мордасова мы втроем посоветовались – Пеано, Гонсалес и я. Пеано сказал, что Мордасов прилетает изъять деньги и увезти его, Пеано, в тыл – под предлогом, что дядя беспокоится о его здоровье. Мы решили изолировать Мордасова от его охраны, но обоим генералам и Гамову с Семипаловым ничего не говорить: они могли не одобрить таких поступков до объяснения с эмиссаром правительства.

– Узнаю много нового о своих собственных действиях, – задумчиво проговорил Гамов. – Не расскажете ли подробнее, в чем заключалась миссия Мордасова? Возможно, и о ней я не все знаю.

– Майор Пеано еще до прилета Мордасова точно описал его миссию своим товарищам. Мордасов должен был вывезти Пеано в тыл, ибо, по мнению его дяди, он оказывал скверное влияние на командиров дивизии «Стальной таран». Думаю, племянника Маруцзяна ожидала тюрьма. Что до денег, то они уже были расписаны на премии членам правительства за самоотверженную работу по спасению отечества. Разумеется, без опубликования... Чтобы не было кривотолков – мне тоже назначили куш. А вы не только казнили Мордасова, но и в грозной

передаче по стерео обвинили руководство в том, что в нем благоденствуют дураки, бездарности и предатели. Вы нагнали ужас на правительство, полковник Гамов, вот истинное отношение к вам.

– Отношение ясно... А действия?

– Я уже сказал о них. Отделить вас всех от вашего корпуса. Публично наградить званиями, орденами, осыпать хвалебными словами – и разослать в разные места. А ваш корпус – не отбирая наградных денег, сейчас это невозможно – разоружить и раскассировать.

– И действия ясны. Кто будет их осуществить?

– Первую фазу операции – я. В смысле отделения вас от солдат и запудривания мозгов восхвалениями...

– Вы не очень исправно выполняете свою задачу, Вудворт.

– Наоборот – с усердием! Но не ту, которую мне поставили, а ту, какую сам себе определил. Все эшелоны движутся в Забон. Все оружие сохранено и имеется в каждом эшелоне. Вместо запудривания ваших мозгов точно объяснил, что вас ожидает.

– Вудворт, чего вы хотите?

Вудворт, конечно, ждал такого вопроса. И, разумеется, десятки раз повторял в уме заготовленный на него ответ. Но вдруг так разволновался, что не сразу смог заговорить – как-то по-детски открыл рот и снова закрыл его. Но уже в следующую минуту справился с волнением.

– Гамов, возьмите верховную власть!

Все, что Вудворт говорил до последней минуты, закономерно подводило к тому, что он призовет к противодействию правительству. Но что он так открыто сформулирует программу переворота, никто ждал. Гамов хмуро посмотрел на Вудворта – бледные щеки аскета залил жар.

– Взять можно только то, что дают. Пока что никто не предлагает мне верховной власти, Вудворт!

– Послушайте меня, Гамов! – страстно воскликнул Вудворт. – Я и представить не мог, что этот чопорный, холодный человек способен кричать. – Страна катится к гибели, ее надо спасать. Латанией правят дураки и циники, их надо вышвырнуть с мостика. Это сможете сделать только вы, Гамов! Ваши передачи кричали о наших безобразиях, они звали мыслить, а не верить лживым словам. Таково было их действие, их спасительное действие! Маруцзян слишком поздно сообразил, что они несут не только успокоение – оттого, что есть хоть какие-то успехи, но и взрывной запал: почему у других командиров так не получается? С какой радостью он оборвал бы ваши дальнейшие передачи! Но народ ждал ежедневных сводок о ваших боевых операциях, умолчание о них вызвало бы всеобщее возмущение, Гамов! Власть валится из рук Маруцзяна и маршала, они сами чувствуют, что сидят на пороховой бочке и к ней уже подносят огонь. Уж если я поверил в вас, Гамов!.. Вы ведь помните наши споры. Народ с восторгом примет известие, что именно вы правите страной, головой отвечаю!

– А если вам придется ответить головой до смены правительства? Услышь кто-нибудь ваши речи...

– Нас окружают верные люди. В частности – проводники вашего вагона... Лучших телохранителей вам не подобрать, я сам их проверял.

– Телохранители? – Гамов поднял брови. – Позовите их, хочу посмотреть, что за люди.

Вудворт нажал кнопку вызова. Но вместо проводника в дверях показался Варелла, а за ним еще два наших солдата. Вудворт окаменел. Это мелочь, конечно, – смена нескольких солдат, ведь речь шла о смещении правительства! Но ошеломление, в которое на мгновение впал Вудворт, было так забавно, что мы не удержались от смеха.

– Каждый делает свое дело, Вудворт, – сказал Павел. – И я не знал, с чем вы явитесь в салон. Мы не исключали нового «варианта Мордасова». Григорий, где люди командующего эшелоном?

– В его личном вагоне. Мы их вежливенько попросили туда. Оружие у них забрали, – весело сообщил Варелла.

По знаку Павла солдаты удалились. Теперь хохотал и сам Вудворт. Он впал в восторг. Он видит в предусмотрительности капитана Прищепы готовность к действиям. Он радуется, что его самого могли «разыграть по варианту Мордасова», если бы он задумал что-нибудь преступное.

– А разве вы не задумали преступление? – иронически поинтересовался Пеано. – Меня учили, что свергать законное правительство преступно.

Вудворт мгновенно стал серьезным.

– Нет, майор. Не преступление, а благородный поступок. Спасение государства, избавление народа от жадных ртов, сосущих его. И ваше личное спасение от мести ваших высоких родственников, – он повернулся к Гамову. – Я не жду немедленного ответа, полковник. Я обрисовал вам ситуацию и торжественно заверяю, что если вы захотите спасти государство, то я с вами. Теперь я уйду в свой вагон и буду ждать вашего вызова.

– Подождите. Ответьте еще на один вопрос. Вы не разоружили и не разъединили корпус. Скрыть, что он, вооруженный, в полном составе движется в Забон, невозможно. Вы продумали оправдания?

– Конечно. Я скажу, что попытка разъединить и разоружить корпус привела к волнению. Меня предупредили, что я могу применять любые меры, лишь бы они не вызвали бунта. Вот я и объясню, что назревал мятеж. Похвалы не жду, но и кары не опасюсь.

– Идите пока к себе, – сказал Гамов.

Вудворт опять стал таким, каким мы знали его раньше, – церемонным, даже чопорным. Он поклонился сухо и вежливо, словно мы только что пристойно и приятно беседовали и он вовсе не уговаривал нас поднять восстание в государстве. Гамов задумчиво посмотрел ему вслед.

– Вот уж от кого не ожидал такого преображения! Что ответим на его рискованное предложение?

– Отвечать будете вы, Гамов, – возразил я. – А мы пока займемся своими неотложными делами. У меня появились кое-какие мысли, я бы хотел обсудить их с операторами и Павлом Прищепой.

– Мы готовы, – быстро ответил Пеано.

Гамов помолчал, раздумывая.

– Мне кажется, вы уже решили за меня. Не рано ли? Я ведь еще не сообщил ответа Вудворту.

– Вы уже продумали свое решение, Гамов. С нас достаточно ваших мыслей. Будем переводить их в практические дела.

Гамов встал.

– Тогда не буду вам мешать. У Семипалова, уверен, уже разработана диспозиция и динамика – не хуже тех, при помощи которых он так блестяще вел наши полки на прорыв из окружения.

– Постараюсь, чтобы они были не хуже, а лучше.

– И я займусь неотложным делом – посплю. – Гамов пошел к двери и остановился. Он хотел что-то сказать и не решался – редкий случай у этого человека. – Семипалов, скажите... нет, лучше потом!

– Лучше сейчас. Нас ждут трудные расчеты. Не хочу забивать голову мыслью, что у вас есть незадаанные вопросы ко мне.

– Тогда скажите – вы ревнивы? – Он поспешно добавил: – Не поймите меня превратно. У вас такая красивая жена... Хочется чисто академически узнать: как держатся мужья, имеющие таких жен?

– Да, ревнив! – отрезал я. – И даже очень. И скор на драку за Елену. Надеюсь, вы не собираетесь отбирать у меня жену?

– Можете быть спокойны! Женщины не моя стихия. Красивые – тем более.

Гамов засмеялся и вышел из салона.

Никто из нас четверых, оставшихся, не понял его странного вопроса.

Я уже говорил, что Гамов видел в своей сложной игре с судьбой на много ходов дальше любого своего противника. И очень скоро в этом убедились все – и друзья, и враги.

Но что он способен заранее рассчитывать победные ходы в ситуации, которой еще нет, которая почти неосуществима, о которой и помыслить почти невозможно – нет, о такой его способности даже самые верные его поклонники не догадывались.

А был именно такой случай! Он мысленно видел несуществующую, маловероятную ситуацию – ее надо было еще сотворить в нескором будущем – и рассчитывал для той далекой ситуации точные ходы, наповал сражающие противника.

10

Когда мы подъезжали к вокзалу, Гамов вдруг разнервничался.

– Семипалов, вы все предусмотрели?

– Абсолютно все и даже немного сверх того.

В отличие от него, я был спокоен. Он видел грядущее много лучше меня. Но в том, что меня окружало, я разбирался хорошо.

Мы ехали из Забона в Адан захватывать власть.

Конечно, причины поездки на официальном языке звучали по-иному: командование корпуса, объединившего добровольные дивизии «Стальной таран» и «Золотые крылья», вызывали в правительство для отчета о боевых действиях в тылу врага.

Гамов закрылся в купе – еще раз поправить свой доклад. Я со штабными работниками и Прищепой в последний раз прикидывал, где у нас позиции послабее и где – посильнее. Если в наших расчетах и имелись изъяны, то не такие, чтобы существенно повредить плану.

И еще до полуночи мы разошлись по своим местам.

Я спал спокойно. Думаю, что и Пеано, и Гонсалес сомнениями не терзались – бессонница им не грозила. О Павле Прищепе этого не скажу. У него ночь – лучшее время для связи со своими людьми в столице, он наверняка разговаривал с ними по своему загадочному аппарату.

Утро в Адане было нерадостным. Гамов, выйдя из вагона, хотел было пойти пешком – посмотреть на людей, послушать их голоса. Но Прищепа с Пеано запротестовали. В решающий час нельзя было пренебрегать осторожностью. Мы хорошо подготовились, но как подготовились наши противники? Людей мы увидим из машин и голоса их услышим, не выходя на тротуары.

Я хорошо помнил довоенный Адан – прекрасный город, населенный веселыми и добрыми жителями. По его широким проспектам густо двигались оживленные мужчины и женщины, в скверах бегали радостные детишки, в роскошно убранных магазинах было полно товаров и покупателей. И следа бывшего довольства не было в мрачном городе. Мне показалось, что даже и солнца теперь в Адане меньше, чем раньше, – впрочем, солнца вообще не было: небо затягивали тучи. Три четверти магазинов были закрыты и темны, у открытых змеились молчаливые очереди. Больше всего меня поразило отсутствие детского гомона, так отличавшего раньше дневную жизнь столицы. Конечно, мы знали, что многие ребята вывезены во внутренние области, но знать, что детей нет, – это одно, и совсем другое – почувствовать их отсутствие.

О нашем приезде в Адан не сообщалось, и люди в очередях равнодушно провожали глазами наши машины. Среди прохожих я увидел наших солдат в гражданских костюмах – отпускники задержались в столице перед поездкой на родину. Они не подавали вида, что узнают нас. Павел Прищепа хорошо знал свою службу.

В приемной нас встретил Вудворт.

– Правительство заседает уже два часа, Маруцзян встает рано, все к этому приспособляются. – Он понизил голос. – Капитан, все по плану?

– Оптимально, – ответил Павел.

В зал заседаний мы вошли гуськом – впереди генерал Прищепа, за ним Гамов, я, Пеано, Гонсалес, Павел и несколько наших офицеров – я их не называю: они не были посвящены в разговор.

Все члены правительства встали, когда мы вошли, Маруцзян и маршал Комлин стали пожимать наши руки, Вудворт громко называл наши фамилии и воинские звания. Когда очередь дошла до Пеано, Маруцзян посмотрел на него недобро, но сказал совсем не то, что говорили его глаза:

– Счастлив видеть тебя здоровым, племянник!

Пеано засиял самой ослепительной из своих улыбок.

– Тысяча благодарностей, дядя!

Нас посадили за отдельный стол. Всего в зале их было три – большой, вдоль торцевой стены, на возвышении вроде сцены, второй, еще длинней, от главного входа до другой торцевой стены (там тоже была дверь), и третий, напротив двери. За первым сидело правительство: Маруцян, министры и военные, за вторым – вызванные чиновники. Вел заседание сам Маруцян. Министр энергетики докладывал о производстве сгущенной воды.

Я не узнавал Маруцяна. В стране не было другого настолько же известного человека. Его красочные портреты, его фотографии, его стереоснимки висели в каждом учреждении, в квартирах, на перекрестках. Мы навеки запоминали невысокого плотного мужчину, круглолицего, толстощекого, с коротким, картошкой, носиком, с поросычкими, но пронизательными глазками. Помнили и его голос – торопливый, шепелявый, то взрывающийся гневными выплесками, то опускающийся до лстивого уговаривания. Нынешний Маруцян имел мало общего с той знаменитостью. Тот, прежний, казался лет на десять моложе своего возраста, этот выглядел на десяток лет старше себя. Заседание правительства вел осунувшийся, похудевший, посеревший старик с потухшими глазами. Только голос напоминал прежний: так же взвизгивал в патетических местах, так же шепелявил, когда его обладатель не торопился. Нелегко, очень нелегко далась война нашему сверх всяких заслуг прославленному главе правительства!

А маршал Комлин несколько не изменился: такой же усаый, пучеглазый, резкий в движениях. Сидя рядом с Маруцяном, он подавал реплики тем же громким, категорическим голосом. Он не умел ни обсуждать, ни рассуждать – каждое его слово звучало командой. И он помолодел, а не постарел! Война оживила его, уже прошедшего пик человеческого расцвета. У него распрямились плечи, встопорщились серые усы, заблестели глаза. Он впал во вторую молодость, наш славный маршал, глава вооруженных сил. Только ума у него не прибавилось – это стало ясно из первого же выкрикнутого им слова.

– Положение наше очень сложное, но мы будем напрягать все силы, – так закончил министр энергетики свой доклад о сгущенной воде.

– Да, постарайтесь, пожалуйста! – устало сказал Маруцян. – Без энерговоды не отразить нового наступления врага.

– На двадцать процентов дать больше! – крикнул маршал. – Нет, в полтора раза! В полтора раза будет в точку!

– Сделаем все что можно, – неопределенно пообещал министр.

Маруцян вызвал метеогенераторное управление. У среднего стола приподнялся наш старый знакомый Казимир Штупа. Для меня было приятной неожиданностью, что этот скромный, отлично воспитанный военный метеоролог удостоился чести докладывать правительству. Впрочем, его доклад выглядел менее приятным, чем сам Казимир. Сообщение было безрадостным. Метеорологический натиск врага все усиливается. Кортезы строят мощные метеогенераторные станции в Родере и Ламарии. Когда они заработают, Кортезия станет господствовать в атмосфере. Впрочем, уже сейчас океан безраздельно принадлежит кортезам: они куда свободней нас задают направления циклонам. Их метеостратегия проста: весной не допускать на нашу территорию влагонасыщенные тучи, летом заливать наши поля непрерывными дождями. Пока мы успешно сопротивляемся: весной обеспечили дожди на всех засеянных землях, сейчас противодействуем вторжению больших циклонов. Но полностью исключить их не можем. Уборка хлеба в этом году будет происходить при обильных ливнях.

– Короче, урожая не будет, – скорбно проговорил Маруцян.

– Будет, но меньше нормального, – осторожно уточнил Штупа.

Маршал яростно ударил кулаком по столу.

– Меньше или больше урожай, армию хлебом обеспечить! Не позволю уменьшать военные пайки!

– Успокойтесь, маршал, – сказал глава правительства. – Снабжение армии останется на прежнем уровне. Но гражданские пайки еще сократим. Прискорбно, но другого выхода не вижу.

Маршал успокоился так же быстро, как рассердился. Снабжение гражданского населения его не интересовало.

– Теперь послушаем наших героев! – Маруцзян улыбнулся нам. – Докладывать будете вы, полковник Гамов?

– Начните доклад с объяснения, почему игнорировали мои приказы и директивы правительства! – опять взорвался Комлин.

Маруцзян поморщился. Маршал нарушал обговоренный сценарий. Лидер партии максималистов шел к власти долго, извилистыми путями и хорошо приспособился к тому, что в учебниках называлось «стратегией непростых действий». Даже встав во главе государства, он недолюбливал атаки в лоб. И хотя командир корпуса, пока еще только полковник, в этом зале казался фигурой незначительной, Маруцзян не изменил своей гибкой политике. Он милостиво кивнул Гамову. Он все же нервничал: надо было слушать не чиновных лакеев, а своих врагов – он не сомневался, что мы враги.

– Начните с ваших побед, полковник. Это будет приятно и для вас, и для нас.

Павел Прищепа вытащил из портфеля что-то вроде большого блокнота. Через его плечо я увидел, что это приборчик, похожий на тот, что он давал мне. Только на том были две цифры, а здесь – около сотни. Павел ткнул в одну из них – и по внутренней стороне крышки побежали светящиеся слова. Он коснулся другой – надпись сменилась. Я шепотом спросил:

– Все идет по плану?

Павел ответил тоже шепотом:

– Вокзал в наших руках, стереостанция тоже. К казармам войск безопасности подкатили грузовики с тяжелыми резонаторами.

– Телефоны и электростанция, Павел?

– Пока нет. Но по твоей диспозиции мы захватываем их после стерео и казарм. Время еще есть.

Гамов в это время показывал, что не собирается плясать под музыку главы правительства, а намерен исполнить собственный танец.

– О наших победах говорить не буду: они известны сегодня всей стране! И к тому же они гораздо меньше, чем могли бы быть. И произошло это потому, что мы не получили поддержки от нашей армии. Нас бросили на произвол судьбы. Совершена государственная измена: хорошо оснащенную дивизию сознательно отдали на уничтожение.

– Да что вы говорите? – вскипел маршал, вскакивая. – Кто вы такой, что осмеливаетесь бросать мне в лицо чудовищные обвинения?

– Я командир корпуса, объединившего две дивизии, преданные верховным командованием, и собственной кровью, собственным мужеством проложившие себе обратную дорогу на родину.

– Самозванец вы, а не командир! Сами себя назначили! Никогда вам не бывать ни генералом, ни комкором!

Что разговор с руководством непокорного корпуса будет несладким, Маруцзян догадывался. Но что Гамов сразу начнет с обвинений, а маршал безобразно взорвется, судя по всему, не подозревал. И сразу показал, что в свое время недаром обогнал в беге к власти своих противников и столько лет прочно держал ее в руках. Он прикрикнул на Комлина:

– Прекратите, маршал! Запрещаю вам говорить без моего разрешения! – И почти вежливо обратился к Гамову: – Очень серьезные обвинения, полковник. Но есть ли у вас столь же

серьезные основания для них? На любой войне бывают успехи и неудачи. Но разве допустимо все неудачи приписывать предательству и изменам? Тогда почему ваш сосед, генерал Коркин, которого мы разжаловали, сдал свою дивизию в позорный плен, а вы в условиях еще тяжелей, чем у него, одерживали одну победу за другой?

Он, конечно, умел спорить, глава нашего правительства. И на мгновение в этом осунувшемся старике возродился прежний лидер, мастерски высмеивавший своих противников, ставивший перед ними вопросы, на которые имелись лишь желаемые ему ответы. И сейчас он верил, что легко опровергнет любые обвинения Гамова, а потом накажет полковника за то, что тот осмелился необоснованно обвинять.

Гамов не успел ему ответить – в зал вошел начальник охраны правительства, низенький полковник в очках. Морохов, так его звали, – мы часто видели его на стерео во время дворцовых банкетов. Маршал раздраженно прикрикнул на него:

– Я не вызывал тебя! Уходи, заседаем.

Но Морохов игнорировал окрик.

– Маршал, у нас авария. Вся связь отключена!

– Отключена? – удивился Маруцзян. – Почему отключена?

– Что-то случилось на центральной станции. Все каналы на город перестали работать.

– Тогда что стоишь? – Маршал, несмотря на запрет Маруцзяна, все больше свирепел. – Иди и налаживай связь! Даю полчаса на исправление – и ни минутой больше.

Морохов исчез. Гамов продолжал прерванную речь:

– Вы требуете обоснованных обвинений? Обвинения будут убедительные. Изменник и предатель Мордасов...

На этот раз не выдержал сам Маруцзян:

– Полковник, выбирайте выражения! Вы не сплетничаете о знакомых в домашнем кругу, а докладываете правительству. Мы еще расследуем ваше обращение с нашим посланцем. За многие поспешные и преступные действия придется нести суровую ответственность.

Гамовым овладел так хорошо мне знакомый приступ бешенства. Я встревожился, не сорвется ли он раньше времени. Но он сдержался – только глаза его злоежась засверкали и в голосе зазвенело железо.

– Вы совершенно правы, уважаемый председатель Совета Министров, за преступные действия надо нести суровую ответственность. И я уверен, что все виновные ее не избегут. Я долго подбирал слова, которые точнее всего характеризуют Мордасова. И остановился на самых объективных: предатель и изменник! – Гамов резко повысил голос, перекрывая поднявшийся в зале гул. – Да, предатель и изменник! Но не он один, а все те, кто его выдвигал и поддерживал. Это доказывает документ, очутившийся в наших руках. – Он поднял вынутую из кармана бумагу. Все в зале, кроме нас пятерых, сидевших отдельно, – мы знали, о чем он будет говорить, – устали на нее как замороженные. – Сейчас я оглашу его, но предупреждаю: моему чтению попытаются помешать скрытые предатели, также находящиеся в этом зале. Любую такую попытку со стороны любого человека буду расценивать как самообвинение, как признание в соучастии в измене и предательстве.

Он обводил присутствующих злыми глазами. В зале каменело глухое молчание. Даже маршал не осмелился ничего сказать.

– Продолжаю. Мордасов прилетел в расположение корпуса, чтобы отобрать у солдат тысячекратно заслуженные ими крохотные денежные награды. Для чего? Чтобы деньги усилили оборону родины, так он сказал. Ради усиления обороны родины он примирялся с тем, что перед решающими схватками боевой дух солдат сильно упадет. Он готов был пожертвовать нашим корпусом ради более высоких целей. Каковы же эти высокие цели? Вот они, в этой бумаге! Отобранные им деньги предназначались для раздачи высшим сановникам государства. Маршалу Комлину выделялось два миллиона калонов, главе правительства...

Маршал вскочил и заорал:

– Стража! Стража!

В зал проскользнул Морохов, ожидавший за дверью.

– Полицию безопасности! – ревел маршал, грозно топорща седые усы и бешено вращая глазами. – В тюрьму молодчиков, всех в тюрьму!

– С полицией безопасности нет связи, – ответил Морохов. – Связь наладить не удалось.

– Как не удалось наладить? Я же дал указание, чтоб наладили! Как же не удалось, если я дал указание, чтоб удалось?! – бушевал маршал. – Вы получили мое указание? Отвечайте!

Даже у таких дисциплинированных и верных служаек, как Морохов, временами отказывали нервы.

– Отвечаю. Получил очень ценное указание. Но ни один телефонный аппарат на него не отреагировал, маршал.

Маруцзян не отрывал колющих глаз от Гамова, спокойно стоявшего с бумагой в руке. Артур Маруцзян был слишком опытным политиком и достаточно умным человеком – он понимал, что только сумасшедшие могут просто прийти на заседание правительства и бросить руководству страны обвинение в измене. В грозном хладнокровии Гамова таилось нечто большее, чем дурной характер нескольких чересчур возмнивших о себе командиров. Уверен, что в мозгу Маруцзяна проносились тысячи тревожных картин: возмущение в армии, восстание народа... Но за окнами не слышалось ни криков толпы, ни грохота электроорудий, ни визга резонаторов. Обрыв связи с городом мог возникнуть в результате обычной аварии. Маруцзян всю свою жизнь отвечал на любой удар еще более жестоким ударом. Гамова надо было любыми средствами заставить молчать. Маруцзян приказал:

– Полковник Морохов, вызовите внутреннюю охрану. Всех свободных солдат срочно сюда – с оружием!

– Внутренняя связь дворца тоже не работает, – ответил Морохов.

Маруцзян побелел, у него перехватило дыхание. Внутренняя связь во дворце была автономна. Никакая катастрофа в городе не могла вызвать аварию во дворце. Маруцзян бросил быстрый взгляд на маршала. Маршал ничего не понимал. Он с недоумением оглядывался, пожимая узкими плечами с роскошными погонами, и горестно бормотал:

– Как же не получилось, если я дал указание, чтоб получилось?

Маруцзян распорядился:

– Полковник, пройдите сами по залам дворца и соберите всех, кто попадется. Срочно, полковник, срочно!

– Слушаюсь! – Полковник повернулся к двери.

Но еще до того, как он вышел, в зале появился вооруженный отряд. Впереди вышагивал Варелла, среди других я увидел сержанта Серова и Сербина. Отряд прошел к столу правительства, за каждым министром встал солдат с ручным резонатором, а за спинами Маруцзяна и маршала – по двое. Все совершалось в мертвом молчании зала. Маршал, сравившись с ошеломлением, вскочил и заорал на Вареллу, остановившегося за его спиной:

– Кто такие? По какому праву? Вон отсюда! Под арест! Я маршал, и я приказываю!..

Варелла правой рукой прижал к груди маршала резонатор, а левой сорвал один за другим оба пышных погона.

– Ты уже не маршал, а старый дурак! Садись и молчи! Не то одно нажатие кнопки – и будешь крутиться на полу.

Маршал хорошо знал, как действуют резонаторы. Он опустился на стул и обхватил лицо руками. Плечи его, освобожденные от эмблемы высокой власти, судорожно тряслись. Старый воин молчаливыми слезами оплакивал свое унижение. Гамов спокойно спросил:

– Маруцзян, вам ясна ситуация?

Главе правительства понадобилась почти минута, чтобы справиться со вдруг отказавшим голосом. Выдержки и собственного достоинства у него было гораздо больше, чем у маршала. Он ответил Гамову таким же спокойным голосом:

– Устроили путч! А что дальше, разрешите узнать?

– Дальше вы откажетесь от поста главы государства. И не просто откажетесь, а передадите его мне.

– Что будет потом? Отправите меня по суд, как это делают узурпаторы с побежденными противниками? Предъявите обвинения в измене и прочих грехах, которые с усердием высосете из пальцев?

– Что будет с вами, зависит от вас, Маруцян. Если без лишнего шума откажетесь от власти, обещаю суда над вами не устраивать.

Маруцян обвел глазами зал. Все безмолвно сидели на своих местах. Он обернулся на двух солдат, каменно возвышавшихся за его спиной. На его скуластом лице обрисовалась злая улыбка.

– Нет, полковник Гамов, не доставлю я вам такой радости – легкой передачи власти. Захватывайте ее насильно, а меня отдавайте под суд. На суде я скажу все, что знаю о вас сейчас и еще к тому времени узнаю. Посмотрим, удастся ли вам на открытом процессе обосновать свои идиотские измышления.

Пеано, сидевший рядом со мной, встал и пошел к столу правительства, вынимая из кармана самое страшное оружие ближнего боя – точно такой же импульсатор, как и тот, из которого Гонсалес располосовал Мордасова. Снова страшно побелев, Маруцян непроизвольно приподнялся. Пеано остановился перед Маруцяном.

– Дядюшка, вы меня знаете, и я вас знаю. Вы соображаете очень быстро, и поэтому я даю вам ровно одну минуту, чтобы принять все условия полковника. Если на исходе этой минуты мы не услышим ваше громкое «да», я развалю вас на четыре куска. И сделаю это с удовольствием, можете мне поверить.

– Негодяй, ах, какой негодяй! – прошипел Маруцян. – Ты все это подстроил, я знаю! Какой же я дурак, что отправил тебя на фронт, а не засадил в тюрьму, как надо было.

– Полминуты прошло, – зловеще предупредил Пеано и стал поднимать импульсатор. – Считаю медленно. Один, два, три...

– Да, да, да! – истерически закричал Маруцян. – На все – да! На все ваши проклятые условия – да! Опустим импульсатор, Альберт!

Пеано спрятал импульсатор и не спеша пошел на свое место.

– Теперь остается зачитать перед стереокамерой отречение от власти, – сказал Гамов.

В глазах Маруцяна засветилась надежда. Он всегда умел ловко находить неожиданные ходы в сложных ситуациях. Не подарит ли ему судьба и сейчас такую спасительную возможность?

– Мне нужно время обдумать текст отречения...

– Отречение уже написано. Вудворт, дайте бумагу.

Вудворт вышел из-за второго стола, где сидел, и вручил главе правительства текст. Ненависть искажила маловыразительное лицо Маруцяна. Впрочем, она почти сразу сменилась хорошо разыгранной скорбью.

– И вы, Джон, – сказал он горько. – Так умри же, Артур Маруцян, величайший из лидеров славной партии максималистов!

– Никто не требует вашей смерти, – заметил Гамов. – Отречение от власти еще не смерть.

– Говорю фигурально! – огрызнулся Маруцян. – Я так полагался на его верность, столько добра ему делал. А он предает меня!

– Не предаю, а перехожу к тем, кто может стать спасителем нашей страны, которую вы довели до упадка и опустошения, – чопорно ответил Вудворт.

Маруцзян зло махнул рукой и погрузился в текст.

– Сильно, сильно! – заметил он. – Но раз уж я сказал «да»... Теперь немного отдохнем и поедем на стерео.

– Стереоператоры уже здесь, – сказал Вудворт.

Если бы глазами можно было жечь, то от взгляда, какой метнул в Вудворта Маруцзян, тот вспыхнул бы, как щепка, вымоченная в бензине.

Стереоператоры вкатили в зал аппаратуру. Маруцзян встал перед камерой. Пеано негромко сказал:

– И, пожалуйста, дядюшка, никаких иронических или трагических интонаций, неадекватных тексту ухмылок и прочего, в чем вы так искусны. Не усложняйте свое дальнейшее существование, дядя!

Маруцзян не удостоил племянника ни репликой, ни взглядом.

Он и без указаний со стороны понимал, что не стоит усложнять свое существование. И внятным, спокойным голосом известил страну, что ради активизации военных действий, ради наведения порядка в тылу, ради повышения жизненного уровня населения он решил сложить со своих усталых плеч верховную власть и вручить ее более молодому, более энергичному, более удачливому вождю. Отныне главой правительства он объявляет беспартийного полковника Алексея Гамова.

Стереоператоры перевели камеру с Маруцзяна на Гамова.

Если кто-нибудь из нас и ожидал, что Гамов произнесет первую из тех ярких речей, какими он впоследствии часто покорял слушателей, то он ошибся. Гамов сухо и кратко информировал страну, что власть принял, что немедленно начнет изучать обстановку и после этого объявит состав своего правительства и программу действий.

Я приказал увести Маруцзяна и его министров. Когда мимо меня проплелся – его поддерживал под руку все тот же Варелла – пошатывающийся маршал, я услышал его горестное бормотание:

– Я же дал указание, чтобы получилось... Почему не получилось?..

Мне показалось, что маршал совсем спятил со своего не очень обширного умишка. Будущее показало, что я ошибся.

Ко мне подошел Гамов. Он вовсе не выглядел радостным. Мне казалось, что после удачного захвата власти новые правители должны демонстрировать если не ликование, то удовлетворение. Возможно, впрочем, что Гамов уже думал о трудном будущем.

– Эс швиндельт, – сказал он непонятно и пояснил: – Голова кружится! Такой скачок в неизвестное! – Он протянул мне руку. – Спасибо, Семипалов! Не знаю, что вышло бы из нашего заговора, если бы не вы.

Я принял благодарность как должное. Захват власти был разыгран по моему сценарию.

Часть вторая

Священный террор

1

Правительства еще не было, а правительственная работа шла. В захваченном нами дворце толпились вызванные. К группке, которая составила правительственное ядро, присоединялись новые люди – мы становились из головы телом, на теле удлинялись и крепили руки, руки охватывали всю страну.

– Гамов, – сказал я однажды вечером, когда в нашей комнате осталась лишь «шестерка узурпаторов», как называл нас Маруцзян, уходя под арест. – Гамов, я устал командовать людьми без ясной программы действий. Мы не карета скорой помощи, чтобы судорожно кидаться на затычку всяких щелей и провалов, а пока только это и делаем. Хочу определить саму философию нашей власти.

Гамов ответил:

– Философия появится только из анализа дел, а дела лишь разворачиваются, цели еще призрачны. Лучше обсудим программу практических действий.

– Хорошо, пусть будет программа.

Я распахнул окно.

В комнату ворвался ветер, гардины затрепыхались, закачалась люстра. Темное небо рассекла молния с сотнями отростков, почти синяя от сгущения электричества. Над столицей разыгрывалась битва стихий. Она началась неделю назад, когда стерео разнесло по всей планете известие о смене правительства, и с того дня не прекращалась. Кортезы и родеры бросили на нас миллиарды чудов воды – испытывали на стойкость новое правительство. Улицы столицы превращались в бушующие реки, подвалы затапливались. Лишь сегодня военным метеорологам удалось отбить ошалелые дожди на сотню лиг от Адана, но туч они не отогнали – над столицей гремела сухая буря.

Подошел Пеано и тоже с наслаждением вдохнул свежий воздух.

– Друзья, возвращайтесь на свои места, – сказал Гамов. – Изложу первоочередную программу. В ней семь пунктов. Первый – война.

Противник силен, а война идет плохо, сказал Гамов. Наши недостатки: много солдат в плену; не хватает вооружения и боеприпасов; в командовании мало талантов, многие генералы – ни к черту! Предлагаю такой выход. Маршал Комлин командовал неудачно, но одно сделал отлично: заполнил резервные склады оружием и боеприпасами на три года войны. Эти запасы полностью направим в армию и не только остановим наступление врага, но и погоним его обратно. Он ведь не предвидит такого отчаянного удара.

– Воистину отчаянный удар! – сказал я. – Но так ли уж отчаянно наше положение? А если израсходуем все запасы, а противник отойдет от ошеломления и снова бросится в атаку? Резервов у него больше.

– Согласен: на резервах можно выиграть одно сражение, но проиграть всю войну. Надо срочно раза в полтора увеличить военное производство.

Вероятно, из семи пунктов программы Гамова, этот – столь радикальное повышение производства – вызывал больше всего сомнений. Гамов опровергал все возражения. В промышленности большие резервы. Люди могут работать интенсивней. Вопрос: как заставить их это сделать?

– Патриотическими воззваниями, как любил мой дядюшка? Или силой? – иронически поинтересовался Пеано.

– Есть и третий способ. В резервных складах бездна товаров. И не тех, что в магазинах, а почти позабытых. Вот их мы и вытащим на свет. Но будем продавать только тем, кто перевыполняет нормы. Чем не стимул к быстрому росту продукции?

– Специальные карточки для выдающихся рабочих?

– Не карточки, а деньги, Пеано. Новые деньги – золото! Мне доложили, что запасы золота в стране – пять тысяч чудов. И оно тратилось на подачки союзникам за болтовню о солидарности с нами. Так вот, мы создаем новую золотую валюту. А на золото люди смогут покупать самые редкие товары, о которых вчера и мечтать не смели!

Вудворту финансовые проекты Гамова говорили больше, чем нам, ни разу не державшим в руках золотой монетки.

– Гаков, вы недооцениваете человеческую психологию. На золото кинутся горячее, чем на колбасу и масло, шелк и шерсть. Золото будут прятать, а не тратить на дорогие товары.

– Тем лучше! Пусть золото прячут. Ведь его получают лишь за повышение выпуска продукции. А что нам еще нужно? Плевать нам на мертвое золото в подвалах банка! Но при переходе из банка в частные квартиры оно создаст дополнительное оружие, дополнительное армейское снаряжение, дополнительные машины, шерсть, зерно, мясо! Вот что сделает мертвое золото, если на время оживет.

– В тылу родеров вы оценили каждый военный подвиг в твердую сумму, – продолжал Вудворт. – И это повысило дух солдат. Не пора ли превратить сражения из чистого акта доблести и героизма еще и в акт обогащения? Тысячи парней скрываются от призыва, идут в бандиты. Риск потерять жизнь у солдата и бандита одинаков. Но солдат при удаче только сохраняет свою, а бандит еще и обогащается. Разница!

– Согласен, – сказал Гаков. – Временный ценник подвигов превратим в постоянный. И будем оплачивать героизм золотом. Из просто неизбежной война станет экономически заманчивой для всех, кто в ней участвует.

– Иными словами, война отныне – коммерческое предприятие, – сказал я. – Нечто вроде промышленного товарищества солдат и командиров по производству подвигов. Не принимайте шутку за возражение. Возражений не имею.

– Дальше – наши союзники, – продолжил Гаков. – Надо отказаться от всех союзов. Отдавая золото собственному народу, мы усиливаемся, а бездарно тратя его на союзнические речи, становимся слабее.

– Но разозленные союзники могут превратиться в прямых врагов, – заметил Вудворт.

– Надеюсь на это! Сами воевать не пойдут, не дураки. Значит, раньше постараются заручиться помощью Кортезии. Пусть она разбрасывает свое богатство, свое оружие, своих солдат по всем странам мира – это не усилит, а ослабит ее.

Разрыв с союзниками был одобрен.

– Теперь внутреннее положение, – сказал Гаков. – Против бандитов нужны крутые меры. Однако расстрелы и тюрьмы малоэффективны. Надо не только карать преступников, но и безмерно их унижать. Многие считают бандитов чуть ли не героями. Помните, как я наказал мятежного Семена Сербина? Эффект был тысячекратно сильнее, чем если бы его расстреляли. На оружие разбушевавшаяся толпа могла ринуться грудью – но от выгребной ямы все отшатнулись. Предлагаю подвергать преступников публичному унижению. Кара будет куда эффективнее простого расстрела!

Мы молчали. Ни один не говорил ни «да», ни «нет». Такая борьба с преступностью сама выглядела преступлением.

– Принимается, – наконец сказал я. – Что дальше?

– Дальше – правительство. Состав я предложу немного позже. Сейчас поговорим о государственном аппарате. Он развращен. Воровство, взятки, семейственность стали обычным делом. Радикально было бы заменить всех руководителей новыми людьми. Но где их взять? И будут ли они лучше? Нынешние начальники развратились – но приобрели опыт управления. Без такого опыта государство не способно нормально функционировать. Предлагаю, чтобы каждый руководитель, остающийся на старом посту, тем более – идущий на повышение, заполнял секретный «Покаянный лист» с подзаголовком «Повинную голову меч не сечет». В «Покаянном листе» он расскажет о совершенных им раньше нарушениях закона и обязуется больше их не допускать. От наказания за проступки, в которых он признается, его заранее освобождают. Зато за скрытое он понесет полную кару. Вина, в которой покаялись, останется тайной для всех, грехи, которые попытаются скрыть, будут обнародованы.

– Всё? – спросил я. – Тогда вопрос. Как называть вас, Гамов? Вы сконцентрируете в своих руках необъятную власть. Для ее носителя нужно особое титулование. Что вам больше нравится, Гамов? Король? Император? Президент? Генеральный секретарь? Председатель? Или, не дай бог, султан? Халиф? Богдыхан?

– Диктатор. Титул соответствует власти, которую беру на себя.

2

В столице установился отличный день. «Отличный» по нынешнему времени означало только то, что не лил дождь, а тучи были не настолько густы, чтобы сквозь них не просвечивало солнце. Я вышел из дому с Еленой (мы заперли нашу старую квартиру в Забоне и временно поселились в аданской гостинице). Ей нужно было в госпиталь – там должны были испытывать новое лекарство ее фабрики. Я направлялся в правительственный дворец.

– Пойдем пешком, – предложила она, и мы пошли пешком.

По случаю временного прекращения потопа на улице появились люди – сбивались в кучки, обсуждали перемены. Стерео еще не разнесло по стране мои изображения, я мог не опасаться, что меня узнают. Мы с Еленой присоединились к одной группке.

– Полковник Гамов – военный! – кричал один пожилой мужчина. – Что он понимает в гражданском управлении? Что, я вас спрашиваю? Взял власть, а зачем? Ни он, ни его вояки ни слова об этом пока не проронили!

– Обдумывают, что сказать, – возражал другой. – Надо же разобраться, что есть, на что надеяться...

– Устроили переворот, заранее не зная, зачем свергают правительство? Это же несерьезно! Бедный Маруцян, как у него дрожали губы, когда отказывался от должности...

– Подбросили бы продовольствия ради переворота, – мечтал третий. – Отметить начало правления хоть выдачей по норме – это шаг!

– А мне Гамов нравится. Племянник воевал в его дивизии, говорит: полковник хороший, его солдаты любят. А награда! И честь завоевал, и карманы полны... Родных повеселил, себе душу отвел.

– Выгода! Деньги принес! А для чего? В магазинах без карточек калоны ни к чему, а на рынок и наград не хватит. Зря хвастается твой племянничек. Узнают, что разбогател, налетят вечером гаврики – и плакали все награды!

Мы отошли от этой группки, присоединились к другой. Везде сетовали на тяжелую жизнь. Никто перевороту не радовался, никто ни на что особо не надеялся.

– Твой Гамов знает о настроении народа? – спросила Елена.

– Если и знает, то недостаточно.

– Он мечтатель! Ваш новый кумир немного не от мира сего.

Гамов не был моим кумиром. И вряд ли Елена могла с первого знакомства понять такого сложного человека. Мы заседали опять «шестеркой узурпаторов». Я рассказал, что слышал. Гамов спросил:

– Итак, вы настаиваете?

Да, настаиваем, – ответил я за всех. – Зачем скрывать разработанную программу? Или вы боитесь себя, Гамов?

– Боюсь значимости каждого своего слова, Семипалов. Слово, объявленное народу, становится делом. Сегодня вечером выступаю с правительственной речью.

Я забыл сказать, что теперь мы называли друг друга только по фамилии и на «вы». Этого потребовал Гамов. Никакой приятельщины: мы теперь не просто друзья, а «одномышленники истории» – такой формулировкой он описал нашу государственную роль. Я выговорил для себя право называть Павла Павлом, чтобы не путать его с отцом. И пообещал научиться обращаться к нему на «вы» – с остальными «ты» и раньше не было.

В день обращения Гамова к народу улицы были пусты, хотя обошлось без бури и дождя: люди собрались у стереовизоров. Мне показалось, что и враги прекратили метеоатаки, чтобы услышать нового правителя Латании.

И он произнес двухчасовую речь – первую из тех, какими с такой силой покорял людей. Чем он брал? Логикой? Откровенностью? Только ему свойственной искренностью? И это было, но было и еще одно – и, может быть, самое важное. Он говорил так, словно беседовал с каждым в отдельности, – интимный разговор, миллионы разговоров наедине, совершавшихся одновременно. Нет, и это не самое главное! Беседы наедине тоже бывают разные – и доверительные, и угрожающие, и умоляющие, и просто информативные. Он говорил проникновенно, вот точное слово. И совершилось таинство слияния миллионов душ в одну, которое враги называли «дьявольской магией диктатора».

Мы с Еленой слушали его дома. Я знал, о чем он будет говорить, готовился иронически оценить рискованные предложения, прокомментировать трудные пункты. Я знал заранее всё, только одного не знал: как он будет говорить. И не прошло и десятка минут, как я позабыл свои комментарии и, как все его слушатели, как миллионы его слушателей, только слушал, слушал, слушал...

Он начал с того, что армия терпит поражение из-за нехватки военного снаряжения. Метеогенераторные станции не способны эффективно отразить атмосферную агрессию врага: не хватает сгущенной воды, и промышленность выпускает все меньше этого важнейшего энергетического материала. Если не остановим метеонаступление врага, наши поля будут залиты – стране грозит продовольственная катастрофа. Почему же так плохо в промышленности? Неужели рабочие не понимают, что от них зависят и удачи на фронте, и урожай на полях? Неужели им неведомо, что каждый процент продукции, недоданный на заводах, равнозначен гибели сотен наших солдат, равносителен гниению на корню так отчаянно нужного нам хлеба? Неужели им не жалко своих сыновей, погибающих от того, что отцы недоукомплектовали какой-то агрегат, недокрутили какую-то гайку? Неужели не терзает их плач детей, протягивающих дома ручонки: «Мама, хлеба! Папочка, хочу есть!» И они не могут не знать, рабочие наших заводов, что бессмысленно проклинать продавцов за нехватку товаров, ибо нельзя доставить в магазины то, что не вырабатывают в поле и на заводе. Падение производства – не просто плохая организация труда, нет, это наше преступление перед самими собой, предательство наших парней, отчаянно сражающихся на фронтах, безжалостная измена нашим детям, плачущим дома от голода. И не ищите слов помягче, слов, оправдывающих наше недостойное поведение, ибо все слова будут лживы, кроме самых страшных: измена отчизне, измена себе, измена своим близким, взрослым и маленьким!

Гамов сделал минутный перерыв, выпил воды – страстный голос умолк. Я посмотрел на Елену. Она побледнела, нагнулась к экрану.

– Андрей, что же это? Нельзя же обвинять весь народ в преступлении! Какие ужасные слова!

Гамов снова заговорил.

– Итак, не ищите виновных на стороне. Виноваты мы сами. Все! Конечно, руководство страны и командование армии виновны гораздо больше, чем токарь на заводе, тракторист в поле, оператор метеогенератора у пульта. Поэтому мы сменили бесталанное правительство. Но одна лишь смена власти исцеления не принесет. Нужно измениться всем. Давайте думать, почему сложилась такая нерадостная обстановка. Но предупреждаю: понять – не значит оправдать. Многие считают: если найти причины зла, от одного того, что его происхождение станет понятным, оно, это зло, окажется уже не таким злым. Нет, тысячу раз нет! Понять причины зла нужно для того, чтобы уничтожить их, а не для того, чтобы примириться со злом. Так вот, первая причина – апатия, потеря бодрости и веры. Зачем выпалывать сорняки, разбрасывать удобрения, если завтра бешеные ливни вымоют все удобрения, вобьют колосья в грязь? К чему перевыполнять нормы, если через день нормировщик снизит расценки? И если выбить десяток-другой калонов сверх обычного, что делать с ними? В магазинах сверх карточки ничего не купишь. Зачем тогда нужны дополнительные деньги? А ведь за никчемные эти бумажки

нужно проливать пот, трепать и без того истрепанные мышцы! Это в поле и на заводе. А дома холодно и скучно, на улице вечером и не показывайся – бандитё выглядит: не идешь ли? Есть ли, чем поживиться? А на фронте? Одна дивизия отступает, другая гибнет. Руки опускаются, ничего делать не хочется!

– Мы ищем меры общего оздоровления, – продолжал Гамов. – Одни аварийные, другие – на длительный срок. Правительство Маруцзяна готовилось к затяжной войне: набивало резервные склады товарами. Вы их скоро увидите: на фронте и в магазинах. Оружие и боеприпасов позволят не только сдерживать врага, но и отвоевать потерянные провинции. А товары в магазинах хоть на время ликвидируют дефицит. И урожай этого года спасем: метеорологи, если получат резервные запасы энерговод, гарантируют ясное небо до поздней осени.

Вы заметили, что я говорю об улучшениях на фронте и в тылу: на время, пока, до осени. Ибо щедрое использование резервов имеет один недостаток: наступит облегчение, а что после? Снова нехватка оружия, нехватка продовольствия и одежды, угроза гибели следующего урожая? Но ведь тогда резервные склады будут пусты, аварийная помощь уже не обеспечена запасами. Единственный выход: умножить производство! Мы решаем это так. В армию направляем сразу все резервное оружие, а труженики тыла получают товары из госрезерва лишь за ту продукцию, что произведут сверх установленных норм. Товары эти будут продаваться в специальных магазинах и на новые деньги – старые останутся для магазинов прежних. Мы вводим в Латании новую денежную единицу – лат: золотые монеты в пять, десять и двадцать латанов, банкноты, обмениваемые на золото. Лат содержит в себе один кор золота – по стоимости. Кто захочет высококачественных товаров в новых магазинах, тот должен постараться. Нароботаешь – получишь. И не иначе!

Два вопроса. Первый: хватит ли золота и товаров из госрезерва, если выпуск продукции слишком возрастет? Никаких «слишком»! Чем больше, тем лучше! И товаров, и золота хватит. И второй: не начнут ли снижать закупочные цены на сверхнормативную продукцию или увеличивать нормативы? Так было до сих пор, так больше не будет. Существующие ныне нормы выпуска замораживаются до конца войны. Продукция в их границах оплачивается в калонах. Все, произведенное сверх, – в латах, золотом и банкнотами.

Гамов снова сделал передышку, Думаю, миллионы слушателей в этот момент тоже перевели дух. Он говорил напряженно, но и слушали его с таким же напряжением. Он должен был остановиться, ибо переходил к самому неклассическому в своей неклассической концепции войны.

– В армии станет легче, когда туда придут запасы из резерва. Но существует великая несправедливость в положении солдата на фронте и труженика в тылу. И она теперь не ослабевает, а усиливается. Молодой воин ежеминутно рискует своей жизнью. Его, нежившего, не узнавшего ни любви, ни семьи, гонят на вероятную смерть или на еще более вероятные ранение и уродство. Вам, слушающим меня сейчас в тылу, вам трудно, а им в сто раз трудней. И завтра за дополнительное напряжение, за лишнюю работу вы получите золото, приобретете редкостные товары, а они? Да, им станет легче сражаться, но и боев станет больше, а злая старуха смерть не скроется, она еще грозней замахнется косой в усилившемся громе электроорудий, в дьявольском шипении резонаторов, в свисте синих молний импульсаторов. Отцы и матери, это ведь дети ваши! Женщины, это ведь ваши мужья и возлюбленные! Чем же мы искупим свою великую вину перед нашими парнями? Так неравны их судьба и наша, а мы теперь еще усилим это трагическое неравенство!

Он перевел дыхание. Я физически ощущал, как в миллионах квартир перед стереовизорами каменела исступленная горячая тишина. Губы Елены дрожали, в глазах стояли слезы. Гамов снова заговорил:

– Вы знаете, что дивизия, в которой я воевал, захватила две машины с деньгами. Мы раздали захваченные калоны нашим солдатам. Не распределили среди безликой массы, а строго

оценили каждый подвиг, выдали денежную награду по нему, а не по званию. До сих пор так не воевали: ордена государству стоят дешевле денег, солдат отмечали лишь честью. Мы будем воевать по-другому. Для нас нет ничего дороже наших родных парней-храбрецов. Так почему отказывать им в богатстве, накопленном всем народом? Способ, примененный в дивизиях «Стальной таран» и «Золотые крылья», мы отныне распространяем на всю армию. Размеры наград за каждый выдающийся успех разрабатываются – о результатах вам сообщит комиссия военных и финансистов.

Настал еще один эмоциональный пик – Гамов заговорил о преступности в стране. Ненависть и негодование пропитывали каждое его слово. Я опасался, что он на экране стереовизора впадет в приступ ярости. Но он не допустил себя до бешенства. Только изменившийся голос показывал, что жестокие слова отвечали внутренней буре.

– Вдумайтесь в аморальность нашего быта! Вдумайтесь в чудовищность ситуации! – страстно настаивал он. – Враг на фронте идет на нас по приказу, а не по собственному желанию, а мы убиваем его, превращаем в калеку, хотя в сущности он вовсе не враг нам, а такой же человек, как и мы, только попавший в беду подчинения. Но ведь тот, кто на наших улицах нападает на женщин, на стариков, на детей, тот враг не по приказу свыше, а по собственному желанию – а значит, десятикратно худший! И на фронте люди идут с оружием против оружия, не только стреляют в чужую грудь, но и свою подставляют под выстрел – схватка отвратительна, но честна. А в тылу? Вооруженный нападает на безоружного, стоя – на одиночку, взрослый мужчина – на незащитного старика, на беспомощную женщину. Бандит – враг, как и тот, на фронте, но бесконечно гнусней. И карать его надо в меру его гнусности – гораздо, гораздо строже военного врага! Это же чудовищная несправедливость: бандит с нами поступает тысячекратно подлей противника, а мы с ним – тысячекратно милостивей, чем с тем. На фронте нападающего убивают. В тылу нападающего сажают в тюрьму, одевают, кормят, лечат, дают волю спать, развлекают стереопередачами! А он еще возмущается, что плохая еда, еще грозит: выйду на волю – покажу! И показывает, чуть переступает порог тюрьмы, – снова за нож, снова охота на незащитных людей. Безмерная аморальность, к тому же двойная – и с их стороны, ибо они подрывают изнутри нашу безопасность во время тяжелейшей войны, и с нашей, ибо платим за их предательство заботой о них! А когда война кончится, выпустим на волю – и они нагло посмеются над нами: ваши парни погибли, возвращались калеками, а мы нате вам – здоровые. Насколько же мы умней тех, кто безропотно шел на фронт, от которого мы бежали!

– Не будут они торжествовать! – с гневом говорил Гамов. – Мы взяли власть также и для того, чтобы раздавить внутреннего врага. Объявляю Священный Террор против всех убийц и грабителей. Мы сделаем подлость самой невыгодной операцией, самым самоубийственным актом, самым унижительным для подлеца поступком! Бывали власти твердые, суровые, жестокие, даже беспощадные. Нам этого мало. Мы будем властью свирепой. В тюрьмах сегодня тысячи многократных убийц. Я приказал их всех расстрелять с опубликованием фамилий и вины. Единственная поправка – разрешаю казнить без унижения. А других заключенных вывезти на тяжелейшие северные работы или в штрафные батальоны. Тюрем больше не будет – тюрьмы слишком большая роскошь во время войны. Жестоко, скажете вы? Да, жестоко! Но необходимо и полезно. беру на себя всю ответственность. После войны поставьте мне в вину и казнь преступников – не отрекусь от этого моего решения.

Но ликвидации тюрем мало, друзья мои. Около двухсот тысяч человек на воле, молодые, здоровые люди, сбились в бандитские шайки и терроризируют страну. Объявляю Священный Террор против их злодейского террора! Наказания и унижения, о каких вы еще не слышали, продолжающим войну против общества. Слушайте меня, честные мои соотечественники, слушайте меня, убийцы и грабители, таящиеся в лесах и подвалах! Всем, кто добровольной явкой не выпросит прощения, – унижение и гибель! Главарей шайк живых утопят в дерьме – стерео покажет, как они в нем барахтаются, как глотают его, прежде чем утонуть. И это не все. Роди-

тели преступников – за то, что воспитали негодяев – примут на себя часть вины. Отцы и матери отвечают за своих сыновей – таков наш новый военный закон. Их выведут на казнь детей, потом самих сошлют на тяжелые работы до окончания войны, а имущество конфискуют. И если будет доказано, что кто-либо попользовался хоть одним калоном из награбленного бандитами, у него тоже будет конфисковано имущество, а сам он сослан на принудительные работы. И еще одно. Некоторые полицейские за взятки тайно покрывают преступников. За старую вину мы не преследуем, если в ней покаяться. Но если поблажки бандитам продолжатся, объявляю: виновного полицейского повесят у дверей его участка, имущество конфискуют, а семью вышлют. Объявляю всем, кто тайно способствует преступлениям: трепещите, иду на вас!

Самое страшное было объявлено, Гамов мог бы не волноваться, а он побледнел, голос стал глухим. И я вдруг ощутил то, чего не чувствовал в личном общении, – как нелегко, как изнуряюще нелегко даются ему решения! Он спорил с нами, видел наши лица, все снова повторял аргументы, если замечал, что мы не убеждены, что не все наши сомнения развеяны – мастерски подбирал для каждого особые доказательства. А сейчас он обращался к миллионолицему существу, не видел его, не слышал ответного голоса этого загадочного создания – народа. Он мог и приказать: власть давала ему такую возможность. Но он раньше всех нас понял, что приказывать народу будет не победой, а крахом. Только одна возможность была для власти, – той, какой он хотел, – убедить всех, покорить все умы, завоевать все души.

И он всем в себе пошел на выполнение этой задачи.

– Знаю, знаю, какие страшные кары противопоставляю преступлениям. И вижу, не видя вас, с каким ужасом слушаете меня. Но поставьте себя на мое место, придумайте за меня, как эффективно истребить зло.

Об одном из императоров прошлого говорили, что он варварскими методами истреблял варварство. Топить в дерьме, высылать близких, конфисковывать имущество – да, это варварство, это тоже преступление, всякая иная оценка – ложь. Но убийство на войне – преступление в тысячу раз большее, ибо твой противник не сделал лично тебе вреда, а ты его убиваешь. Почему же они, эти преступления, совершаются? Потому что они выгодны и эффективны. Государству выгодно победить соседа-недруга, а самый действенный способ победы – преступление, называемое войной. Грабителю выгодно пользоваться чужим добром, и самый результативный способ сделать это – напасть, ограбить, убить. Но все применяемые до сих пор методы борьбы с преступлениями неэффективны – и войны вспыхивают все снова, а бандит, отсидев срок, снова идет на преступление, а если не сам, то его подросшая смена. А я применю кары, столь несоразмерные вине, чтобы преступление стало чудовищно невыгодным. Подлость должна стать самой убыточной в мире операцией – таков мой план. И грош мне цена, если меня постигнет неудача!

– Вдумайтесь в одно обстоятельство. – Страсть с голоса Гамова утихла, теперь он говорил гораздо спокойнее. – В том, что мы воздадим за преступление такой несоразмерной карой, таится своеобразная оценка его характера. Да, уважение и высокая оценка, я не оговорился. Смертью бандита не испугать, она постоянно рядом. И что ему тюрьма? Кому тюрьма, кому дом родной – сколько раз я слышал такое бахвальство. Но вот глотать дерьмо, да еще перед камерами стерео, да на глазах своих близких, да под их вопли – нет, это несравнимо с неизбежной для каждого смертью! И если знать, что твоих вопящих родных сразу после твоей унизительной казни отправят на долгие страдания, лишив всего приумноженного твоими подлостями имущества, – будет ли и тогда преступление казаться выгодным? Девочки мои милые и беззащитные, женщины мои дорогие, измученные работой и недоеданием, клянусь вам: эту зиму вы будете спать спокойно, спокойно будете вечером ходить по улицам! И если этого я не сделаю, значит, и сам я, и мои помощники не больше чем дерьмо, ибо, насильно захватив непомерную власть, не сумели ею разумно и эффективно распорядиться!

Это была кульминация речи Гамова. При обращении к женщинам в его голосе вновь зазвенела страсть, – Гамов убеждал не аргументами, а тоном. Оглядываясь назад, я вижу, что тому феномену, который называли «дьявольской магией Гамова», положила начало эта первая речь к народу: женщин он завоевал сразу, хотя грозил жестокими наказаниями, а в женских сердцах обычно легче возбуждать сострадание, а не ненависть.

После этого, уже спокойней – не трибун, а верховный администратор, – он рассказал, как будет организовано правительство. Ядро составят его друзья, участники переворота и те, кому он абсолютно доверяет. Пока их будет десять человек – невыборных и несменяемых. Что до обычных министров, которые появятся впоследствии, то они образуют второй правительственный слой – выборный, сменяемый и подконтрольный.

Затем он объявил состав Ядра.

1. Алексей Гамов – диктатор.
2. Андрей Семипалов – заместитель диктатора, военный министр.
3. Готлиб Бар – министр организации.
4. Джон Вудворт – министр внешних сношений.
5. Альберт Пеано – главнокомандующий.
6. Казимир Штупа – министр погоды.
7. Павел Прищепа – министр государственной охраны.
8. Аркадий Гонсалес – министр Террора.
9. Николай Пустовойт – министр Милосердия.
10. Омар Исиро – министр информации.

Стереозэкраны погасли.

– Поздравляю тебя с назначением в заместители диктатора, – сказала Елена много равнодушной, чем мне бы хотелось.

Я не скрыл, что уязвлен.

– Тебе не нравится, что я заместитель диктатора? А разве есть в правительстве пост выше этого? После Гамова, разумеется.

Она не хотела обижать меня. Но была в ней черта, отличавшая ее от других женщин: неспособность к неправде. Я часто жалел, что природа не подарила ей хотя бы немного скрытности.

– Вот именно, Андрей: после диктатора. Не сердись, но я тебя так давно знаю... Ты будешь только при нем, а не сам по себе. Это правительство... Всегда ли сумеешь быть верным помощником Гамова?

– Надеюсь, что всегда. Выше помощников мы не годимся. Он каждого из нас превосходит.

Стереозэкранный снова засветился. Диктор извещал, что метеопередышка окончилась. С запада запущен транспорт боевых туч. Наши станции форсируют метеотпор. Ожидаются большой ветер и обильные ливни. Жителям рекомендуется без крайней необходимости наружу не выходить. При затоплении нижних этажей вызывать военизированную метеопомощь.

Я распахнул окно. Звезды светили мирно, и малейший ветерок не шевелил ветки деревьев. В городе стояла та затаенная, нервная тишина, какую даже военные метеорологи называют зловещей. На западе вдруг вспыхнули полосы огня. Одна зарница догоняла другую. Оттуда наваливался дикий циклон.

– Закрой окно, я боюсь, – попросила Елена.

Она подошла ко мне, я обнял ее. Я тоже боялся. Но не циклона, а будущего. Будущее было непредсказуемым.

3

Циклон бушевал больше недели. Переулки превратились в горные ручьи, а проспекты – в реки. Но военные метеорологи остановили ошалелый ураган на подходе к степям, где зрел урожай. С десятков куболиг воды залил наши западные земли, целые области на время превратились в болота. Зато противник прекратил наступление: потоп мешал его армиям еще больше, чем нашей обороне. Неистовство их метеонатиска была выгодно нам и еще по одной причине: Павел Прищепа сообщил, что больше двух третей стущенной воды, накопленной их промышленностью, уже израсходованы в метеовойне. До зимы нового наступления можно было не опасаться.

Конец потопа ознаменовался дискуссией на тему: а что будет завтра? Гамов созвал совещание Ядра для решения всего нерешенного.

Я вышел из своей канцелярии, чтобы поразмять ноги, и встретился с Готлибом Баром, в недавнем прошлом знатоком литературы и философствующим ерником, а ныне министром организации.

– Приветствую и поздравляю от имени и по поручению, – выпрленно обратился ко мне Готлиб.

Мне захотелось подшутить над ним.

– По обыкновению – врите. Приветствуете – ладно. А поздравлять не с чем и не от кого. Разве что от своего имени – то есть с «ничем» и от «никого», ибо кто вы?

Он не разрешал себе попусту обижаться. Он взял меня под руку. В городе было мрачно и холодно, как осенью. Ободранные бурей деревья уныло покачивали голыми ветвями. Готлиб восторженно сообщил:

– Открыли новый универсам. Товаров – ужас! Хитрюга Маруцзян таил на своих складах невероятные богатства. Идем смотреть, как реализуются запасы. Пока только для рабочих оборонных заводов за сверхплановую продукцию. К сожалению, нам с вами эти богатства недоступны. – Он вздохнул: членам правительства новая валюта не выдавалась.

– Скоро выпустите золото и латы?

– Уже отливаем монеты, печатаем банкноты.

На Готлиба Бара замыкалась промышленность, торговля и финансы. «Ведаю двадцатью четырьмя министерствами», – хвастался он. К удивлению – и не только моему – этот любитель искусства быстро освоил новые функции.

Универсам состоял из двух отделов. В первом, темноватом зальчике, отоваривались карточки. Здесь было мало товаров: хлеб, крупа, дешевые консервы, – и много покупателей, сбившихся в извилистую очередь. Во втором отделе – двух хорошо освещенных залах – на полках теснилась давно забытая снедь: копченые колбасы, сыры, масло, икра, балыки, мед, мороженое мясо, мука и сахар, птица и фрукты – и тысячи, тысячи банок консервов. У любого разумного человека невольно возникала мысль: а какого черта запасались деликатесами? Сало, мясо и сухари в армии куда нужней, чем икра и балыки!

Посетителей в валютных залах было еще больше, чем в пайковом. Но ни к одному прилавку не выстраивались очереди. Я спросил пожилого рабочего, зачем он сюда пришел – покушать или смотреть? Он показал справку, что наработал сверх нормы на сорок лат – бумажка, достаточная для закупки полной сумки продовольствия.

– Подожду до выдачи золота, – сказал он. – Еда – что? Прожевал – и кончено! А золото пригодится и после войны. Кое-что истрачу. Жену порадую. Да и внук – орел! Без подарка не приду.

Другой посетитель огрызнулся:

– Купил, купил! Чего спрашиваешь? Жрать хочется, а не бумажки мусолить! Все истратил, а еще наработаю – снова истрачу!

Он сердито глядел на купленные пакетики с продовольствием – похоже, втайне страдал, что пришлось расставаться с драгоценной справкой о перевыполнении нормы, не дождавшись момента, когда можно будет превратить ее в золото. Все совершалось так, как предсказывал Гамов.

– Палка о двух концах, Готлиб, – сказал я. – Один конец – пряник, а другой – кнут. Вы мне показали все роскошества пряника, теперь я...

– Продемонстрируете кнут?

Мы свернули с проспекта в переулочек. Я подвел Бара к трехэтажному дому. На вбитом в стену металлическом кронштейне висел мужчина лет сорока пяти, в парадном мундире подполковника, увешанном орденами. Бескровное усатое лицо, даже опухшее от удушья, хранило печать недавней красоты. Это был Жан Карманюк, начальник районной полиции, многократно награжденный прошлым правительством за усердие, примерный семьянин и общественник, отец трех мальчиков. На дощечке, болтавшейся на правой ноге повешенного, кратко перечислялись его преступления: брал взятки с грабителей, в покаянном листе признался лишь в незначительных проступках, а после повторного утверждения в должности за крупную мзду инсценировал побег двух бандитов. Родители и жена Карманюка высланы на север, имущество конфисковано, дети отданы военной школе.

– Не кнут, а дубина! – сказал Бар. – Кто определил наказание? Суд?

– У нас Священный Террор! Приговор выносят чиновники Гонсалеса. Кстати, в этом случае он сам его подписал – все-таки первая виселица для важного полицейского. Повесили со всеми орденами – чтобы показать, что прежние награды не оправдывают новой вины.

– Без суда? Без апелляции? Без протеста?

– Почему без протеста? Министр Милосердия, наш общий друг Николай Пустовойт, протестовал. Указывал на награды подполковника, на его невинных детей – им теперь ох как несладко... Но высшая инстанция утвердила приговор.

– Кто эта высшая инстанция? Что-то я о такой не слышал.

– Высшая инстанция – я, Готлиб.

Бар долго смотрел на меня.

– Вы очень переменились, Андрей, – сказал он.

– Все мы меняемся, – ответил я.

Он молчал всю дорогу, оставшуюся до дворца.

Я тоже молчал, но про себя усмехался. Не радостно, а печально. Готлиб Бар, увлеченный организацией промышленности и торговли, выпуском новых денег, еще не полностью почувствовал, какая ответственность свалилась на его плечи. Она еще не придавила его. А мои плечи уже сгибались. Я мог бы сказать Бару, что трижды брал ручку и трижды бросал ее на стол, не подписывая казни отца троих детей. И мог бы объяснить, что один из бежавших бандитов – брат его жены и что сам Карманюк его поймал, но потом поддался на просьбы своей женщины. И еще мог бы добавить, что от одного все же подполковника избавил – от утопления в нечистотах, именно такой казни требовал Гонсалес. И не сказал этого потому, что знал: возникнет еще один такой случай – и мои руки уже не задрожат. Страну до зимы нужно очистить от зверья, так пообещал диктатор – и вручил нам в руки кнут. А если уж бить, так бить! Все же я был заместителем Гамова.

Артур Маруцян заседал обычно в роскошном зале, вмещавшем больше сотни людей. К нему примыкал полуциркульный кабинет человек на двадцать – Гамов выбрал это помещение для заседаний Ядра. Только в дни, когда вызывались все министры и эксперты, мы переходили в большой зал. Полуциркульный кабинет, вскоре ставший всемирно знаменитым, представ-

лял собой удлиненное помещение, завершавшееся полуокружностью с убогими пилястрами по стенам.

В кабинете сидели двое – Николай Пустовойт и Пимен Георгиу, тощий человечек с басом не по росту и носиком напоминавшим крысиный хвостик (он при разговоре пошевеливался). Вообще в его облике было что-то крысиное. Мне он не нравился: недавно активный максималист из приближенных к Маруцзяну, он первый переметнулся к нам. Пимена Георгиу планировали в редакторы новой правительственной газеты «Вестник Трора и Милосердия».

– Диктатор заперся с оптиматом Константином Фагустой, – сообщил Пустовойт, для важности понизив голос. – Секретнейшая беседа!

Добряк Николай Пустовойт раньше всех нас вошел в свою роль. Недавний бухгалтер, оперировавший цифрами, сейчас он действовал преимущественно в мире эмоций, но при нужде умело подкреплял бурю огненных чувств ледяными арифметическими расчетами. На первом заседании Ядра Гонсалес потребовал выселения из городов в лагеря всех когда-либо сидевших в тюрьмах. Пустовойт возмутился, уродливое лицо стало страшным, тонкий голос дошел до визга. Он взметнулся мощным нескладным телом над изящным красавцем Гонсалесом, но того не смутили негодующие призывы к милосердию. Тогда Пустовойт сделал в блокноте быстрые подсчеты и объявил, что прилив рабочей силы в лагеря, конечно, облегчит производимые там грубые работы. Но для их охраны придется либо снять с фронта около десяти дивизий, либо закрыть два десятка заводов, либо прекратить эффективную борьбу с внутренним бандитизмом. Гонсалес был сражен наповал.

Гамов вскоре закончил свою беседу с лидером оптиматов. Я забыл сказать, что к полуциркульному залу примыкали еще несколько комнат: личные помещения диктатора. Там Гамов жил и принимал избранных для особых бесед. Одна из комнат прослыла «исповедальней» – по характеру совершавшихся там разговоров.

Из «исповедальни» вышел взъерошенный Константин Фагуста, а за ним Гамов. О Фагусте должен поговорить подробнее, в финале блистательной карьеры Гамова этот человек определял, жить ли диктатору или умереть. Я знаю, что начинаю рассказы о тех, кто окружал Гамова, с описания их внешности, однако и сейчас должен прибегнуть к этому трафарету. Удивительно, но все эти люди, кроме самого Гамова да, пожалуй, меня, резко выделялись незаурядным обликом, а Фагуста – всех больше. Он был массивен, как Пустовойт, ангелоликостью вряд ли уступал Гонсалесу, а на его умеренных габаритах голове красовалось аистинное гнездо (из волос, разумеется, а не из прутьев). Эти волосы не лежали, а возвышались, и не просто возвышались, а шевелились, вздыбливаясь и опадая. Казалось, они живут своей самостоятельной жизнью. К тому же они были неправдоподобно черными. Вообще все в Константине Фагусте было черным: и глаза, и темной кожи лицо, и даже костюмы – он ходил в вечном трауре, более приличествовавшем пророку гибели Аркадию Гонсалесу, чем лидеру оптиматов. Гонсалес, между прочим, носил и светло-салатовую рубашку, и зеленые или синеватые костюмы – вопиющее противоречие с его новой должностью!

Как-то после спора, во время которого аистинное гнездо на голове Фагусты особенно вздыбилось, я поинтересовался, не носит ли он в кармане батареек, производящих в нужный момент электростатическое распушивание волос. Он ответил, что электробатарейки у него есть, но они вмонтированы в сердце и заряжены потенциалом возмущения при виде наших глупостей. Пришлось примириться с таким не совсем научным ответом.

Фагуста пошел к свободному стулу, но увидел, что рядом сидит Пимен Георгиу, и повернул в противоположную сторону. Оба эти человека, оптимат Фагуста и максималист Георгиу, люто враждовали. Готлиб Бар острил: «Они друг другу – враги. И ненависть их сильнее, чем любовь, они живут этой ненавистью. И если один умрет, то и второй зачахнет, ибо исчезнет ненависть, двигатель их жизни».

– Информировать о нашей договоренности с господином Фагустой, – заговорил Гамов. – Он пожелал издавать газету «Трибуна», в свое время запрещенную Маруцзяном. И пообещал, что если я разрешу его газету, то быстро раскаяюсь, ибо она не покусится на жестокую критику нового правительства. Я ответил, что любая критика ошибок полезна, и поинтересовался, а будет ли «Трибуна» одновременно с критикой ошибок хвалить наши успехи. Он ответил, что для прославления успехов хватит «Вестника Террора и Милосердия», возглавляемого его заклятым другом – именно такое выражение употребил господин Фагуста, – уважаемым максималистом Пименом Георгиу. Печатать «Трибуну» я разрешил. У вас есть вопросы, Фагуста?

– Список вопросов к новому правительству я представлю отдельно, – и Фагуста свирепо взметнул гнездо волос.

– Представляйте. Какие вопросы у вас, господин Георгиу?

Пимен Георгиу поспешно встал, и поклонился сразу нам всем, и пошевелил кончиком тоненького, как хвостик, носа.

– Диктатор, список вопросов я уже вручил министру информации.

– В таком случае оба редактора свободны.

Пимен Георгиу был ближе к двери и подошел к ней первым. Но монументальный Фагуста нагнал его и оттолкнул плечом. Георгиу все же устоял на ногах, но помедлил, чтобы снова не столкнуться с бесцеремонным оптиматом. Мы проводили их уход смехом. Даже чопорный Вудворт изобразил на своем аскетическом лице символическую улыбку.

– Начинаем заседание правительства, – сказал Гамов. – Будем решать вопрос о создании двух новых международных организаций, одну предлагаю назвать «Акционерной компанией Черного суда», вторую соответственно «Акционерной компанией Белого суда».

Гамов явно наслаждался замешательством, которое угадывал у нас. И прежде чем мы осыпали его вопросами, он спокойно продолжал:

– Дам все разъяснения, но прежде наведу справку. Бар, может ли банк предоставить правительству сумму в десять миллиардов латов на особые нужды?

Готлиб Бар поднялся. Он один говорил стоя.

– Я бы сформулировал ваш вопрос иначе: может ли банк выделить из резервов одну тысячу чудов золота? Так вот – золото есть. Имеется также иностранная валюта – кортезианские диданы, юлани Лепиня, доны Кондука. В общем, валюты для операций, о которых вы меня известили, хватит.

– Отлично. Разъясняю суть новых акционерных компаний.

Мы создали два новых социальных института, напомнил Гамов, министерство Террора и министерство Милосердия. Террор должен ликвидировать массовую преступность в стране, сделать подлость убыточной и позорной. Милосердие призвано смягчить излишества террора, восстановить справедливость. Ибо борьба с преступностью ведется методами столь жестокими, что когда-нибудь и их назовут преступными. Успех в террористическом истреблении преступлений есть и будет горем народа.

Но преступления внутри страны ничтожно малы перед международными, продолжал Гамов. И главное международное преступление – война. Но преступники не те, кто дерется на фронте, хоть они тоже не ангелы. Преступники те, кто организует, кто восславляет и финансирует войну. И с ними по высокой справедливости нужно поступать тысячекратно более жестоко, чем с бандитом, вышедшим на разбой. Ибо зло от организатора и певца войны неизмеримо больше. Но бандитов сажают в тюрьмы, вешают, расстреливают. А короли, императоры, президенты, премьер-министры, командующие армиями, журналисты, ораторы в парламентах? Разве их наказывают? Они порождают войны, но зарабатывают славу, а не наказание. Даже если война завершилась поражением, творец ее, король или президент, лидер партии или журналист, мирно удаляется на покой и пишет мемуары, где поносит противников и восхваляет себя. Величайшие преступники перед человечеством удостоиваются почтения! За то, что

убивали детей и женщин, – богатство и честь, вдумайтесь в эту чудовищную несправедливость! Надо с этим покончить! Беспощадно покончить! Тысячекратное утопление в нечистотах за убийство одного ребенка, за одну искалеченную женщину!

С Гамовым произошло одно из преображений, которые так поражали меня вначале. Он впал в иступление. Он побледнел, его глаза расширились и засверкали. Впрочем, он быстро успокоился. Он умел брать себя в руки. Что до меня, то железное спокойствие Гамова всегда казалось мне более страшным, чем взрывы ярости.

– Самый простой выход – объявить все виды деятельности, способные вызвать войны, преступными в принципе, – сказал он уже спокойней. – Но мы не анархисты. Без аппарата власти, без талантливых политиков, писателей, ученых общество либо захиреет, либо распадется – результат еще хуже, чем война. Но почему не объявить важные государственные посты подозрительными по преступности? Почему не предупредить короля и журналиста, министра и промышленника, что у них есть потенциальная возможность совершить преступление перед человечеством и что они должны остерегаться превращения потенции в реальность? И почему ему заранее не объяснить, что дорожка, которая раньше вела к славе и почестям, теперь поведет к виселице и яме с нечистотами? Вот для чего нужен Черный суд. Он будет предупреждать людей об ответственности перед человечеством и заранее сообщать о карах, которые им грозят, если они обратят свои возможности во зло.

Но этого мало – только предупреждать о карах, – сказал дальше Гамов. Черный суд станет исполнительным органом Священного Террора. Богиня правосудия изображается с весами в руках – на них взвешивается вина человека – и с повязкой на глазах. Мы сорвем с глаз богини повязку. Она станет зрячей. Она будет пристально всматриваться в каждого заподозренного и, только убедившись в реальности вины, взвесит ее тяжесть и объявит наказание. А также плату тем, кто приведет его в исполнение. Мы выдавали денежные награды солдатам за их героизм. Пора перенести этот способ войны и в международную жизнь. Преступник, осужденный Черным судом, часто вне досягаемости нашей полиции. Но всегда найдутся исполнители наказания, если им крупно заплатить. Вудворт, вы кортез, вы знаете психологию народа, исповедующего принцип «каждый за себя, один бог за всех». Скажите, найдем ли мы в этой стране исполнителей приговоров Черного суда, если пообещаем огромную награду в золоте или диданах?

Я уже говорил, что, отвечая или докладывая, мы не вставали. Единственным исключением был Готлиб Бар. А надменный Вудворт даже не поворачивался к тому, с кем разговаривал. Он каменно восседал, вскинув голову и глядя прямо перед собой, то есть на Гамова (он выбрал себе место против диктатора). Но сейчас он встал – и это подчеркивало значимость его ответа. И на желтоватых щеках аскетического лица появилась краска. Если бы слово «вдохновение» не противоречило природе этого человека, я сказал бы, что его охватило вдохновение. Впрочем, один раз я уже видел его в таком необычном состоянии – в вагоне литерного поезда, когда он предложил нам захватить власть в стране.

А говорил он о том, что в Кортезии чистоган – мера всего. Любовь и еда, красота и власть, богатство и слава – все это разные понятия, но все они могут быть выражены в деньгах как универсальном мериле. Такой-то стоит миллион диданов – и это характеристика не только его богатства, но и силы его ума, его жизненной энергии. И хоть не говорят, что вот эта девушка любит своего парня с силой в сто тысяч диданов, но если бы кто и сказал так, то вряд ли это вызвало бы возмущение. Найти за крупную плату исполнителей приговоров Черного суда – задача нетрудная. Но как это человек сумеет доказать, что именно он, а не другой выполнил приговор, и как он получит награду?

– На это нам ответит министр разведки.

Прищепка доложил, что в Кортезии у него свои люди и что он организует туда тайную доставку золота.

– Два вопроса, Гамов, – сказал я. – Об ответе на первый уже догадываюсь. Из запрошенного золота вы выделите Черному суду половину. Стало быть, вторая половина – Белому суду?

– Да, именно так, – подтвердил Гамов. – Милосердие нуждается в финансовой поддержке еще больше, чем террор против преступников. Слова о справедливости останутся только словами, если будет пуста рука помощи, протянутая страдающим и униженным. Милосердие полновластной террора. Без милосердия сам террор превратится в организованное преступление. И когда возникнет борьба между карающей и милующей руками, предпочтение должна получить вторая.

Я не удержался от иронии:

– Недавно я сам разбирал спор между милосердием и террором – говорю о казни Карманюка. И решил его в пользу террора. Боюсь, это будет происходить чаще.

Гамов молча развел руками. Он мыслил широкими категориями – обыденщина не всегда подтверждала общие концепций, и тогда он на мгновение терялся.

– Второй вопрос. Какую дьявольщину, Гамов, вы вкладываете в понятие акционерности? Разве карать и миловать военных преступников мы будем на паях с кем-то? Да еще – на денежных?

– Справедливость – это понятие общечеловеческое, а не привилегия какого-либо одного государства, – ответил Гамов. – Нельзя исключить, что сегодняшние наши враги потребуют наказания военных преступников, которых найдут у нас. И вот для обеспечения равноправия мы и предложим единые органы кары и милосердия. Финансовую их базу равноправно обеспечат обе стороны. Мы свой вклад вносим.

– Фантастика! Неужели вы думаете, что кортезы пожертвуют свои деньги, чтобы судить своих же сограждан?

– И наших, Семипалов! Звучит пока маловероятно... Но уверен: потом ситуация переменится.

Обычно Гамов высказывал свои решения точно и недвусмысленно. Но идея превратить Черный и Белый суды в разновидность международных акционерных обществ была просто невероятна. Я мог бы многое возразить, но не стал. Будущее покажет, что и Гамов ошибается, сказал я себе.

Гамов попросил задержаться меня, Пеано, Вудворта и Прищепу, остальных отпустил.

– Вы хотели нам что-то сообщить? – обратился он к Прищепе.

– Скажите, вы хорошо знаете своих сотрудников? – спросил Прищепу Вудворт.

– Не всех. В министерстве внешних сношений сотрудников больше тысячи. Я не собираюсь каждого узнавать.

– Я спрашиваю о гласном эксперте по южным соседям Жане Войтюке.

– Войтюка знаю. Знаток своего дела.

– У меня подозрение, что он шпионит в пользу Кортезии.

– Подозрение или доказательства?

– Пока только подозрение.

Павел сказал, что Войтюк один из первых подал покаянный лист. Многие еще не решаются повиниться, и это задерживает конструирование нового государственного аппарата. Он же сразу признался во взятках и незаконном использовании служебного положения, даже в том, что обманом спихнул своего предшественника. Приличный набор грехов. Честное признание и высокая квалификация Войтюка позволили сохранить за ним должность. Но об одной своей вине Войтюк умолчал, хотя она на первый взгляд столь мала, что ее можно было и не таить. Войтюк близок с послом Кнурки Девятого Ширбаем Шаром.

– Я тоже знаком с Ширбаем Шаром, – сказал Пеано, ослепительно улыбаясь. – Очаровательный человек, хорошо образованный, умница. Эксперту по южным странам необходимо общаться с послами этих государств.

– Я еще не все сказал, Пеано. Ширбай Шар в своем королевстве – платный осведомитель Кортезии.

В улыбке Пеано появилось пренебрежение. Племянник многолетнего правителя страны полагал, что лучше разбирается в международных делах, чем недавно приступивший к этому делу Павел.

– А что он мог выдавать Кортезии? Количество базаров и цены на них? Все остальное в Торбаше малозначительно. Кнурку Девятого невозможно ни предать, ни продать. Считаю ваши подозрения недоказанными.

– Вы торопитесь, Пеано. Жена Войтюка, очень красивая женщина, часто надевала на придворных балах изумрудное колье. Вот снимок этого редкого произведения искусства. – Прищепка положил на стол Гамова цветную фотографию. – А теперь посмотрите каталог знаменитых украшений. Точно такое же колье, но на нем надпись «Реликвия семейства Шаров в Торбаше». Ширбай Шар подарил Войтюку семейную драгоценность – и, очевидно, в благодарность за большие услуги.

– А не подделка ли драгоценность Войтюка?

– Камни настоящие. Я постарался узнать, осталось ли такое колье в доме Шара. Сегодня мне доложили, что в коллекции Шаров его больше нет. Но Ширбай Шар о пропаже драгоценности полицию не извещал – значит, изъял колье сам.

Теперь в глазах Прищепы светилось не пренебрежение, а удивление. Я не стал рассматривать снимки. Меня никогда не интересовали драгоценности.

– Убедительно, – сказал Пеано. – Арестовать Войтюка! Нет, какой мерзавец! Усыпил нашу бдительность покаянным листом – и думает, что отделался!

– Не согласен, – сказал Гамов. – Угаданного шпиона нужно не арестовывать, а культивировать. Его можно использовать для дезинформации противника. Вы молчите, Семипалов?

– Я не убежден, что Войтюк шпион. Может быть, колье подарено за интимные, а не политические услуги? Наши южные соседи ценят женскую красоту. Не откупился ли неудачливый дипломат семейной реликвией от мести мужа? В этом случае вносить появление драгоценности в покаянный лист необязательно.

– Итак, есть подозрение, что Войтюк шпион, а доказательств нет, – сказал Гамов. – Предлагаю подкинуть Войтюку секретную информацию и проверить, дойдут ли она до противника. Пеано, нет ли у вас тайн, которыми вы могли бы пожертвовать без большого ущерба для нас?

Пеано задумался.

– Мы готовим большое наступление на южном участке Западного фронта. Оно должно вывести нас в потерянные районы Ламарии и Патины. Но почему не замаскировать удар на севере? Если Войтюк шпион, он передаст этот важный секрет врагу – и кортезы с родерами поспешат оказать противодействие северному натиску. Сразу две выгоды: ослабим противодействие врага на юге, где развернется наше наступление, и установим, что Войтюк точно шпион и это можно использовать в дальнейшем.

– Ваше мнение, Семипалов?

Я помедлил с ответом. Пеано был хорошим стратегом, но разрабатывал свои планы за столом, вел солдат в сражение не он. Войтюк не стоил того, чтобы ради раскрытия его тайной роли, если она и была, подвергать северную армию большой опасности.

– Я против. И вот почему. Если враг испугается отвлекающего удара с севера и подготовит мощный отпор, он сможет сам перейти в наступление. Что мы противопоставим ему тогда? Под угрозой попадет Забон.

Пеано заколебался.

Он до сих пор разрабатывал свои оперативные планы по моим указаниям и еще не чувствовал полной самостоятельности. Но Гамов заупрямился. Прищепка уверяет, что заблаговременно узнает, готовится ли противник к большому отпору на севере, и тогда мы дополнительно

укрепим оборону Забона. Но у меня на душе скребли кошки. И родеры, и кортезы были слишком умными противниками, чтобы легко поддаться на такой примитивный обман.

– Дело за вами, Вудворт, – подвел Гамов итоги спора. – Соболаговолите как-нибудь проинформировать Войтюка, что мы готовим большое наступление на севере.

– Сделаю, – сказал Вудворт.

Гамов предложил мне остаться, остальных отпустил.

– Семипалов, – сказал Гамов, когда все ушли, – у меня к вам личная просьба – обещайте не отказывать.

– Сначала узнаю, что вы просите.

– Хочу, чтобы ваша жена вошла в правительство.

– Елена фармацевт. Разве фармацевтика – разновидность политики?

– У нас в правительстве нет женщин. Она могла бы стать заместителем Бара. У него хватает забот с мужчинами, а женщин в тылу все же две трети населения.

– Гамов, не виляйте! Вы еще до захвата власти спрашивали меня, не ревнив ли я. И помните, что я ответил.

– А я сказал, что ваша ревность меня устраивает. Так выполните мою просьбу?

– Карты на стол, Гамов! Вы недоговариваете.

– Я раскрою все свои карты, когда докажут, что Войтюк шпион. Даже малейших секретов между нами не будет. И у вас не будет причин злиться на меня, обещаю. Но Елена должна появиться на заседаниях правительства еще до разоблачения Войтюка.

Я понимал: дело было не в Войтюке – я помнил прежние разговоры, уже тогда показавшиеся мне странными. Гамов давно задумал какой-то план, Войтюк был лишь поводом больше не откладывать его осуществления.

Я сказал:

– Буду ждать разоблачения Войтюка и последующего разъяснения. Елена завтра же появится в роли заместителя Готлиба Бара.

4

Появление первых номеров двух газет: «Вестника Террора» и «Трибуны» – стало сенсацией. И крысолицый максималист Пимен Георгиу, и монументальный оптимат Константин Фагуста с аистинным гнездом на голове – оба показали, что заняли свои редакторские кресла по призыванию, а не по номенклатурной росписи. «Вестник» устрасал – истинный глашатай Террора. «Трибуна» требовала свободомыслия и критиковала правительство. И обе газеты печатались в одной и той же типографии!

Я растерялся, когда на мой стол положили оба листка. Если бы «Трибуна» тайком ввозилась из какой-нибудь вражеской страны, ее появление было бы понятней. Но она печаталась по указанию Гамова, он объявил, что договорился с Фагустой – мне подобное согласие показалось чудовищным.

– Вы читали «Трибуну»? – позвонил я Гамову.

– Обе газеты читал. Великолепно, правда?

– Не великолепно, а безобразно. Говорю о «Трибуне».

– Статья Фагусты – квинтэссенция программы нашей оппозиции! Перечитайте ее внимательно.

Я не понял восторгов Гамова. Мне было неясно, как совмещать террор с официальной оппозицией правительству. Была прямая несовместимость в понятиях «террор» и «свободомыслие».

Первую полосу «Вестника» отвели рассказу о создании акционерных компаний Черного и Белого суда, призванных: первая – жестоко расправляться с каждым виновным в организации и пропаганде войны, а вторая – проявлять к ним милосердие и защищать безвинных. Латания вносит в каждую компанию по пять миллиардов латов в золоте и призывает все страны, в том числе и те, с которыми воюет, стать пайщиками обеих компаний.

Вторая полоса открывалась большой статьей председателя компании Черного суда Аркадия Гонсалеса под названием «Высшую справедливость оснастить чугунными кулаками». Гонсалес повторял идеи Гамова. Этот херувимообразный красавец, Аркадий Гонсалес, не был способен изобретать новые методы и открывать неизвестные истины. Он был превосходным исполнителем – грозным исполнителем, как вскоре выяснилось – государственных концепций Гамова, но не более того.

Статья складывалась из трех разделов: «Вызовы на Черный суд», «Предупреждения Черного суда», «Приговоры Черного суда».

Вызывались на Черный суд руководители всех стран, с которыми мы воевали: список в сто фамилий. И начинал его, естественно, Амин Аментола, президент Кортезии, а завершал Эдуард Конвейзер, богатейший банкир мира, заправила военной корпорации. После таких знаменитых имен уже не удивляло, что в списке – первом списке, деловито уточняла газета – значатся министры Кортезии и Родера, командующие их армиями, владельцы военных заводов. Вызываемых ставили в известность, что заседания Черного суда происходят в Адане, столице Латании, и что никакие причины неявки, кроме смерти вызванного, в оправдание не принимаются.

Я не смеялся, конечно, но не был уверен, что другие читатели не хохочут. Требование, чтобы обвиняемые добровольно явились на суд в нашу столицу, было фантастически невероятным.

В разделе «Предупреждения Черного суда» было немного имен реальных людей и много рассуждений. Журналистам и священнослужителям напоминали об их великой ответственности перед человечеством. И всем им грозили великими карами, если они не поймут ее, лежащей на их плечах. Лишь десяток фамилий оживляли этот в общем-то мало конкретный раздел:

четверо журналистов, особо ратовавших за войну, два епископа, произносивших воинственные проповеди, и несколько промышленников.

Зато невыразительность второго раздела многократно перекрывалась «Приговорами Черного суда». Восемьдесят четыре военных преступника заочно приговаривались к смертной казни: тридцать восемь летчиков, сбросивших бомбы на мирные города, с десятков офицеров-карателей, три священника, благословляющих авиабомбы, комендант и солдаты лагеря военнопленных, лично расстреливавшие тех, кто им не нравился. Можно было поражаться, как Гонсалес за короткий срок сумел обнаружить столько военных преступников. Я догадывался, что тут не обошлось без помощи моего друга Павла Прищепы, недавно скромного инженера в моей лаборатории, а ныне энергичного организатора государственной разведки.

Нового в перечислении фамилий военных преступников, конечно, не было. Все воюющие страны составляют такие списки. Новое было в том, что Гонсалес предлагал любому человеку выполнить смертные приговоры и получить за это плату в золоте, латах или диданах. Размер гонорара ошеломлял. Самую маленькую награду, сто тысяч латов – сумму, которую средний рабочий мог заработать лишь за сотню лет, – министр Террора обещал за казнь незначительных преступников, вроде полицейских и карателей. Смерть летчика оценивалась в триста тысяч лат, а за коменданта лагеря Гонсалес назначил полмиллиона – состояние даже в такой богатой стране, как Кортесия. Одновременно Гонсалес предупреждал, что только казнь приговоренных Черным судом оплачивается, ибо только она одна – законна. Любое убийство любого человека, пока на то нет приговора, – бандитизм, а не Священный Террор.

А после извещений Черного суда «Вестник» публиковал обращение Белого суда ко всем народам мира, подписанное Николаем Пустовойтом. Наш министр Милосердия извещал, что его ведомство принимает апелляции на любые приговоры Черного суда и обладает правом приостанавливать их исполнение. Правда, на очень короткий срок, многомесячные затяжки обычного судопроизводства заранее отвергаются. Пословица «Бог правду видит, но не скоро скажет» для нас неприемлема, мы за скорую справедливость. Обращайтесь немедленно к нам, если считаете приговор Черного суда несправедливым. Еще Пустовойт сообщал, что при Белом суде создана коллегия адвокатов, оценивающая справедливость любого решения суда Черного – никто не останется без защиты. А если подсудимый – гражданин той страны, которая стала акционером Белого суда, то этот человек может выставить и своего адвоката для апелляции в Белый суд. Вот такой был первый номер «Вестника Террора и Милосердия» – террора, во всяком случае, в нем было больше, чем милосердия.

«Трибуну» открывал материал Константина Фагусты «На службе высшей справедливости – палачи!» Много мне приходилось читать статей – спокойных и патетических, гневных и ликующих, обвиняющих и восславляющих, но такой я еще не видел. О Фагусте знали, что он талантливый журналист, что перо его ядовито, недаром Артур Маруцян не только ненавидел его, но и побаивался. «Неистовый Константин!» – называли его друзья, как, впрочем, и враги, опасавшиеся его едких оценок. Со всей силой своего писательского дара Фагуста бросился воплощать в жизнь угрозу: «Вы раскаетесь, что разрешили мне печатать газету!»

Он начинал с того, что обрадовался свержению своего старого врага Артура Маруцяна.

Любое другое руководство будет лучше этих бездарей, так он твердо считал. Он слышал о военных талантах нового главы правительства, и, хоть его смущала реклама самому себе в каждой передаче по стерео полковника Гамова, все же, думал он, во время войны лучше талантливый солдафон, чем маршал Комлин, солдафон бесталанный. И поэтому он искренно принял странное правительство Гамова. Странное – потому, что возникло оно неожиданно и повело себя непохоже на то, как должны себя вести нормальные правительства. Поживем – увидим, уговаривал он себя – и был лоялен к новой власти.

Теперь он будет говорить как человек поживший и увидевший. Гамов провозгласил, что правление его будет неклассическим – по-видимому, его любимое определение. И начал с того,

что назвал себя вполне классическим диктатором, то есть властелином выше закона. И замахнулся на тысячелетние обычаи: ввел денежные награды за военные успехи солдат и офицеров. Он оплачивал случайно доставшимися ему деньгами не только захват чужого оружия, но и убийство врага, и полученные в бою раны, даже – страшно сказать – тебе платили за твою собственную гибель, не тебе самому, разумеется, а тем, кого ты назвал своими наследниками. А сейчас этот необычный способ Гамов превращает в военную каждодневность. За любой «акт героизма» солдатам и офицерам будут выплачивать крупную сумму – и не в старой малоценной валюте, а в золоте. Вдумайтесь, я требую, в чудовищную аморальность решений нового правительства! Ведь оно превращает войну из арены, где испытывается верность солдата отчизне, его мужество, его готовность грудью защищать своих детей и близких, в какое-то доходное частное предприятие! Война – великое преступление перед человечеством, а теперь из этого преступления каждый в нем участвующий сможет извлекать личную наживу. Убил врага – получай монету! Тебя ранили – тоже неплохо, распишись в деньгах за рану. А убили тебя – твоя семья порадует: неплохой профит! Смерть солдата всегда приносила горе, это было благородное чувство – скорбь от потери родного человека. А теперь к горю от гибели примешивается и радость от награды за смерть. Какое кощунство! Какое немыслимое кощунство!

Но и такого нарушения священных обычаев войны новому правительству мало. Оно изобретает еще один неклассический метод борьбы. Оно заочно, из своего дворца в столице, будет судить тех, кого объявит военными преступниками. Нет, мы не за то, чтобы преступники избежали наказания. Кто совершил преступление, тот должен понести кару. Такова высшая справедливость! Но можно ли точно определить вину человека, не спросив его самого, почему он делал то, что сделал? Черный суд вызывает обвиняемых к себе, но ведь это смехотворно! Ни один человек не отправится в страну, с которой воюет его государство, только для того, чтобы его там казнили. А если, спятив, и решится на такое гибельное путешествие, то как он сможет его совершить? Тайком проберется через линию фронта?

Но и это не все! Кому поручается выполнение приговоров? Любому, вдумайтесь в это! Диктатор приглашает весь народ попрактиковаться в палачестве, вот его замысел. Он заражает бациллами бандитизма общество – пусть даже воюющее сегодня с нами, но все же человеческое! Он превращает целые народы в тесто, вспухающее на дрожжах ненависти и взаимного истребления. И после этого говорить о высшей справедливости! Но где гарантии, что в волчьей охоте за обвиненным погибнет только он сам, что одновременно с ним не умрут защитники, посторонние люди, случайно оказавшиеся рядом? Да, господин Гонсалес предупреждает, что не оплатит убийство лиц, предварительно не осужденных Черным судом. Но разве такое предупреждение предохранит от случайных и попутных убийств? Какое же лицемерие – приводить в исполнение свои приговоры, подвергая смертельной опасности тысячи невинных! Использовать для этого кровавые руки профессиональных бандитов! Ведь на призыв обогатиться ценой выстрела в спину «осужденного» прежде всего, охотней всего, усердней всего откликнутся преступники. Они и раньше не гнушались убийствами, но какие это были убийства? Очистить карманы, снять кольца и часы – добыча не оправдывала удара ножом, а ведь удары наносились. А теперь за тот же удар ножом – состояние! Голова кружится – так выгодна стала охота на человека... Профессиональные бандиты – служители высшей справедливости!

Такова международная правда диктатора, негодовал Константин Фагуста. А какова правда внутренняя? Да не лучше! Можно еще допустить, что злодеи, нападающие ночами на стариков и женщин, заслуживают кар и потяжелее, чем заключение в тюрьмах, где их содержат в тепле и спокойствии. И даже унижительное утопление их главарей живыми в нечистотах можно принять – как меру, отвечающую суровым условиям войны. Но карать родителей преступников, наказывать их близких! На днях министерство Террора ликвидировало банду на окраине Адана. Главарь банды, в дневное время грузчик продовольственного магазина, за убийство женщины, ее мужа и двух детей приговорен к позорному утоплению. Стерео показало

нам эту омерзительную сцену. Что ж, жестоко, но известная справедливость в неклассической казни была: диктатор недаром объявил, что будет властью не просто жестокой, но свирепой – свирепым защитником справедливости, так его следовало понимать. Но какая же справедливость в том, что на месте казни стоял понурый отец, а мать рвала на себе седые волосы, а потом упала без чувств, когда сын утонул в отвратительной помойке? Или в том, что обоих стариков сразу после казни увезли на далекий север – на холод, на муки, на нищенское полуумирание? При казни присутствовала подруга бандита, молоденькая девушка, они встречались всего неделю, она и не подозревала, что он угощает ее на преступные деньги. И ее заставили смотреть на казнь, а после выслали тем же поездом на тот же север. «Я же только хотела потанцевать, я не знала, кто он! Я не брала у него денег!» – так она кричала. И я спрашиваю: неужели была самая маленькая справедливость в свирепом наказании, которому подвергли девушку за желание потанцевать, вкусно поесть, сладко попить? А если это и вправду справедливость, то что же тогда называть ужасом и преступлением, издевательством и беспощадностью?

Фагуста заканчивал гневную статью грозным предупреждением:

«Мы живем в ужасное время, когда мир распался надвое и одна половина пошла на другую. На полях сражений гибнут тысячи людей. С первым выстрелом из электроорудия обрушились вековые принципы справедливости. Но она существует, человеческая справедливость, даже временно отстраненная. Она возродится и объявит миру: казнями не породить добра, бесчестьем – благородства. И смертью смерть не поправить! И тогда мы призовем к ответу всех, кто творит сегодня во имя справедливости великую несправедливость. И они закроют лицо руками, ибо не найдут для себя оправдания. Верую, люди, верую!»

Я отложил «Трибуну» и позвонил Гамову.

– Прошу немедленно принять меня.

– По телефону нельзя, Семипалов?

– По телефону нельзя.

– Тогда проходите в маленький кабинет.

Я положил обе газеты на стол Гамову.

– Итак, вы перечитали их внимательно? – спросил Гамов.

– Перечитал – и очень внимательно.

– И ваше мнение сильно изменилось?

– Изменилось, Гамов!

– Вы хотите сказать...

– Да, именно это! Сгоряча я назвал «Трибуну» безобразием. Сейчас я считаю появление этой газеты вражеской диверсией. Я требую ареста Фагусты, пока он не подготовил второго номера.

– Не поняли. Ни вы не поняли, ни Гонсалес.

– Я не знаю мнения Гонсалеса.

– Такое же. Немедленный арест Фагусты – и предание его Черному суду. Семипалов, вы так поднялись на Фагусту потому, что он лжет? Придумывает факты, которых не было?

– Да нет же, нет! Он опытный софист, этот ваш новый любимец Фагуста. Фактами он оперирует реальными. Толкование фактов – вот что возмущает. Самый злейший наш враг не обрушивает на нас такую критику, как он, кому вы разрешили свободомыслие.

– Вы против свободомыслия, Семипалов?

– Гамов, разве я давал повод считать меня глупцом? Я за то свободомыслие, которое идет на пользу нашему с вами делу, а не за то, которое подрывает его основы. Террор и хаотическое свободомыслие – болтай-де чего влезет – абсолютно несовместимы.

Он на несколько секунд задумался.

– Семипалов, поставьте перед собой такой вопрос: в чем смысл террора? В том, чтобы жестоко наказывать преступников? Считать так могут одни дураки, а мы с вами умные люди,

так вы сами сказали. Террор должен не только карать преступления, но и предотвращать их – с помощью страха перед ужасающей карой. Террор – в порождаемом ужасе перед преступлением, а не в количестве проливаемой крови. А ужас создается гласностью. Вспомните тюрьмы Маруцзяна. Там бандитов и вешали, и расстреливали. Но их не убавлялось. Почему? Известия о расстрелах не публиковались, чтобы не расстраивать народ, – и они теряли свое устрашающее значение. И мы согласились с вами, что смерть гораздо меньше пугает людей, чем позор перед смертью. Все мы сойдем в могилу, а вот захлебываться в нечистотах, да еще публично!.. Как только мы приступили к такому террору, как резко снизились грабежи и убийства, разве не так?

– Но мы надеялись, что бандиты начнут приходить с повинной, а пока этого нет.

– Время не подошло. Зимой в стране не останется ни одной банды, уверен в этом. Но вернемся к Фагусте. Вам не нравится, что он расписывает ужасы террора. Но ведь это как раз то, в чем мы нуждаемся. Фагуста возбуждает в людях ужас, живописуя казни. И делает это с таким искусством, с такой моральной силой, что поражаешься... Если бы Константина Фагусты не существовало, его следовало бы выдумать. Но он уже существует, и это большая наша удача.

Я задал последний вопрос:

– Гамов, Фагуста показывал вам статью перед тем, как послать ее в печать?

Гамов ответил подчеркнуто спокойно:

– Нет, Фагуста не показывал мне этой статьи перед тем, как послал ее в печать.

Намеренное повторение моих слов было неслучайно. Но тогда я этого не понял.

5

В Адан съезжались главы правительств наших союзников.

Конференции союзников происходили и раньше. Артур Маруцзян обожал торжественные совещания, велеречивые доклады и длинные, как простыни, газетные отчеты. Союзники, в свою очередь, с трибун грозно кляли Кортезию, обещали нам всемерную поддержку в борьбе с заокеанскими грабителями, получали займы и подачки и разъезжались – удовлетворенные и собственными речами, и публичными обедами.

Гамов решил разделаться с этой практикой.

Первым в Адан прилетел король Торбаша Кнурка Девятый. Его встречали Гамов, Вудворт и я.

Огромная машина – водолет на пятнадцать пассажиров и двух пилотов – тяжело опускалась на землю. Струи охлажденного пара перестали бить из задних патрубков, из днища еще вырывались тормозные потоки, преодолевавшие земное притяжение. Водолет сел в ледяном пару, как в облаке. Из открывшейся дверки проворно выбежал его величество Кнурка Девятый.

Он именно выбежал, а не выбрался – маленький, вертлявый, тонконогий и тонкорукий, с лицом так густо заросшим бурой щетиной, что издали выглядел обезьянкой, а не человеком. Впрочем, и вблизи его можно было спутать с обезьяной средней миловидности. Зато из волосатых щелей, именовавшихся глазами, в собеседника вонзались такие острые зрачки, два таких потока умного света, что невольно становилось не по себе. Его величество Кнурка Девятый, так разительно похожий на обезьяну, не смотрел, а освещал людей своими фонариками-глазками – высвечивал, даже просвечивал насквозь. И среди важных вельмож, собравшихся в Адане, он единственный (вскоре это стало ясно) не ошибся в характере Гамова, хотя в политических его целях и не разобрался.

– Здравствуйте! Очень, очень здравствуйте! – заверещал его величество Кнурка Девятый, поочередно протягивая каждому из нас троих волосатую ручку.

Позади короля вышагивала свита, а центром в их вельможной стайке был могучий верзила с толстощеким лицом – кровь с коньяком в каждой щеке – и выпяченными губами выпивохи и бабника.

– Ширбай Шар, – сказал мне Вудворт. – Посол Кнурки для особых поручений.

Гамов шагал впереди с его величеством обезьянкой, мы компактно следовали сзади. У самой роскошной нашей гостиницы «Поднебесная» – ее всю отвели прилетевшим гостям – я осторожно улизнул. Только Вудворт удивленно посмотрел на меня, когда я пробирался мимо, да Ширбай скосил на меня глаза. Как ни странно, но этот его быстрый взгляд сыграл некоторую роль в событиях, разыгравшихся впоследствии.

Первая дипломатическая встреча показалась мне такой скучной, что я отказался впредь в них участвовать. Но Вудворт упрямил меня встретить еще одного союзника: мое отсутствие, объяснил он, может осложнить дипломатические переговоры, союзник – любитель этикета. К тому же обидчив. Он говорил о Лоне Чудине, президенте Великого Лепиня.

Впрочем, я не раскаялся, что пошел. Выход Лона Чудина на землю Латании напоминал спектакль. Водолет приземлился мягко, ледяной пар начал медленно рассеиваться. Дежурные покатали трап, но никто не вышел, пока не осталось и легкой дымки от посадочного тумана. А затем вдруг из водолета грянула музыка. Машина загремела как оглашенная, а когда грохот умолк, из нее выбрались музыканты, выстроились по обе стороны трапа, взметнули трубы, ударили в барабаны, забили в тарелки – повторный шум был еще громче. И на трапе возник Лон Чудин. Он именно возник, а не просто показался. Он красовался над нами, неподвижный, как бронзовая статуя самого себя. Я не удержался от улыбки. Лону Чудину было рискованно возвышаться над зрителями, ибо при этом отчетливей видны несообразности фигуры, а

их было чрезмерно много: бедра шире плеч, ноги короче рук, а две массивные щеки чуть ли не ложились на плечи. Между этими мешками прятался крохотный носик, топорщившая кнопочка с ноздрями вперед. Впрочем, чудовищное безобразие президента Великого Лепиня не отвращало, а скорей пугало. И он – умный все же человек – и не скрывал уродства, а выпячивал его. Я вспомнил стихи знакомого поэта – тот, кстати, был скорей красивым, чем уродливым:

И верю я, что уж никто другой
Не затемнит моей звериной рожи.
Как хорошо, что я один такой,
Ни на кого на свете не похожий.
Дон Чудин был похож только на себя.

Он стоял, пока музыка не исчерпалась в последнем диком аккорде, потом стал величаво спускаться по трапу. Я не преувеличиваю – он не спускался, а спускал свое тело, как статую. И единственным отличием от монумента было лишь то, что у скульптуры и ноги неподвижны, а у Лона Чудина они двигались, перемещая негнувшееся туловище со ступеньки на ступеньку.

Гамов обменялся с ним рукопожатием. Вудворт поклонился Чудину, тот небрежно кивнул. Чтобы не нарваться на такой же оскорбительный кивок, я не двинулся с места, но Лон Чудин сам подал руку. Пальцы мои сжали мешочек теста – так мягка была рука властителя Великого Лепиня. Я шепнул Вудворту, когда Гамов увел гостя:

– Почему мне такое предпочтение перед вами, Вудворт?

– Вы заместитель Гамова, Лон остро ощущает различие рангов. Но сейчас я его так побешу, что он пожалеет о своей надменности.

И Вудворт приветливо улыбнулся одному вельможе из свиты Лона Чудина. Я говорил, что на худом лице Вудворта все настроения выпечатывались с особой резкостью. Он обрадовался Киру Кируну – так звали вельможу, брата Лона Чудина – во всяком случае, захотел, чтобы другие оценили их встречу как радость. Лон Чудин обернулся, маленькие глаза его сузились, когда он увидел, что Вудворт чрезмерно долго трясет руку брата.

Я догнал Гамова и бесцеремонно прервал его разговор с Лоном Чудином:

– Я могу считать свою дипломатическую миссию выполненной? Тогда разрешите отбыть.

Гамов быстро преобразовал мой некорректный поступок в государственную операцию.

– Разрешаю. Разрабатывайте дальше наши военные планы. Потом доложите решения. Нашего друга президента Великого Лепиня интересует все, что вы делаете.

– Да, очень интересует, – подтвердил Лон Чудин. У него и голос соответствовал внешности: не звучный, не хриплый, не низкий, не высокий, а рыхлый и жирный – таким он мне послышался.

Больше на встречи союзников я не ходил. Предстояли важные операции на фронте: я подготавливал отвоевание потерянных областей. Резервные склады в тылу опустошались, боевой потенциал армий быстро рос. И были отменены никого не обманывающие обманные названия «добровольных» полков и дивизий. Армия стала профессиональной и по названию.

Вудворт настоял, чтобы перед открытием конференции устроили торжественный ужин и бал в классических традициях дипломатии. Я пробовал возражать, но Гамов поддержал Вудворта. По-моему, он просто хотел разок посмотреть, что это за штука – торжественные ужины с вином и речами, а после них – танцы. Единственным членом правительства, кому понравились и речи, и последующее топтание ногами под громкую музыку, была Елена. Она впервые показалась на людях как заместитель министра – единственная в правительстве женщина. Гамов попросил ее произнести речь, она пожаловалась, что война штука вредная: в госпиталях множатся раненые и больные – и Вудворт совершил открытие:

– Семипалов, ваша жена не только красивая, но и умная женщина. Мне кажется, она вполне на своем месте.

– Очень рад, что вам так кажется, Вудворт, – поблагодарил я. – Мне тоже иногда кажется, что она не только красивая, но и умная. Умней, чем требуется от хорошей жены.

Вряд ли до такого сухаря, как Вудворт, дошла ирония. Он вдумчиво выслушал мое признание и одобрил его серьезным кивком.

Перед открытием конференции Гамов созвал Ядро.

– Докладываю о работе промышленности, – сказал Готлиб Бар – Гамов дал ему слово первому. – И хочу порадовать: дела прекрасны.

В промышленности перевыполнялись твердо зафиксированные нормы выработки. Все так хотели новой валюты, что добровольно оставались на сверхурочные работы. Бар выпустил первую партию золотых монет – они, естественно, сразу выпали из обращения, но банкнот люди не прятали: дорогие товары из госрезерва раскупались быстро. Гамов обещал, что повысит выработку в промышленности процентов на двадцать, Бар с торжеством извещал, что уже подошло к тридцати.

Единственное слабое место – производство сгущенной воды. До ввода новых заводов заявки армии и метеорологов полностью не удовлетворить.

Казимира Штупу тревожила осень. Летние циклоны удалось отразить, небо над столицей безоблачно. И урожай хороший. Но метеогенераторы используют резервные запасы сгущенной воды, запасов осталось мало. Если промышленность не удвоит поставку энерговоды, противник осенью зальет нас дождями, зимой завалит снегом.

– Об удвоении не может быть и речи! – воскликнул Бар. – Выше собственной головы еще никто не прыгал.

Гамов подвел итоги. Надо прыгнуть выше собственной головы. Строительству заводов энерговоды присваивается высший приоритет. Рабочим на них – повышенную плату, и только в валюте. Эффект это даст.

– Теперь вы, Вудворт. Чего требуют наши дорогие союзники?

На союзников произвели нехорошее впечатление наши военные неудачи, доложил Вудворт. Если недавно они так и рвались в бой (во всяком случае – в речах и газетах), то теперь и слова осторожней, и статьи прохладней. Они требуют оружия, продовольствия и денег, да еще кортежских диданов или нашей новой золотой валюты. Кир Кирун пожаловался, что последнюю выдачу наш банк произвел в юланиях. «Зачем нам юлани? – возмущался он. – Мы и без вас можем их напечатать сколько угодно». Вот такие претензии у союзников. А его величество Кнурка Девятый, кроме снаряжения, продовольствия и денег, просит еще и солдат: он согласен воевать с кортезами, но нашими солдатами, своих у него очень мало. Список товаров и денег, затребованных союзниками, я передал в министерство организации, закончил Вудворт.

– Ваше мнение о списке? – обратился Гамов к Бару.

– Отлично составлен! Многообразие требований восхищает. Когда я работал на заводе, ко мне однажды поступило требование на спирт для промывки оптических осей в биноклях и фотоаппаратах. О спирте союзники промолчали, но Великий Лепинь среди прочего запросил две тысячи шерстяных ковров высшего качества для казарм. Чем не спирт для промывки оптических осей?

– Отказать всем и во всем! – сказал Пеано и так заулыбался, словно предлагал облагодетельствовать союзников.

– И выгнать всех из Адана! – добавил Гонсалес. Он теперь во всех спорных случаях выносил только суровые приговоры.

Гамов посмотрел на меня. Я знал, что он уже имеет твердое решение, и он знал, что я это знаю. Я заранее соглашался с еще не высказанным мнением Гамова.

– Артур Маруцзян щедро оплачивал велеречивые обещания союзников, – сказал я. – Но мы будем оплачивать только дела, а не слова. А поскольку дел пока нет, то и выдач не будет.

– Вы отдадите себе отчет, Семипалов, что при таком поведении наш союз скоро распадется? – сказал Вудворт.

– Пока я не вижу реального союза, стало быть, и распадаться нечему.

Вудворт инициировал правительственный переворот, но переворота в мировой политике не желал. Он проводил линию на связь с союзниками. Упорядочить беспорядочное, выправить искривления – дальше этого его мысль не шла.

– Вы совершаете непростительную ошибку, Семипалов. Политик должен видеть будущее. Вы хотите отделаться от неэффективных союзников, потому что от них нет толку. Но мир разделен на два враждебных лагеря. Если вы не в одном, значит, в другом. Вы превратите союзников во врагов. И врагами они будут более эффективными, чем друзьями. Вспомните, в какое бедственное положение поставила дивизию, где вы воевали, измена Патины. Измена Лепиня, Собраны, Торбаша и Нордага поставит на край гибели всю страну. Семипалов, вы этого хотите?

– Я именно этого хочу, Вудворт, – сказал Гамов вместо меня.

– Хотите, чтобы наши союзники стали нашими врагами? – Вудворт не просто спросил, а выкрикнул – редчайший случай у этого человека.

– Да! Хочу, чтобы наши союзники стали врагами.

– Вы хотите нашего поражения?

– А вот это – нет! Хочу победы. И мы добьемся победы тем, что превратим союзников во врагов.

– Удивительно неклассическая стратегия! – Пеано радостно улыбнулся. – Боюсь, что следующей нетрадиционной операцией будет директива нашим армии сдаваться, чтобы расходы на содержание пленных латанов разорили наших врагов и вынудили их прекратить войну?

Гамов ответил улыбкой на насмешку Пеано. Племянник свергнутого правителя Латании уже разбирался в секретах стратегии Гамова. И заранее готовился выполнять самые парадоксальные приказы. Он, как и Гонсалес, был прекрасным исполнителем, но не творцом новых концепций – как раз то, что требовалось Гамову.

Жалею, что его речь не была записана на пленку: стенографистов он не терпел, а записывающие аппараты в тот день почему-то не действовали. Союз с соседями нам невыгоден, говорил Гамов. Союзники слишком много требуют и слишком мало дают. Такие союзы – гиря на наших ногах. Но все изменится, когда они станут нашими врагами. Никто из них не нападет на нас, пока Кортесия не окажет им помощи. Но, как ни богата Кортесия, и ее ресурсы ограничены. Она лишит свои армии всего того, что предоставит союзникам. Она сможет усилить наших соседей лишь ценой собственного ослабления. Итак, превращение союзников во врагов какое-то время нам на руку.

– Очень короткое время, Гамов. Но потом война, пылающая на Западе, охватит нас пламенем со всех сторон!

– Любому военному удару наших теперешних союзников мы противопоставим убийственное оружие.

– Гамов, я хотел бы услышать название этого неизвестного мне сверхсекретного оружия.

– Ничего секретного. Это оружие называется Аркадием Гонсалесом.

Все мы, конечно, удивились. Сам Гонсалес так вытаращил глаза, что из писаного красавца на секунду превратился в урод. Впрочем, он быстро успокоился и даже закивал, словно подтверждая, что именно он, Аркадий Гонсалес, министр Террора и председатель международной акционерной компании Черного суда, является тем единственным оружием, которое способно привести забунтовавших союзников к смирению. А Гамов развивал свою новую идею:

– В тот день, когда союзники объявят нам войну, мы провозгласим их военными преступниками. Черный суд вынесет заочно смертные приговоры за расширение войны их министрам, генералам, военным промышленникам, воинственным журналистам... И за исполнение приговоров назначим такую цену, что она захватит воображение и оправдает любой риск. Мы разожжем в каждой стране пламя внутреннего истребления, пропитаем всех ужасом собственной гибели за любое пособничество войне. У нас ведь много сторонников.

– И бандитов, которые первые воспользуются заманчивыми наградами Черного суда? – иронически спросил Вудворт. – Разве не об этом недавно писал в своей газете Фагуста?

– Мы разжигаем внутри страны частную войну против отдельных преступников, а не против самого государства, – резко отпарировал Гамов. – Для войны против государства нужны армии, для частной войны достаточно палачей. Не возражаю, чтобы палачи вербовались из бандитов.

Он помолчал и закончил:

– Последние дни я детально знакомился с нашими союзниками. Среднячки, отравленные манией величия. Для них главное в мире – они сами. Гибель их армий значит для них куда меньше, чем угроза собственному благополучию. Они предадут своих солдат, чтобы усилить личную защиту. И высосут из Кортезии в десятки раз больше соков, чем высасывают из нас.

Вудворт посмотрел на меня – он надеялся на поддержку. А добряк Пустовойт изобразил на мясистом некрасивом лице такое страдание, словно он сам был объектом возвешенной Гамовым безжалостной личной охоты.

– Если будет голосование, я – за, – сказал я.

– Перейдем к военным делам, – предложил Гамов. – Попрошу остаться Семипалова, Пеано, Прищепу, а также Вудворта.

Министр информации Омар Исиро перед уходом поинтересовался, какая мера откровенности может быть допустима для прессы и стерео.

– Никакой откровенности, – сказал Гамов. – Глухая информация: что-то обсуждали... Пусть фантазируют – под свою ответственность.

Омар Исиро наклонил голову. Чувствую, что в моем повествовании о Гамове имеется важное упущение: я ничего не говорил о министре информации. Но Омар Исиро был незаметен. Невысок, молчалив, скромен, исполнитель – сколько ни пытаюсь вспомнить что-либо яркое, не вспоминается. Не знаю, за какие заслуги Гамов ввел его в Ядро, но на своем месте Омар Исиро был не хуже любого другого.

– Вудворт, вы говорили с Жаном Войтюком? – спросил Гамов, когда мы остались впятером.

– Говорил.

– О чем?

– О разных служебных неотложностях. И о том, что Семипалов и Пеано разработали план большого наступления от Забона на запад вдоль побережья. И что направление удара меня беспокоит. Наши войска пройдут так близко от пока нейтральной Корины, что она может всполошиться. Узкий пролив, отделяющий северный Родер от Корины, – слишком ненадежная защита в случае осложнений. И что я уговаривал диктатора повременить с ударом, но он отказался. В общем, как мы с вами договорились, Гамов.

– Когда был разговор?

– Неделю назад.

Докладывайте новости, – сказал Гамов Павлу Прищепе.

– За последнюю неделю Войтюк встречался с двумя посторонними людьми. Первая встреча – с продавцом магазина, тот доставил провизию. Вторая – с Ширбаем Шаром сразу после его приезда. Встречи проходили на людях, разговоров наедине не было.

– Стало быть, прямых свидетельств, что Войтюк передает секретные данные, нет?

– Прямых нет. Косвенные абсолютны. На Западный фронт прилетел Фердинанд Ваксель, четырехзвездный генерал, заместитель главнокомандующего, то есть самого Амина Аментолы. И созвал командующих армиями и корпусами. О чем совещались, пока не знаю, но практические результаты уже известны. Кортезы поспешно усиливают свой северный фронт. Войска пришли в движение, дороги заполнены колоннами машин и людей. Видимо, кортезам стало известно о готовящемся здесь наступлении, и они срочно организуют защиту.

– Если так, то подозрения против Войтюка обоснованы, – задумчиво произнес Гамов. – Семипалов, у вас такой вид, словно вы встревожены или недовольны.

Я ответил намеренно резко:

– Вы правы, Гамов: я встревожен и недоволен. Встревожен тем, что кортезы усиливают свой северный фронт. И недоволен, что мы спровоцировали их на это.

– Но надо же было разгадать тайную роль Войтюка, – возразил Прищепа. – И вы сами согласились на передачу обманных сведений.

Прищепа не видел, что мы ошиблись, а я это уже понимал. И даже подобие улыбки сползло со всегда улыбчивого лица Пеано: он тоже уловил опасность. Но Гамов был еще далек от правильного видения. Такие промахи с ним бывали редко, но все же бывали. Я постарался объяснить ему ситуацию. Вокруг Забона оборона сильная, но не маневренная: крепости, мелкие узлы сопротивления. Натиск трех-четырех дивизий она выдержит. Но если враг бросит несколько корпусов? Он, конечно, скоро узнает, что испугавшая его информация лжива и наступления на севере мы не планируем. Но не захочется ли ему тогда превратить свою ошибку в успех? Не ринется ли он всей своей массой на нашу оборону? Потерять второй центр страны – не слишком ли дорогая цена за разоблачение шпиона?

– Семипалов, мы ведь тоже планируем наступление, – возразил Гамов. – И если противник перебросит часть своих войск на север, то этим ослабит оборону в центре. Наши шансы на победу здесь возрастают.

Все это было верно, конечно. Крупное наступление в центре должно было отбросить противника в глубь Ламарии, вернуть нам потерянные области и – главное – ликвидировать тяжкие последствия измены Патины. Но каков бы ни был этот успех, он не мог компенсировать потери Забона, а такую грозную возможность я не мог исключить.

Даже враги не отрицали, что Гамов – выдающийся военный талант. Но сейчас он трагически ошибся. Я видел просчеты Гамова – и не мог его переубедить.

6

Когда конференция открылась, выяснилось, что наши союзники и понятия не имеют, что их ожидает. До сих пор не понимаю их слепоты. Они знали, что смена власти произошла путем переворота, а не вследствие добровольной уступки Маруцзяна. И видели, что Гамов отвергает прежнюю стратегию и предпочитает свою. Но им воображалось лишь усиление старой политики, а не крутой ее поворот. И они нажимали на прежние педали. Мы слышали громовые речи против Кортезии. Но о реальных делах союзники и не заикались, если не считать реальным делом просьбы товаров и денег.

– Я им такое скажу, что они завертятся, – пообещал Гамов.

Вудворт угодливостью не грешил и возразил:

– Грубые действия хороши в бою, а мы с союзниками еще не воюем. Не осложняйте пока моей работы.

Гамов не забыл советов Вудворта, когда произносил свою программную речь. Он поблагодарил союзников за моральную поддержку в борьбе с Кортезией – их сочувствие нас трогает и воодушевляет. И после словесной патоки объявил, что прекращает всякую помощь оружием, материалами и деньгами нашим верным и благородным друзьям. Причина: бедственное внутреннее положение Латании.

Прежние наши правители скрывали, что промышленность пришла в упадок, сельское хозяйство уже не способно обеспечить население продовольствием и поражение наших войск – не случайность военной фортуны, а закономерное следствие общего состояния. Когда наши войска погонят врага на запад – только тогда появится возможность помощи нашим доблестным союзникам.

Вот такая была речь у Гамова – до ошеломления ясная. И произвела она то действие, которого он желал – потрясение. Один Лон Чудин сохранял подобие спокойствия, даже улыбался. У президента Великого Лепиня имелся важный бзик – все о нем знали: он не позволял себе показывать слабость – и это было единственной его слабостью. И он не перестал быть статуей самого себя – взирал на всех со сцены величественно и улыбочиво.

Зато его брат кипел. Это было занятное зрелище – красочное негодование долговязого Кира Кируна. Он пожимал плечами, разводил руками, ухмылялся, кривился, закатывал глаза в высшем градусе недоумения. Воображаю, что он в это время говорил своему соседу слева, президенту Собраны Мгобо Мардобе, темнокожему мужчине лет сорока. Высоколобый, толстогубый, умноглазый Мардоба лишь кивал головой – похоже, молчаливо соглашался со всем, что говорил взбудораженный Кирун. Это, разъяснил мне потом Вудворт, была особенность Мардобы: он всегда молчаливо соглашался со своими собеседниками, а если его принуждали говорить – он старался этого избегать, – то, к удивлению, собеседники слышали от него отнюдь не благожелательное согласие, а порой сильные и умные возражения.

Всех сильнее негодовал Кнурка Девятый. После речи Гамова он обложил Вудворта со всех сторон – куда неторопливый Вудворт ни поворачивался, маленький хозяин Торбаша оказывался перед ним. Я проходил мимо и уловил часть их беседы. Король хватал волосатой ручкой за лацкан вудвортовского пиджака и возмущенно стрекотал свистящим голоском:

– Господин министр, встаньте на минутку на наше место. Вы наш сосед, хороший сосед, хотя, не скрою, кое-какие пограничные территории представляются нам спорными, да, очень спорными...

– Но ведь сейчас проблема не в пограничных территориях, – пытался прорваться в его речь Вудворт. – Мне думается, ваше величество...

– Нет, вам не думается, это мне думается, господин министр, – пересвистывал его король Торбаша. – Ибо лишь уступая доброму чувству к вам, нашему великолепному соседу, мы и

поднялись на могущественную Кортезию, из уважения к вам, из сочувствия к вашей борьбе и в расчете на вашу помощь. Это же ясно, господин министр! А теперь что? Брошены на произвол судьбы, должны воевать с ней один на один... А ведь это Кортезия, вы же должны понимать!

Вудворту отказала дипломатическая выдержка.

– Сколько знаю, еще ни один ваш солдат не вступил в реальную схватку с кортезами.

– Не вступил, а почему? Нет солдат, надо же их собрать, обучить, вооружить, а без вашей помощи, вы меня понимаете... И у нас нет общих границ с Кортезией! Мы хотели объявить ей войну, чтобы она высадилась на нашей земле, тогда мы героически нападём, вот такой план. Сам господин Маруцзян и великий маршал Комлин...

На заключительных заседаниях конференции я уже не появлялся: и без того хватало неотложных забот.

Произошло несчастье, которое мы сами спровоцировали и от которого я предостерегал Гамова. Кортезы не обнаружили серьезной концентрации наших сил на севере и двинулись сами. Все выгоды были у них: и перевес в войсках, и преимущество в технике. Они ринулись на Забон. Я потребовал заседания Ядра и не подбирал успокоительных словечек: для дальнейшего успеха в войне и для защиты населения Забона надо сдать этот город кортезам.

Гамов смотрел так, словно я сошел с ума.

– Сдать Забон? Вы серьезно, Семипалов?

– Мы перемудрили с обманом противника и должны теперь выкрутиться из своей же паутины с наименьшими потерями.

И я объяснил, что отстоять город можно лишь в том случае, если энергично переадресовать ему все резервы, подготовленные для центрального фронта. Но тогда ни о каком наступлении на западе и не мечтать.

И в результате: Забон сохраним, но западных областей не отвоюем, Патину за измену не накажем, Ламарию не покорим, а родеров за их естественные границы не отбросим. Ни одной стратегической цели не достигнем – такова реальная цена того обмана, в который мы ввели противника. Не всякий обман врага идет на пользу, когда имеешь дело с кортезами.

Другое дело, если сдадим Забон, продолжал я. Враг, чтобы взять его, подтянет новые корпуса, предпримет максимальные усилия. То есть ослабит центральный фронт гораздо больше, чем если бы просто хотел отразить наше обманное наступление с севера. И тогда разразится наше хорошо обеспеченное наступление на центральном фронте. И мы обойдем с запада армии, захватившие Забон, – он станет мышеловкой, в которой захлопнутся кортезы.

– План победы на всем фронте требует запланированного поражения на севере, – так закончил я свой анализ ситуации.

– Чудовищно! – воскликнул Гамов. – Могла же такая идея прийти в голову – сдать Забон!

– Главное – победить в войне, а не отстоять тот или иной город! – возразил я. – Я вас не узнаю, Гамов! Не вы ли убеждали нас, что войну надо вести неклассическими методами? И вы сомневаетесь, когда перед вами встает простенькая для любого шахматиста задачка – идти на оправданную частную жертву ради общего успеха в игре.

– Семипалов, война не перестановка фигур на доске, а страшные приговоры тысячам людей. Все во мне протестует против запланированной гибели лучшего города страны!

– Красивые слова! – бросил я. – Если мы не добьемся радикального успеха на всем фронте, погибнет куда больше людей, чем в любой битве за город. Вы это понимаете не хуже меня, Гамов.

Он понимал это. Внезапно постарев, он обводил нас потухшими глазами. Для нас с Пеано, ныне профессиональных военных, сдача или защита отдельных городов была военной операцией, а Гамов уже и тогда ощущал себя чем-то вроде представителя всех страждущих. Он не мог дать санкции на единственно разумный стратегический план.

– Разрешите мне, – сказал Вудворт. – Хочу предупредить, что сдача Забона может поколебать наш союз с Нордагом. Нордаг разочарован отказом в материальной помощи. Если у них на границе появятся корпуса родеров, вряд ли они останутся безучастными.

– Что значит – не останутся безучастными? Разорвут союз или начнут с нами войну? Хотелось бы определенности.

Усмешка на худом лице Вудворта была выразительней слов.

– Дорогой Семипалов, дипломатический язык, в отличие от военного, всегда содержит в себе элемент неопределенности.

Гамов счел предостережение Вудворта аргументом в свою пользу.

– Забон защищаем! А на западном фронте начинаем наступление немедленно. Оно заставит кортезов призадуматься, стоит ли искать успеха на севере ценой значительных потерь в центре.

На этом и закончился военный совет. Я сказал еще, что поеду в Забон проверить оборону города. Хотел бы совершить эту поездку вместе с Пеано и Прищепой. Гамов проводил меня до двери, а там остановил.

– Нам нужно поговорить, Семипалов. Приходите завтра ко мне. С женой. Ее присутствие необходимо.

– Завтра я буду в Забоне. Сегодня подойдет?

– Вызовите жену и приходите в маленький кабинет.

Министерство организации располагалось неподалеку от государственного дворца. Я позвонил Елене, вскоре она пришла. Я ждал ее в том же зале, где мы заседали.

– Что-нибудь случилось, Андрей? – спросила она тревожно.

– Случится через несколько минут. Гамов пригласил нас для секретного разговора.

– Ты ждешь чего-нибудь плохого, Андрей?

– Даже не представляю себе, чего он хочет.

Мы постучались в кабинет Гамова.

В прихожей еще не было телохранителей, они появились впоследствии. Гамов показал нам на диван, а сам сел за стол – создавал впечатление, что разговор, хоть и личный и секретный, будет в чем-то служебным, именно так я понял распределение мест. Но Елена не умела еще понимать мелочей, зато точнее меня чувствовала подспудность. Она лучше подготовилась к беседе втроем, чем я.

– Хочу договориться о совместных действиях против наших врагов, – начал Гамов. – Надо перехитрить разведку противника. Повести ее по ложному следу. Без вашей помощи сделать это трудно.

Он помолчал, переводя взгляд с меня на Елену и с нее на меня. Терпеть не могу, когда в меня долго всматриваются!

– Вы хотели нас сразу заинтересовать, Гамов. Считайте, что добились своего. Слушаем дальше.

– Собираюсь продолжить дезинформацию через Жана Войтюка, – сказал Гамов. – Сведения, переданные ему Вудвортом, сыграли свою роль. Ясно, что в разведке Войтюк пользуется серьезным авторитетом – энергичные действия маршала Вакселя можно объяснить только полным доверием. Быстрая реакция на подкинутую нами дезу поставила нас в трудное положение. Не исключено, что Вудворт слегка пережал. Чтобы такого конфуза не повторялось, надо разъединить Войтюка с Вудвортом и свести его с человеком, более осведомленным в государственных и военных делах. Ибо только он сумеет передавать кортезам нужную нам информацию по всем вопросам, а не только по проблемам специального ведомства. У нас есть такой?

– Даже два. Прежде всего вы, Гамов. А второй, смею надеяться, я.

– Правильно, два. В мое окружение Войтюку не войти. Значит, вы, Семипалов. Хочу перевести Войтюка к вам. Вам нужны свои консультанты по международным делам. Отличная возможность контакта!

Я помедлил, прежде чем задать следующий вопрос. Гамов знал, о чем я буду его спрашивать, – и волновался еще больше, чем я. В минуты большого волнения он съеживался и бледнел (а в припадках ярости, наоборот, наливался кровью).

– Хорошо, контакт. Но какого рода? В приятельской болтовне делиться с ним государственными секретами?

– Нереально. Если Войтюк и вообразит, что стал вашим приятелем, и даже поверит, что вы болтун, его хозяев в этом не убедить. Они изучили ваш характер.

– Тогда – измена, Гамов. Не настоящая – мнимая, так? Притвориться, что я враг всему, что у нас делается, враг вам, враг самому себе, враг своей родине? Я верно понял вашу мысль?

– И верно, и неверно. Враг мне – да. Но почему враг своей родине? Диктатор еще не вся страна, а только человек, захвативший в ней верховную власть. Вы играете роль моего соперника, человека, считающего, что сами вы куда бы лучше правили страной. И в дружеских разговорах с Войтюком критикуете мои действия, а попутно снабжаете его секретной информацией, которая должна дезориентировать кортезов.

– Не подойдет. Соперничество с диктатором еще не повод для измены стране. Договаривайте: вы хотите, чтобы у нашей вражды причины были более личные, чем политическое соперничество?

– Договариваю: именно так! Вы должны изобразить моего личного, моего интимного врага.

Если у Елены и были сомнения относительно ее роли в предполагаемой игре, то теперь они рассеялись. Она вспыхнула, глаза ее зло заблестели.

– Вы хотите сделать меня своей любовницей, Гамов, чтобы превратить моего мужа в своего личного врага?

Гамов редко улыбался и почти никогда не смеялся. Возбужденным, возмущенным, разгневанным, категоричным я видел его часто, но просто улыбающимся – почти не приходилось. А сейчас он улыбался, и улыбка эта мне не понравилась. Она была из тех, что называют искренними, такими улыбками стараются расположить к себе, скажу сильнее – задурить и очаровать.

– Я хочу, чтобы вы сделали вид, что мы любовники. Ваш муж ревнив, он сам в этом признался. И об этой его черте, конечно, быстро узнают наши противники. Почему бы не сыграть на ревности вашего мужа – ради блага государства? Точнее – только на представлении о его ревности: мы вовсе не собираемся вызывать ее в действительности. Тогда в глазах противников его тайная недоброжелательность ко мне станет обоснованной – и любая информация от него приобретет доказательность. Вот такую я предлагаю игру.

Я молчал. Я вспомнил, что Гамов спрашивал, ревнив ли я, задолго до того, как стал важной политической фигурой – загодя прикидывал, как станет действовать, когда будет диктатором. И ни о каком Войтюке мы тогда не знали! Я почувствовал себя бессильным против него. Игра расписана неотвержаемо, роли розданы – и властный кивок режиссера приказывает выходить на сцену!

Елена коснулась моей руки.

– Андрей, что скажешь?

Я сделал усилие, чтобы говорить спокойно.

– По-моему, игра стоит свеч.

Гамов радостно сказал:

– Вот и отлично! Разыгрываем треугольник, на первый взгляд – классический, но совершенно нетрадиционный по сути.

Он снова хвалил свои неклассические методы борьбы! А я вдруг ощутил, что он проигрывает. Он хотел, чтобы я разыграл недоброжелательство, на деле оставаясь преданным ему и служа его воле. И преданность, и служение сохранялись – тут он не ошибся. Но в моем отношении к нему появилось что-то новое. Какая-то внутренняя холодность – первый признак реального, а не выдуманного недоброжелательства.

У Елены блеснули глаза: она уже входила в свою новую роль политической актрисы.

7

К чести Омара Исиро, ни стерео, ни газеты не приукрашивали военного положения. На уличных стереоэкранах Забона ежечасно вспыхивали цветные схемы расположения наших и вражеских войск. Мы вдвоем – Пеано, Прищепе и я – помчались с вокзала в штаб обороны. Я остановил машину у газетного киоска, купил «Трибуну». Лохматоголовый лидер оптиматов Константин Фагуста воспользовался нашими неудачами на фронте для очередного удара по Гамову. Неистовый редактор «Трибуны» крупными буквами извещал в заголовке собственной статьи: «И одного бумажного калона не стоит наша разведка». И доказывал, что только дураки или предатели могли проглядеть, что неприятель сосредотачивал свои силы на северном фланге.

Я передал газету Прищепе, потом ее прочитал Пеано. Главнокомандующий, как всегда, мило улыбался. У Прищепы зло сверкали глаза. Он ненавидел Фагуста. Он и раньше говорил мне, что не понимает, почему Гамов покровительствует этому истерику.

– В народе – тревога, тревогу Фагуста отразил, – заметил я. – Этого у него не отнять – острого ощущения наших провалов. Но откуда он берет информацию, Павел?

– Каждый день – от Исиро. После особо скандальных статей его вызывает Гамов. Но Фагуста – единственный человек, на которого Гамов влияет мало – и пока мирится с этим. – И Прищепе добавил со злостью: – Долго это не продлится. Я разберусь, почему редактор «Трибуны» ведет себя так вызывающе, – и Гамов поймет, с какой гадиной имеет дело.

Это прозвучало достаточно грозно. В отличие от Гамова, Павел Прищепе – как, впрочем, и все мы, друзья Прищепы, – не был одарен способностью предвиденья.

В штабе мы познакомились с картой боевых действий. Она выглядела безрадостно. На Забон наступало в пять раз больше неприятельских дивизий, чем мы могли выставить на защиту. Я смотрел на карту и снова думал, что лучший исход – объявить Забон открытым городом, чтобы избавить от бомбежек с водолетов. А затем сдать его. Оперативная карта кричала о том же разноцветными флажками, мигающими огоньками и зелеными вспышками на местах, где значились неприятельские аэродромы: каждая вспышка означал посадку нового водолета-бомбардировщика. Я молчал. Меня окружали защитники Забона. Я не мог им сказать, что не верю в устойчивость их защиты. Зато Пеано уверил их, что с Западного фронта движутся хорошо вооруженные дивизии, с восточных заводов скоро подойдут батареи полевых метеогенераторов – потоп низвергнется на врага, когда он вступит в низины перед городом.

Все это верно, конечно: и дивизии перемещались на север, и на заводах спешно заканчивали сборку новых метеогенераторных установок, и все запасы сгущенной воды направлялись в Забон. Лишь одного не сказал Пеано: все это знает и враг. И если малоизвестный нам пока Фердинанд Ваксель не дурак и не лентяй, – а как нам хотелось бы видеть его дураком и лентяем! – он выиграет в том, в чем мы сегодня всего слабей: во времени. Он все мог сделать скорей, чем мы, он просто был ближе к Забону, чем наши маршевые дивизии, чем наши метеогенераторные заводы, чем те предприятия и города, где мы срочно изыскивали энерговоду. Я на его месте использовал бы эту фору. У меня не было оснований считать, что Фердинанд Ваксель глупее меня.

– Хочу познакомиться с разведывательными лабораториями, – сказал я Павлу.

Уже давно прошло то время, когда я удивлялся приборчикам капитана Павла Прищепы и тщетно расспрашивал об их конструкции. Теперь мне по должности надлежало знать все. И я сам подписывал приказы, превращавшие кустарные мастерские, изготавливавшие такие аппараты, в хорошо оснащенные заводы. И присваивал этому производству высший приоритет, и ассигновывал полковнику Павлу Прищепе такие суммы, от которых у моего друга капитана

Прищепы застопорилось бы дыхание и помутилось в глазах, но которые полковник с возмущением называл мизером и жаловался Гамову, что я недооцениваю разведку.

Мы с Пеано шли за Павлом, а впереди двигались два офицера, предъявлявших охране разрешение на вход то в одну, то в другую дверь – для каждого помещения требовался свой пропуск. Лаборатория ближней разведки размещалась на девятом этаже Штаба обороны Забона – четыре оперативных зала, уставленных командными приборами, и один обсервационный. Оперативные залы ни меня, ни Пеано не интересовали, в них переводились на машинный язык директивы, которые мы сами вырабатывали. Но в обсервационном зале мы задержались. Здесь можно было увидеть все действия противника в районе Забона.

Обсервационный зал напоминал обычные залы только по названию, а реально был овальным туннелем, густо уставленным самописцами. Несколько перегородок – от пола до потолка – разделяли выпуклую стену на отсеки: «Юг», «Юго-запад», «Запад», «Северо-запад», «Северо-восток». Перед пультами, наблюдая своими районами, сидели по два разведчика.

– Двенадцать приборов на одного разведчика – не много ли? – спросил Пеано.

– Можно и больше, но нет нужды, – ответил Павел. – За самописцами и интеграторами не наблюдают. Дежурные следят лишь за своими личными датчиками на территории противника.

Я смотрел на цифры, вспыхивавшие на одном из интеграторов в отсеке «Юго-запад». На этом направлении наступал Фердинанд Ваксель, прибор показывал чуды железа, перемещавшегося по шоссе № 13, – танков, автомашин, электроорудий, резонаторов, импульсаторов, вплоть до гвоздей в сапогах солдат. Датчики не расчленяли, сколько металла приходится на каждый вид снаряжения и оружия, только «железный вес». Я смотрел, как быстро скачут цифры на счетчике, и мысленно видел шоссе, заполненное людьми и машинами, – большие, очень большие силы бросал главнокомандующий кортезов на Забон! Гамов не захотел добровольно сдать город. Сумеем ли мы отстоять его? Найдем ли защиту от лавины людей и металла?

Павел показал Пеано металлический стерженек – по виду обыкновенный гвоздь. Это и был интегратор продвигающегося мимо него железа.

– Такие датчики вбиты в деревянные столбы, присыпаны землей вдоль дорог, приварены к фермам мостов. Найти их трудно, а еще трудней расшифровать их передачи.

– А личные датчики? – выпрашивал Пеано.

– Принцип тот же. Интегратор и воспринимающий аппарат. Просто для большей секретности личный датчик настроен на индивидуальное биополе разведчика или на его столь же индивидуальный приемник.

– Понял. Личный датчик осуществляет связь дежурного разведчика с его агентами на территории противника. Так?

Я подошел к сектору «Северо-восток». Здесь висели такие же приборы, только их было поменьше: этот сектор высвечивал территорию Нордага, не то нашего нерешительного союзника, не то столь же нерешительного нейтрала. В этой небольшой стране руководители не слишком кляли Кортезию и не распинаясь в любви к нам. Но зато, в отличие от других соседей, не выпрашивали ни товаров, ни денег. Президент Нордага даже не приехал на конференцию – прислал одного из министров.

Меня встревожили показания интеграторов «Северо-востока». На дорогах, примыкавших к нашей границе, перемещались слишком большие массы металла. Вудворт предупреждал, что любой союзник может превратиться в открытого врага. Нордаг если и не превращался во врага, то основательно укреплял свою пограничную оборону.

– Возвращаемся, – сказал я Прищепе и Пеано.

В штабе я вызвал по видеотелефону Гамова.

– Положение грозней, чем я думал, – сказал я. – У Вакселя больше сил, чем мы предполагали. И мне не нравится, что на границы Нордага интенсивно выдвигаются войска. Потре-

буйте от Штупы срочной готовности к большому метеоудару. Пеано вылетает в Адан, чтобы форсировать действия на Западном фронте, я остаюсь в Забоне.

– Оставайтесь. О ваших подозрениях относительно Нордага информирую Вудворта. Мне давно не нравится ледяная сдержанность нордагов, но Вудворт к ним благоволит.

Штупа прилетел в ту же ночь. К утру пришел состав с метеогенераторами. Штупа приступил к монтажу метеоустановок. Я попросил его явиться ко мне в штаб.

– Когда начнут действовать метеогенераторы? – спросил я.

– Спустя двое суток мы разыграем такой ураган, что у кортезов слетят каски с голов, – ответил Штупа.

– Спустя двое суток кортезы подойдут к возвышенностям вокруг города, к нашей последней линии обороны, Казимир, – сказал я, пренебрегая условностями обращения, – ветром армию Вакселя не сдуть. Ее надо утопить! Только это может помочь Забону до подхода дивизий с Западного фронта.

Штупа ответил не сразу. Он очень изменился, наш министр погоды Казимир Штупа. Еще недавно я встречался в квартире генерала Леонида Прищепы с другом его сына – миловидным военным метеорологом, почти юношей Казимиром. Тогда он казался еще моложе своих лет. А сейчас передо мной сидел человек, утративший всю прежнюю миловидность, утомленный, хмурый, неразговорчивый. Он был много старше своего возраста.

– Сколько дней потопу нужно? – спросил он.

– Чтобы новые дивизии сосредоточились вокруг Забона – две недели. Первая часть подойдет через семь дней.

– О двух неделях и не мечтайте – одной не обеспечу!

– Сколько же дней вы гарантируете?

– Три, максимум четыре.

Теперь замолчал и я. Четырех дней ливня могло не хватить.

– Хорошо, – сказал я. – В смысле плохо, а не хорошо. Раз так, не будем торопиться с ливнем. Хляби небесные разверзнем, когда кортезы начнут карабкаться на высоты. Это даст нам выигрыш в сутки.

Штупа ушел на монтажную метеоплощадку. В штабе мне выделили отдельную комнату со стереозэкраном во всю стену и пультом набора информации. Теперь на своем экране я мог продублировать любой интегратор и самописец подземной разведывательной лаборатории – каждому прибору отвечала своя комбинация цифр на моем пульте.

Маршал Ваксель настолько обнаглел, что не сбивал летающих над ним аэроразведчиков. Он был уверен в своем превосходстве над нами. Он знал, что я прибыл в Забон и команду обороной. Между нами установилась невидимая связь. Он издевался надо мной уже тем, что давал разглядывать, как движутся его дивизии. Павел доставил мне портрет Вакселя, я поставил фотографию на стол.

Фердинанд Ваксель, представительный мужчина лет пятидесяти, победно светил четырьмя золотыми звездами на отворотах мундира, тонкогубое лицо кривила насмешливая улыбка, глаза смотрели пронизательно и властно. Я вдумывался в его лицо, как в загадку, искал в нем подспудности – и не находил ее. Ваксель был ясен, как обитый железом стенобитный таран. И обладал такой же пробивной силой! И я ломал голову, как перебороть, как пересилить, как перехитрить этого человека, моего противника, так грозно надвигающегося на меня.

Вошел Казимир Штупа.

– Генерал Семипалов, я готов. Когда начинаем?

Я подвел его к экрану и включил обзор юго-западного направления. Гряды невысоких возвышенностей, дугой охвативших город с востока до моря на севере, именно здесь, на юго-западе, была всего ниже, и именно сюда Ваксель направил свои ударные дивизии. Перед возвы-

шенностями простирались болотистые и лесистые низины, их постепенно заполняли машины и люди.

Цветной экран отчетливо показывал, как концентрировались неприятельские войска. С вершин холмов срывались молнии – это пристреливались дальние электробатареи нашей обороны.

– Завтра до полудня они полностью сосредоточатся, – сказал я. – Во второй половине дня Ваксель даст солдатам отдых. Утомленные войска он в атаку не погонит. Кортезы воюют по науке, Казимир. К ночи они начнут натиск. Ночью разыграйте над ними ураган, а если не удастся слуть карабкающихся на холмы, утром смойте их оттуда, залейте водой. Вы не опасаетесь контрциклонного противодействия?

– Ваксель везет несколько таких же метеогенераторных установок, что и у меня. Монтаж их заканчивается.

– Но это означает...

– Нет, Семипалов. На мои метеоустановки работают все метеостанции страны. Я буду лишь распределять облачные массы, которые издалика гонят к Забону. У Вакселя нет метеомощности, сравнимой с нашей.

– Завтра перебазируюсь к вам, – сказал я, отпуская Штупу. – Прищепка смонтирует на вашем командном пункте такой же обзорный экран.

К утру следующего дня Ваксель подвел свои ударные части к возвышенностям, оборудовал электробатареи, замаскировал их и дал дневку солдатам. Только редкие водолеты пронесли над замершими холмами. Я приказал не тратить на них снаряды: наши артиллеристы плохо сбивали движущиеся цели, к тому же не следовало расшифровывать огневые точки.

В полдень я перебрался к Штупе. Он оборудовал свой командный пункт на обратном скате холма. Метеоцентр походил на любой другой командный пункт: по стенам самописцы, интеграторы, командная аппаратура, приборы акустической и оптической связи... И операторы в военной форме. Сам Штупа сидел в уголке за особым пультом, сбоку высился обзорный экран. Он хмуро сказал:

– Приготовления у них закончены. Третий час отдыхают.

– Раньше ночи не выступят. Можете отдохнуть и вы.

– Нам не до отдыха. Самый пик подготовки.

Я вышел наружу и присел на камень. Солнце склонялось к западу. Стояла середина лета, от травы струилось тепло и терпкие запахи. Небо, безоблачное, бледно-голубое, жарким копаком покрывало холмы и низины. В мире стояла великолепная тишина, он был умиротворенным и вялым: ни одна травинка не шевелилась. Но не только разумом, но и всей кожей я ощущал великое внутреннее напряжение, охватившее природу в этот послеполуденный час. Она не отдыхала, томно и благодушно, как полагалось в дни позднего лета, а сдерживала внутренний трепет – она-то знала, какую бурю в ней накапливают.

Затем на восточном краю неба возникли первые облака. Я думал, тучи будут мчаться на нас из глубины страны – там их накапливали и упорядочивали в массы неохватной толщи, ждущие лишь транспортного циклона, чтобы ринуться на запад. Но туч не было – были беленькие облачка, возникавшие в прозрачном воздухе как бы из ничего. И они не двигались, а стояли, лишь постепенно становясь крупней и из слепяще белых превращаясь в серые и темные. Из командного пункта вышел Штупа.

– Кортезы разгадали наш маневр, генерал. Посмотрите на запад.

Я навел бинокль на противоположную сторону неба. Там появились такие же белые облачка, что и на нашей стороне, и они тоже укрупнялись и темнели и так же неподвижно торчали над скрытыми позициями кортезов, как наши над нами.

– Противодействие нашей метеоатаке? – спросил я.

– Да.

– Это опасно?

– Не думаю. Здесь их метеомощности все-таки несравнимы с нашими. Но неожиданности не получилось. Соответственно, и эффект будет другой.

– Но залить их в низине мы сумеем?

– Нам тоже достанется. Обязан поставить вас об этом в известность, прежде чем прикажете метеоатаку.

– Нам уже досталось, Казимир. Враг подошел к последней линии обороны. С первым сигналом индикаторов, что кортезы выбираются из укрытий и карабкаются наверх, начинайте их смывать.

– Постараюсь, – ответил Штупа.

Ответ прозвучал не по-военному уклончиво – я потребовал объяснений. Штупа снова показал на запад. Солнце там скрылось в тучах. На западе вечером полагалось быть светлей, чем у нас. Но у нас еще сияло небо, а над кортезами густела ночь. Впечатление было такое, будто противник богаче облаками, чем мы. Я сказал об этом Штупе, он хмуро улыбнулся.

– Нет, конечно. Кортезы готовятся к контрциклонной борьбе, чтобы ослабить наше водоизвержение.

Из-за сгущения облаков вечер наступил часа на два раньше своего времени. Я вернулся на командный пункт и больше не отрывался от экрана. Фердинанд Ваксель вдруг стал доказывать, что не все в его действиях можно предугадать. Ни одна машина не показывалась из укрытий. Он остановил свою армию в глубоких низинах и хладнокровно позволил мне использовать все преимущества нашего положения. Впервые он действовал не так, как действовал бы я. Я не считал, что он глупей меня. Но все же самым умным для него было бы вырваться из низин, не дожидаясь ливня, и, овладев возвышенностями, открыть последние запертые ворота на Забон.

– Резон у кортезов имеется, – ответил Штупа на мой вопрос. – Он провоцирует нас на метеоудар еще до сражения за высоты. Ваксель знает, что наши метеогенераторы долгой бури не обеспечат. Хочет отсидеться, а когда потоп схлынет, развить атаку.

Штупа меня не убедил. Если Ваксель задумал отсидеться в низинах, то и мы могли не начинать бури. Каждый день промедления работал на нас: с Западного фронта на помощь нам двигались дивизии. Я вызвал Прищепу.

– Павел, меня удивляет затянувшийся отдых кортезов. У тебя нет новостей о Вакселе?

– Да он вовсе не бездействует! Он отводит армию назад. Просто он ждал темноты. К утру в низинах останутся лишь стационарные установки. Тяжелые орудия, камуфлирующие сооружения, но ни одного солдата.

Теперь план Вакселя стал мне ясен. Своим быстрым броском к возвышенностям он спровоцировал немедленное раскручивание циклона. А тайный уход из низин только что вступившей туда армии гарантировал, что наш метеоудар принесет кортезам гораздо меньше потерь, чем мы планируем.

Хитроумного Вакселя надо было опередить и потопить его армию до того, как она выберется из низин. Я приказал Штупе:

– Запускайте бурю!

Я вышел наружу. Прислонившись спиной к валуну, я обводил биноклем небо. Оно в считанные минуты изменилось. С востока ринулись тучи, с запада двинулся встречный облачный фронт. Вдруг на все стороны распростерлась тьма. Ветер вначале мчался поверху, потом опустился на землю. Встреча двух ураганов – запущенного Штупой с востока, и западного, энергично вызванного противником, – произошла над холмами. Воздушный поток отражался встречным потоком, один облачный фронт яростно напирал на другой. Битва ветров и туч быстро превратилась в битву огней, линия сшибки высвечивалась молниями. Сначала они только взрезали толщи облаков, потом их стало так много и они вспыхивали так непрерывно, что небо превратилось в огненный купол – пылало от горизонта до горизонта. И горизонт

можно было определить как линию, за которой уже не бушует огонь. Пожар неба освещал пока еще неподвижную землю.

Небо не только горело, но и грохотало. Как все молнии сливались в один исполинский пожар, так и небесные электроразряды складывались в один вселенский грохот. Небо гремело отовсюду, тяжкий гул обрушивался на землю. Я помнил гром электробатарей нашего корпуса, когда мы прорывали главный заслон врага при отступлении к своим. Тогда разом ударила сотня электроорудий. Я думал, что уже никогда не услышу подобного – дрожали руки и сгибались ноги. Но грохот противоциклонной борьбы настолько же превосходил электробатарейный гром, насколько сама тяжкий гул электробатарей превосходит треск ручного резонатора. Я бросил бинокль на землю, зажал уши руками. Надо было поскорей уходить в помещение, инстинкт гнал в укрытие – только напряжением воли, гневным приказом самому себе я заставил себя остаться у валуна.

А затем опустившаяся буря стала взламывать землю. Мимо валуна проносились камни величиной с футбольный мяч. Уроненный тяжелый бинокль вдруг взвился вверх и умчался, не падая. Ветер отрывал меня от валуна – долго противостоять такой буре я не мог.

И когда я уже терял последние силы, ко мне подобрался метеооператор и сам Штупа, ухватили за руки и потащили в укрытие.

– Если бы кортезы поднимались сейчас на возвышенность, их сдуло бы как пушинки, – сказал Штупа.

Но они не поднимаются на возвышенность, Казимир. Они бегут назад. Не пришло ли время потопить врага?

Штупа показал на обзорный экран. Хотя молнии пылали везде, все же в местах противоборства облаков они взрывались ярче. Огненная река перерезала небо на две неравные половинки, она выгибалась на запад, а не уходила на север.

– Пока не слошим атмосферного сопротивления кортезов, начинать ливень опасно. Слишком много воды обрушим на своих.

– А пока мы будем отгонять их тучи, вся армия Вакселя покинет опасное место. Мы все же на возвышенности – нам ливень не так страшен. Бросьте потоп вдогонку кортезам.

Штупа отдал приказ операторам и снова подошел к экрану. Огненная линия противоборства облачных масс выгибалась все дальше. Ветер с востока пересиливал ветер с запада.

А затем разверзлись хляби небесные. Вода с тяжким гулом обрушилась на землю. Я подошел к выходу из командного пункта, прислушался к ее шуму. Грохот потопа менялся: сперва он был глухим и рычащим – земля негодуя отвечала низвергающейся воде. Потом голоса земли затихли – звучала одна вода, бьющая по воде. И уже не гудела, а звенела и шипела. Вода залила сушу, собралась в озера. А спустя еще какое-то время озера прорвали свои берега и стали потоками, бешеные ручьи помчались по земле – новый могучий гул перекрыл и заглушил недавние звон и шипенье. И скоро к общему грохоту мятущейся воды добавился еще новый гул, самый сильный, – загремели водопады, падающие в низины. Ночь посерела – шло утро, но света не было, свет поглощала водная пелена. И воздуха не было – вместо него была одна вода, вода вверху, вода внизу, вода кругом, прутья и стены воды. Возможно, надо бы назвать это как-то по-другому, а не прутьями и стенами, но я не подберу других сравнений для искусственно вызванного потопа. Не выходя наружу, я всматривался и вслушивался в клокочущий мир. Всматриваться было не во что: мир пропал, была лишь мутная, непрозрачная пелена. А сквозь тысячеголосый грохот воды прорывались отдаленные громы молний и уханье чего-то падающего с холмов – не то валунов, не то оставленных вне укрытий машин.

Я соединился с Павлом.

– Ваксель знал, что мы ему готовим, и постарался себя обезопасить, – доложил Прищепа. – Датчики фиксируют множество герметичных автомашин и амфибий. Противник пре-

одолевают болота и потоки где вплавь, а где по дну. Много разбитой техники. Наступление кортезов сорвано.

– Не сорвано, а отложено, Павел. Обычной воды в облаках наготовлено на неделю потопа, считает наш министр погоды, но энерговоды надолго не хватит. Двое суток такого ливня – и Штупа выдохнется.

– И по крайней мере трое суток, пока почва достаточно просохнет, чтобы кортезы возобновили наступление. Я информировал Пеано о событиях на нашем участке. Он ускоряет движение дивизий. Вряд ли Ваксель сможет наступать до прихода к нам помощи.

– Будем надеяться на это, – сказал я.

Ливень продолжался две ночи и два дня. Я держал на связи Забон и Гамова. Городские власти умоляли прекратить наводнение: забита ливневая канализация, улицы превращены в бушующие потоки. Гамов сердился: Ваксель отошел на безопасное расстояние и хладнокровно ждет, пока мы уgomонимся – надо перенести ливни и на территорию, куда он отступил. Я посоветовался со Штупой. Он не пожелал тратить страховые резервы сгущенной воды на такую дорогостоящую операцию, как дальний переброс не израсходованных на ливень туч.

– Я уже прекращаю контроль над тучами, – сказал он. – И они начинают рассеиваться по своим естественным законам. Завтра, к сожалению, будет ясный день.

Ясный день начался с ясного утра. Над землей засияло бледно-голубое небо, такое прозрачное, словно его тщательно вымыли. А земля была исковеркана и залита грязью. На месте массивного валуна, защищавшего меня во время урагана, была выемка, затянутая уже подсыхающим рыжим месивом: ливень вытащил валун из земли, в которой он покоился, наверно, многие тысячелетия, подкатил к обрыву и сбросил. Мой бинокль тоже покоился где-то внизу – я попросил у Штупы другой. В бинокль открывалась однообразная картина: поваленные леса, реки, переставшие быть реками и превратившиеся в болота. Даже показавшемуся летнему солнцу требовалось основательно поработать, чтобы вернуть в это царство грязи хотя бы подобие твердости. Нового наступления кортезов можно было не опасаться по крайней мере неделю.

Из командного пункта выскочил метеооператор.

– Генерал, вас к правительственному пульта!

Штупа протянул мне две телеграммы. В первой Гамов требовал, чтобы я немедленно возвратился в столицу. А во второй – от Вудворта – говорилось, что нам объявил войну Нордаг. Наш северный сосед, сдержанный и в показной дружбе, и в тайном недоброжелательстве, первый из союзников выступил против нас открыто. Инициированный нами ураган залил не только Забон, но и пограничные районы Нордага. Франц Путрамент, президент страны, обвинил нас в метеоагрессии. Я читал и перечитывал телеграмму. Штупа что-то спросил, я не ответил. Я ненавидел себя. Ведь я же видел на разведывательных интеграторах Прищепы, какая масса железа перемещается вдоль границ Нордага! Почему, нет, почему, обнаружив неладное в секторе «Северо-восток», я отнесся к этому так легкомысленно? Вудворт предупреждал нас с Гамовым, что на верность Нордага полагаться нельзя, Ваксель заставил меня служить своему плану. Так ли уж трудно перехитрить неумного противника – а разве я теперь имею право называть себя по-другому? Сам полез в расставленную ловушку, сам полез, да еще так энергично!

В помещение быстро вошел Прищеп.

– Слушаю, Павел! – сказал я. – Какие еще несчастья?

– Нордаги большими силами опрокинули нашу пограничную оборону. Они окружают Забон. Андрей, завтра они будут на том месте, где сейчас мы с тобой разговариваем. Какие приказания?

Я раздумывал, рассеянно глядя на экран. Операторы показывали северо-восточную окраину Забона. Там уже появились чужие войска. Нордаги не маскировались: они знали, что

серьезного сопротивления не встретят. Мы все были недопустимо, преступно легкомысленны, и я – первый среди всех!

– Немедленно водолет! – приказал я Штупе. – Временно оставляю вас вместо себя. Будете оборонять город в окружении. Я с Прищепой лечу в Адап.

8

– В катастрофе виноват я, – сказал я на заседании Ядра, – остальные лишь выполняли мои приказания. Я позволил Вакселю позорно перехитрить меня.

Гамов был в состоянии ледяного неистовства – в тот день, признаваясь в своей неудаче, я впервые увидел его таким.

Тогда я не удивился – я был слишком подавлен, чтобы чему-нибудь удивляться, но впоследствии мне часто казалось, что оно, это состояние сдержанного исступления, еще страшней часто овладевавшей Гамовым ярости.

– Семипалов, не преувеличивайте своих ошибок. Мы все виновны в позорных просчетах. За них придется платить не только нам, но и нашим противникам. Мы страшно вознаградим их за то, что они обвели нас вокруг пальца!

Я опасался, что Гамов потребует от меня готовой программы, как выправить положение, – в голове не было ни одной стоящей мысли. Но он уже придумал план действий – и такой, какими впоследствии часто сражал противников: этот план так менял обстановку, что одним этим становился непредсказуемым.

– Полковник Прищепа, – сказал Гамов, – докладывайте.

Павел во время нашего перелета в Адан непрерывно получал донесения от своих разведчиков. В Адане добавились новые данные. Нордаги продвигались с вызывающей быстротой. Забон уже окружен. Наши части отброшены с возвышенностей, защищающих город. Армию Вакселя и дивизии нордагов разделяют лишь те низины, которые Штупа залил и которые пока непроходимы для машин и для пеших. Нордаги уже захватили продовольственные склады Забона, расположенные в ущельях вне города. Еды в городе хватит недели на две, потом начнется голод. Франц Путрамент выступил по стерео. Вот выдержка: «Мы не будем атаковать город. Мы выморим Забон, не тратя ни одного солдата. Когда его улицы усеют трупы погибших от голода, мы вступим на его проспекты с развернутыми знаменами и устроим на площадях торжественный парад».

– Мерзавец! – прошептал побледневший Готлиб Бар.

Гонсалес сделал пометку в своем блокноте. Не сомневаюсь, что он вписывал в него кары, какие обрушит на Путрамента и его министров, когда они предстанут – если предстанут – перед Черным судом.

– Предлагаю первоочередные меры, – сказал Гамов. – Продовольственные нормы в Забоне сокращаются вдвое. Мне горько идти на это, но другого выхода нет. Чтобы все помнили, что происходит в Забоне, вводим у себя в правительстве нормы этого города.

Готлиб Бар, любитель поесть, горестно вздохнул. Он так же печально вздыхал, когда Гамов, вводя валютную реформу, объявил нам, что ни один министр, тем более – член Ядра, не вправе рассчитывать на золото и банкноты. Ибо, сказал тогда Гамов, валютные товары комплектуются из резервов, созданных до нас трудом всего народа, а мы, правительство, ответственны лишь за текущую продукцию, оплачиваемую в калонах. Окружение Маруцзяна жадно обирало людей, мы же будем первым правительством, получающим меньше, чем средний труженик.

– Бар, доложите о производстве энерговоды и строительстве водолетов, – приказал Гамов.

Производство сгущенной воды увеличивалось. Четыре новых завода уже в строю, на подходе еще двенадцать, развернулось строительство тридцати одного. Через год будет работать около шестидесяти энергозаводов.

С водолетами хуже. Только одна Кортезия накопила опыт производства этих капризных летательных аппаратов. И одна создала боевой флот таких машин. У нас до переворота имелся

лишь пяток водолетов – они обслуживали правительство и в боях не участвовали. Уже изготовлено два десятка машин, к весне будем иметь несколько сотен.

– До будущей весны ждать не будем, – сказал Гамов. – Используем построенные водолеты немедленно.

И он объявил свой план вызволения Забона. Военные операции на западе прекращаются. Пеано оставляет здесь прочную оборону, а все высвободившиеся силы направляет на север. Задача перебрасываемой на север армии – в течение трех-четырех недель отогнать нордагов от Забона и перенести войну на их территорию.

– Невозможно, – сказал Пеано, – шесть недель – вот самый минимум для переброски армии с запада на север.

– Продовольствия в Забоне хватит лишь на четыре недели – даже по урезанной вдвое норме. На пятой неделе начнется вымирание.

Был один из тех редких случаев, когда даже тени улыбки не появилось на лице Пеано. Он считал точно: даже за четыре недели не перебросить и не подготовить к бою целую армию. Я мог подтвердить это. Но я молчал. Гамов требовал того, чего и я потребовал бы на его месте.

– Вы сказали, что есть два десятка водолетов, – вдруг подал голос Пустовойт. – Может, перевозить на них продовольствие в осажденный Забон?

Для министра Милосердия было естественно изыскивать пути спасения людей, но даже непрерывные полеты двух десятков водолетов не сумели бы продлить больше, чем на часы, существование огромного города.

– Водолеты предназначены для диверсии в тылу врага, – ответил Гамов.

Штаб нордагов, сказал он дальше, расположен в лесу недалеко от столицы этой страны. Охраняется надежно – по сухопутным дорогам к нему не добраться. Но почему не напасть с воздуха? Выбросить десант и захватить в плен командование. Если повезет, заполучим самого Путраменты. Когда военачальники нордагов будут в наших руках, все течение войны переменится.

– Ваше мнение, Семипалов?

У меня были возражения. Я не против диверсии, ее удача могла спасти Забон. Но использование водолетов я одобрить не мог.

С первого дня нашей власти мы условились, что водолеты – самое секретное наше оружие. О том, что мы так расширяем их производство, враг догадываться не должен. Небольшая воздушная диверсия раскрывала этот план. Ради спасения города мы снижали шансы на победу в войне.

– Понимаю вас, Семипалов, – с волнением сказал Гамов. – Но ни вы, ни я никогда не простим себе, если в Забоне от голода умрет хоть один человек. Ведь это мы с вами, в первую очередь мы двое своими ошибками поставили город в такое страшное положение. Помню, помню, вы возражали мне, когда решалась северная операция, но ведь не настояли на своем, Семипалов! Не опровергли меня, а согласились. Соглашайтесь и сейчас, прошу вас!

– Соглашаюсь, – ответил я. Еще не было случая, чтобы Гамов упрашивал, а не требовал. Я не мог ответить отказом на такое обращение. И снять с себя вину за то, что Забон попал в беду, я не мог: вначале уступил настояниям Гамова, затем дал себя позорно обмануть маршалу Вакселю.

– Водолеты уже вылетели с базы, – сказал Гамов. – Перед заходом солнца они начнут операцию. Семипалов, вы срочно возвращаетесь в Забон. Сейчас пойдемте все вместе обедать.

– Я пообедаю дома, – поспешно сказал Готлиб Бар.

Готлиб и раньше не жаловал правительственную столовую: его безлика в остальных отношениях жена в этом одном, в приготовлении вкусных блюд даже из невкусных материалов, достигла подлинного мастерства. На старых «четвергах» у Бара мы не всегда успевали посмотреть на нее, когда она входила с блюдами пирожков и сладких печений, но изделия ее

сразу приковывали взгляд. После нового сокращения правительственных пайков Бару было муторно в нашей столовой.

Мы с Гамовым сели за отдельный столик. Еда с сегодняшнего дня еще больше отвечала оценке, данной ей некогда Баром: «Во-первых, дрянь, а во-вторых, мало».

– Семипалов, Войтюк уже переведен к вам, – сказал Гамов, понизив голос. Войтюк оставался загадкой для всех, кроме нас с ним, да еще Вудворта и Прищепы. – Он получил свой кабинет в вашем министерстве. К сожалению, вы уже не сможете познакомиться с ним сегодня.

– Наоборот, раньше познакомлюсь с ним, а потом вылечу. У меня появились кое-какие соображения, скажу о них после. Две просьбы, Гамов. Разрешите поглядеть на покаянный лист Войтюка. И позвоните, когда начнется операция водолетов, я еще буду у себя.

– Покаянный лист Войтюка в вашем столе. Когда водолеты вылетят, я позвоню и скажу одно слово: «да».

После обеда я вынул покаянный лист. В невыразительном лице Войтюка не проглядывало ни одной своеобразной черты. И собственноручная исповедь подтверждала впечатление, что ни на что выдающееся этот человек не способен. Он, конечно, совершал неблагоприятные поступки – все в аппарате Маруцзяна виновны в этом. Но то, в чем признавался Войтюк, было так ничтожно в сравнении с тем, что позволяли себе другие! Неудивительно, что этот человек первый решился на исповедь, думал я. Уж не ошибся ли Павел, приписав такое значение умолчанию об изумрудном колье? Вряд ли женщины любят мужчин с физиономиями войтюков, особенно когда эти женщины красивы и честолюбивы, как Анна Курсай, его жена. Но если появление у Войтюка фамильной драгоценности семейства Шаров произошло по причинам интимным, а не политическим, то это оправдывает умолчание о колье в покаянном листе, зато порождает другую загадку: кто-то все же передал кортезам информацию о концентрации наших сил около Забона? Тогда надо искать другого шпиона. И я сказал себе: буду исходить из того, что именно Войтюк шпион и что невыразительность его физиономии не больше чем камуфляж такого высокого мастерства, что перед ним кустарной подделкой будет сияющая улыбка отнюдь не улыбчивого Альберта Пеано и очень женственная, очень нежная красота беспощадного Аркадия Гонсалеса. Итак, с Войтюком надо держать ухо востро!

Он вошел по моему вызову – точно такой, каким был изображен на фотографии. Только вытянулся по-военному, даже пристукнул каблуками. Зато заговорил вполне по-граждански:

– Вы, кажется, вызывали меня, генерал?

– Не «кажется» вызывал, а просто вызывал. Садитесь, Войтюк.

Он сел на краешек стула. Это могло означать высокую степень почтения. Я сразу дал понять, что со мной надо вести себя проще.

– Садитесь удобней, Войтюк, разговор будет долгим.

Он разместился удобней.

– Мне разрешили прочесть ваш покаянный лист, хотя это документ секретный. Без этого я не мог взять вас к себе.

– Моя биография вызывает сомнение? – поинтересовался он с некоторым беспокойством.

В общем нет. Мелкие проступки материального свойства... Преследованию закона не подлежат – не всякий этим похвалится. Вы, конечно, знаете, для чего вас переместили ко мне из ведомства Вудворта?

– Конечно, не знаю, – сказал он. И это намеренное повторение моих слов было пока единственным проявлением нестандартности. Сквозь внешнюю сглаженность проскользнуло что-то острое. Мне стало легче. Камуфляж меня не смущал – боялся лишь пустоты. Теперь можно считать, что его поведение – блистательно маскировка.

– Министерство внешних сношений меня не удовлетворяет, Войтюк. Отношения с ним слишком официальные. Запросы, ответы, бумаги, печати... Мне надо иметь под боком свой

филиал этого министерства, без бумаг, без телефонов... Своего консультанта по иностранным делам. Вудворт рекомендовал вас.

– Готов услужить. Если вы точнее обрисуете мои задачи...

Я сделал вид, что думаю о своем и не слышу его.

– Эта трагическая операция у Забона... Кто мог ожидать, что президент Нордага Франц Путрамент так отреагирует на запущенный нами ливень, угодивший уголком на его территорию? Да подозревай я о такой реакции, разве разрешил бы направлять туда циклон? Вы опытный дипломат – скажите честно: вы ожидали, что на нашу совсем не провокационную операцию эта бестия Путрамент ответит войной?

– Я проблемой Нордага не занимался, – осторожно ответил Войтюк. – Но вполне можно предположить, что у нордагов с кортезами тайные соглашения. И если учитывать характер самого Путрамента... Вспыльчивый, импульсивный, неустойчивый – в общем, мало похож на нордага, нордаги – люди уравновешенные... Если бы вы меня спросили раньше, не выступит ли Нордаг, затронь мы его кровные интересы, я ответил бы вам: да, такая опасность имеется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.